
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В РУКОВОДСТВЕ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБОЙ

В системе органов стратегического руководства вооруженными силами в годы войны важное место занимал Генеральный штаб Красной армии. С созданием Ставки Главного командования он должен был стать ее основным стратегическим органом управления войсками действующих фронтов, сил флотов и Вооруженных сил СССР в целом. Однако в первые недели и месяцы войны, как отмечалось ранее, у Верховного главного командования были все основания высказывать неудовлетворенность деятельностью Генерального штаба, не виной, а бедой которого, по утверждению С. М. Штеменко, было то, что он не всегда располагал достаточно подробными данными о положении своих войск и войск противника на фронтах¹.

Из-за частых нарушений связи, потери управления войсками на сбор и анализ информации затрачивалось очень много времени, и к моменту представления обобщенных данных об оперативно-стратегической обстановке в Ставку ВГК они устаревали. В результате к моменту принятия решения обстановка резко изменялась. Войска получали нереальные задачи и выполнить их не могли.

Становление Генерального штаба Красной армии как основного планирующего, организующего и руководящего органа Верховного главнокомандования происходило уже в ходе войны.

Оптимизация организационной структуры и функций Генерального штаба в ходе войны

Генеральный штаб вступил в войну, имея организационно-штатную структуру для решения задач военного строительства и подготовки страны и вооруженных сил к войне. В предвоенное время и особенно с началом Второй мировой войны его организационная структура претерпевала неоднократные изменения, обусловленные ростом объема и сложностью задач военного строительства. Так, в октябре 1939 г. Генштаб был переведен на новую организацию, ряд его отделов развернут в управления. Однако уже после завершения Советско-финляндской войны были предприняты новые шаги по дальнейшему структурированию и повышению роли Генштаба в системе органов управления РККА. В частности, состав его самостоятельных управлений был расширен с четырех до восьми, в том числе за счет введения управлений разведывательного, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск, необходимость в создании которых выявила война².

Весной 1941 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и советского правительства от 8 марта 1941 г. в Наркомате обороны были перераспределены обязанности между заместителями наркома обороны, уточнены структура и функции Генштаба и его подразделений.

Таким образом, практически до начала Великой Отечественной войны в Генеральном штабе проводились мероприятия по совершенствованию организационно-штатной структуры, уточнению его задач и функций. Вместе с тем в предвоенные годы не удавалось решить вопросы по комплектованию основных подразделений Генерального штаба высококвалифицированными кадрами. Отрицательную роль в этот период сыграли частое переназначение начальников его основных структурных подразделений и смена начальников Генштаба. За четыре предвоенных года должность начальника Генерального штаба исполняли маршалы А. И. Егоров, Б. М. Шапошников, генералы армии К. А. Мерецков и Г. К. Жуков.

Все это весьма неудовлетворительно сказалось на качестве решения стоящих перед Генеральным штабом задач, важнейшими из которых являлись: прогнозирование характера будущей войны; анализ военно-политической и стратегической обстановки; оперативно-стратегическое и мобилизационное планирование; подготовка вооруженных сил к отражению возможной агрессии; развитие военной теории и практики; решение вопросов устройства тыла и снабжения Красной армии; организация строительства укрепленных районов и прочее. Многие из вышеперечисленного Генеральный штаб успел сделать к началу войны, однако это были задачи военного строительства мирного времени. И в результате оказалось, что, готовя страну и вооруженные силы к войне, Генеральный штаб сам оказался не подготовлен к оперативному управлению ими в ходе боевых действий — ни структурно, ни функционально.

Война поставила перед органами военного управления, в том числе перед Генеральным штабом новые задачи, главной из которых было устойчивое управление войсками действующей армии. С первых дней войны стало очевидным, что с развертыванием фронтов и армий его организационная структура, ориентированная на решение задач в условиях мирного времени с опорой на управления военных округов, перестала отвечать требованиям быстро меняющейся оперативно-стратегической обстановки.

Положение усугублялось тем, что на базе штабов военных округов были развернуты органы управления военного времени — полевые управления фронтов, а Генеральный штаб оставался в прежней организационной структуре. Дело в том что в начале войны Главное командование не отводило Генеральному штабу ведущей роли в управлении войсками действующей армии. Ставка Главного командования рассчитывала остановить агрессию противника силами войск приграничных округов и, несмотря на развитие событий 22 июня 1941 г., не оставила этой мысли, решив усилить командования созданных фронтов руководящим составом центрального аппарата, в том числе и за счет руководства Генерального штаба, включая его начальника. В разговоре с Г. К. Жуковым И. В. Сталин так мотивировал это решение: «Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования»³.

На другие фронты также были направлены руководящие лица Наркомата обороны: первый заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин — на Северо-Западный, заместитель начальника Генерального штаба В. Д. Соколовский и начальник Оперативного управления Г. К. Маландин — на Западный. Попытки Главного командования ограничиться оказанием помощи командованию фронтов выездом в действующую армию начальника и других руководителей Генерального штаба только усугубили положение дел с централизацией управления вооруженными силами, ослабили состав и возможности Генштаба.

В этот период все внимание военно-политического руководства страны было приковано к событиям на фронтах. Средства Наркомата связи были направлены на установление прямого контакта должностных лиц Верховного командования с командованиями фронтов. В то же время Генеральный штаб оказался вне зоны принятия важных управленческих решений. «Генеральный штаб в самый ответственный момент оказался предоставленным самому

себе, — вспоминал А. М. Василевский. — Все решения принимались наверху помимо него, и он был лишь передаточной инстанцией»⁴. При этом Генштаб не имел заблаговременно оборудованного пункта управления и надежно защищенных средств связи. Противник с началом военных действий сразу же вывел из строя большое количество радиостанций, узлов и линий государственной и войсковой связи. Связь Генерального штаба с фронтами оказалась неустойчивой, вследствие чего имели место частые потери управления.

Таким образом, возрастающая потребность Красной армии в оперативном управлении войсками не могла быть в это время удовлетворена адекватными действиями со стороны Генерального штаба в силу неопределенности и незначительности отводимого ему места в системе стратегического руководства, несовершенства структуры и специфики управления действующей армией в условиях сложившейся обстановки на советско-германском фронте. «Прежде чем стать эффективным оперативным органом Верховного главнокомандования, — отмечал А. М. Василевский, — он прошел путь поисков своего места в стратегическом руководстве, своей организационной структуры, методов в работе»⁵.

Военные события развивались с молниеносной быстротой. Организация и координация усилий фронтов, взаимодействие между ними, сбор данных об обстановке, доведение задач до командования и штабов оказались крайне затруднены. Несмотря на самоотверженность работников Генерального штаба, которые круглые сутки не покидали своих рабочих мест, они с трудом справлялись со сбором информации об обстановке, а иногда и плохо знали ее. В оперативной сводке Генерального штаба от 27 июня 1941 г., например, применительно к Западному фронту отмечалось: «Обстановка и положение войск на участке фронта не выяснены. Армии ведут самостоятельные бои. Их положение также не установлено»⁶.

Приоритетность решения таких задач, как сбор и обработка данных об обстановке, выработка предложений по применению войск и своевременное доведение до них боевых задач, создание и переброска резервов, не принижала важности и остальных направлений деятельности Генерального штаба в этот период, связанных с мобилизацией, устройством тыла и снабжением Красной армии. При этом отведенная Генеральному штабу роль в системе военного управления в первые дни войны была несколько расплывчатой, неопределенной, в большей степени посреднической и, по мнению А. М. Василевского, малоэффективной. «Убежден, — писал он, — что активное использование коллектива Оперативного управления, равно как и коллективов других управлений Генштаба, принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны»⁷.

Вместе с тем следует признать, что низкая эффективность управленческой деятельности Генштаба на этом этапе войны во многом была предопределена самой его структурой, ориентированной на функционирование в мирное время. Только после неудачного стремления остановить и разгромить противника силами войск приграничных округов стало очевидным, что без опоры на центральный аппарат, в первую очередь Генеральный штаб, и без жесткой централизации управления решение многих поставленных на повестку дня задач невозможно. Среди них на первый план выходили: создание нового стратегического фронта обороны; проведение крупных перегруппировок войск; формирование резервов и их материально-техническое обеспечение; организация стратегического и оперативного взаимодействия; обобщение и использование опыта войны и прочее.

Одновременно по итогам начального периода войны стала очевидной необходимость преобразований всего центрального аппарата военного управления с целью его адаптации к требованиям войны. Это относилось как к Наркомату обороны в целом, так и к его структурным подразделениям. 28 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 300, которое предусматривало изменение структуры и функций Наркомата обороны, в том числе Генштаба⁸. Согласно этому постановлению на Генеральный штаб возлагались задачи разработки проектов директив и приказов Ставки по применению вооруженных сил, организации и руководства разведкой, решения вопросов оперативной подготовки войск и штабов, сбора и обработки материалов по изучению опыта войны. Вместе с другими

Г. К. Жуков

Б. М. Шапошников

А. М. Василевский

В. Д. Иванов

С. М. Штеменко

Г. К. Маландин

органами Наркомата обороны Генеральный штаб разрабатывал и представлял в наркоматы промышленности заявки на выпуск военной продукции. В то же время Генеральный штаб освобождался от организационных функций и мобилизационных вопросов и сосредотачивал усилия на оперативно-стратегическом руководстве вооруженными силами.

В соответствии с поставленными задачами претерпела изменение и структура Генерального штаба. Тем же постановлением ГКО № 300 из Генштаба передавались в другие органы: управления организационное, мобилизационное и укомплектования и устройства войск — в состав вновь созданного Главного управления формирования и укомплектования войск; управления военных сообщений, автодорожное, устройства тыла и снабжения войск (за исключением органов, организационно вошедших в Управление устройства оперативного тыла Генштаба) — в состав Главного управления тыла, а узел связи — в состав Главного управления связи Красной армии. После реорганизации Генеральный штаб имел в своем составе шесть управлений: оперативное, разведывательное, военно-топографическое, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, шифровальной службы, а также три отдела: военно-исторический, кадров и общий⁹. Кроме того, была создана специальная Группа офицеров Генерального штаба для связи с войсками, которая тесно взаимодействовала с Оперативным управлением.

За организационными преобразованиями произошли и кадровые перестановки. В связи с назначением генерала армии Г. К. Жукова командующим резервными армиями Вяземско-Ржевской линии (постановление ГКО № 325 от 29 июля 1941 г.), на базе которых в последующем был сформирован Резервный фронт с непосредственным подчинением Ставке ВГК, приказом наркома обороны № 0270 от 10 августа 1941 г. он был освобожден от должности начальника Генерального штаба Красной армии, и новым начальником Генштаба стал заместитель народного комиссара обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников¹⁰.

Одновременно нарком обороны И. В. Сталин утвердил «Положение о Генеральном штабе Красной армии», в котором были определены функции и задачи и уточнена его организационная структура. В соответствии с положением Генеральный штаб Красной армии являлся «центральной организацией управления народным комиссаром обороны Союза ССР по подготовке и использованию Вооруженных сил Союза ССР для обороны страны». Для него определялись следующие функции: разработка директив и приказов Ставки ВГК по оперативному использованию вооруженных сил и планов войны на новых возможных театрах военных действий; организация и руководство разведывательной деятельностью всех видов разведки, обработка разведывательных данных и информации нижестоящих штабов и войск; разработка вопросов противовоздушной обороны; разработка и руководство строительством укрепленных районов; руководство военно-топографической службой Красной армии и снабжение ее топографическими картами. Кроме того, на Генеральный штаб возлагались: руководство оперативной подготовкой всех штабов, родов войск, служб и органов тыла; организация и устройство оперативного тыла действующей армии; разработка положений о вождении армейских соединений, наставлений и руководств по штабной службе; издание описаний театров военных действий; сбор и обработка материалов по изучению опыта войны и разработка приказов, директив и указаний по использованию опыта войны; руководство историческими разработками по изучению мирового опыта мировой и Гражданской войн; организация и руководство шифровальной службой КА и обеспечение скрытного управления войсками¹¹.

Начальник Генерального штаба в соответствии с указаниями и решениями народного комиссара обороны должен был координировать деятельность всех управлений Наркомата обороны, давать им задания и указания. Он наделялся полномочиями подписывать вместе с Верховным главнокомандующим приказы и директивы Ставки ВГК.

Изменения в структуре и функциях коснулись практически всех подразделений Генштаба. В первую очередь они затронули ведущее — Оперативное управление. С учетом созданных 10 июля 1941 г. главных командований стратегических направлений существовавшие в управлении отделы были упразднены, а вместо них в августе 1941 г. развернуты восемь операци-

онных направлений: Северное, Северо-Западное, Западное, Центральное, Юго-Западное, Южное, Ближневосточное и Дальневосточное. При этом сохранялись отделы оперативной подготовки, авиационный, ПВО, связи, общая часть и дополнительно включались еще четыре отдела: резервов, оргучетный, оперативных перевозок, автобронетанковый. Общая численность управления несколько сократилась за счет убытия ряда генералов и офицеров на фронты, а также существующего некомплекта личного состава, и в итоге включала 141 человека¹².

Однако переход управлений Генерального штаба к работе в условиях военного времени происходил сложно и довольно медленно. Начальники направлений (отделов) и их подчиненные, не имея инструкций и не зная своих функциональных обязанностей для работы в условиях войны, с ее началом продолжали руководить подчиненными им округами (фронтами) по прежней схеме. Тем временем обстановка на фронтах с каждым днем усложнялась и резко менялась, в результате на первый план выдвинулся сбор данных об обстановке. Анализируя работу Оперативного управления в первые два месяца войны, его начальник генерал-майор А. М. Василевский на партийном собрании 18 августа 1941 г. особое внимание обращал на неблагоприятное положение дел в управлении со сбором данных об обстановке, которые не анализировались, выводов и обоснованных предложений командованию не делалось¹³. Начальникам направлений не удавалось осуществлять строгий контроль над доведением до штабов войск и исполнение ими директив, приказов и распоряжений Ставки ВГК и Генерального штаба. Оперативные сводки с фронтов опаздывали, карты велись небрежно и не отражали всей полноты обстановки. Работа внутри направлений была недостаточно организована, взаимного информирования между направлениями и отделами не было¹⁴.

Слабым местом оставалась связь, поэтому 4 сентября 1941 г. Ставка ВГК в целях обеспечения прямой телеграфной связи Верховного главнокомандования с оперативными штабами приказывала «начальнику Главного управления связи Красной армии тов. Пересыпкину по требованию начальника Генерального штаба обеспечить немедленное установление прямых телеграфных связей через штабы фронтов с каждым штабом армии», а также «организовать надежную радиосвязь Генерального штаба Красной армии со штабами армий»¹⁵.

Большой проблемой в первые месяцы войны как для Генерального штаба, так и для Ставки ВГК был сбор разведывательной информации о противнике. Ослабленное кадровыми перетрясками еще в предвоенные годы Разведывательное управление не имело на протяжении начального периода войны постоянного начальника, а также руководителя по агентурной работе, не в полной мере справлялось с поставленными задачами. Это было обусловлено в том числе большим уроном, нанесенным советской агентурной разведывательной сети, и активным проведением немецким командованием мероприятий по дезинформации. К концу 1941 г. Разведуправление потеряло связь с агентурой в 11 европейских государствах.

В сложных условиях оперативной обстановки на фронтах и внутренней перестройки своей деятельности шло постепенное налаживание внутренних связей, совершенствование структуры и выработка стиля, методов работы Генерального штаба. При непосредственном участии Б. М. Шапошникова был установлен следующий распорядок работы сотрудников Генерального штаба, увязанный с режимом деятельности Ставки ВГК. Ежедневно к 4.00 собиралась информация от штабов фронтов для представления Ставке первых сообщений об обстановке. Она уточнялась, и к 8.00 составлялась оперативная сводка, которая докладывалась по телефону И. В. Сталину. Одновременно в Оперативном управлении с привлечением работников других управлений Генерального штаба и Наркомата обороны готовился к 21.00 итоговый доклад начальнику Генштаба с приложением карт (за каждый фронт — масштаба 1:200 000 с обстановкой до дивизии, иногда полка включительно, и с общей обстановкой на всем советско-германском фронте — масштаба 1:1 000 000), необходимых схем, расчетов и графиков пополнения войск, сосредоточения резервов, поставок техники и прочего. В 23.00 начальник Генерального штаба или начальник Оперативного

управления докладывали Ставке все эти документы вместе с последними донесениями военных советов фронтов и проектами решений Верховного главнокомандующего по сложившейся обстановке. По результатам доклада в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего в направлениях Оперативного управления разрабатывались приказы, директивы и указания Ставки войскам и представлялись начальнику Генерального штаба. В последующем осуществлялся строгий контроль над своевременным доведением задач до исполнителей. «В результате реорганизации, — вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — Генштаб стал более работоспособным, оперативным органом и смог гораздо результативнее выполнять возложенные на него задачи»¹⁶.

Сложившиеся в Генеральном штабе в этот период режим и порядок работы в основном сохранились до конца войны. Вместе с тем они постоянно претерпевали определенные уточнения в целях улучшения деятельности коллективов управлений и отделов в зависимости от обстановки. Так, в разгар Московской битвы, когда создалась критическая для страны обстановка, по решению ГКО 16 октября 1941 г. Генеральный штаб, как и многие другие правительственные учреждения, отбыл из Москвы в Арзамас, чтобы под руководством Б. М. Шапошникова организовать в тылу страны запасной пункт управления. В Москве для обслуживания Ставки ВГК осталась оперативная группа Генштаба под руководством генерал-майора А. М. Василевского¹⁷. В столице осталась и группа военных разведчиков, которые обеспечивали оперативную группу Генштаба и Ставку ВГК разведсведениями о противнике¹⁸. «Жизнь в оперативной группе, — по словам С. М. Штеменко, — отличалась исключительной напряженностью»¹⁹. Решалась судьба не только столицы, но и всей страны. Никто не жалел своих сил и делал все возможное в этих условиях. Советское правительство высоко оценило работу группы в эти тяжелые дни, и 28 октября 1941 г. постановлением СНК СССР четырем генералам и офицерам из оперативной группы, включая А. М. Василевского, были присвоены очередные воинские звания.

В двадцатых числах ноября 1941 г. возвратился в Москву основной состав Генерального штаба во главе с Б. М. Шапошниковым. Работы было много. В результате крайнего переутомления Б. М. Шапошников в конце ноября почти на две недели прервал работу по болезни. Обязанности начальника исполнял его заместитель генерал-лейтенант А. М. Василевский. В этот период важно было организовать работу Генштаба так, чтобы она была эффективной. Прежде всего требовалось четко определить границы ответственности и круг функциональных обязанностей каждого направления, отдела, начальников и их подчиненных.

В ноябре 1941 г. заместителем начальника Генерального штаба была разработана и утверждена «Инструкция для начальника направления», согласно которой он нес ответственность за постоянную, полную ориентировку Ставки ВГК и начальника Генштаба по своему направлению, своевременное доведение до войск всех директив, приказов и распоряжений Ставки ВГК и начальника Генштаба, отвечал за ход операции и ее правильное развитие. Он должен был всегда знать обстановку и положение дел на фронте (о противнике и своих войсках); разрабатывать проекты директив, приказов и распоряжений Ставки ВГК и начальника Генштаба; составлять справки, оперативные расчеты и заявки по материальному обеспечению войск; ставить задачи фронтам по разведке; активно влиять на ход операции и боя дополнительными распоряжениями на основе решений Ставки ВГК и указаний начальника Генштаба. Кроме того, ему вменялось в обязанности вести учет всех запросов фронта и армий, своевременно разрабатывать проекты ответов на них и докладывать их Ставке ВГК и начальнику Генштаба; проверять выполнение всех отданных директив, приказов и распоряжений, добиваться быстрого вручения их адресату; вести отчетную и рабочую карты; поддерживать непрерывную связь с фронтом и армиями; вести постоянный учет состава направления, обеспечивать постоянную высокую бдительность и строжайшую секретность в работе; организовать работу своих подчиненных, четко определив их обязанности, направление и порядок работы²⁰.

Таким образом, только после проведения ряда организационных мероприятий, четкого распределения функциональных обязанностей, устранения серьезных упущений, выявив-

шихся в первые месяцы войны, Оперативное управление (в общей сложности через шесть месяцев) полностью осуществило переход к работе с мирного на военное время.

Шла реорганизация и в других управлениях. От тесного взаимодействия всех структур Генерального штаба и Наркомата обороны зависел успех общей работы. На первом плане всегда была добыча данных о противнике, поэтому с первых дней войны офицеры Разведуправления прикреплялись для работы к соответствующим направлениям Оперативного управления. В тесном контакте с Оперативным управлением работал заместитель начальника Разведуправления по информации генерал-майор Л. В. Онянов.

Весной 1942 г. потребовались очередные изменения в структуре и функциях Оперативного и других управлений Генштаба с учетом опыта войны. В условиях быстро меняющейся военной обстановки по-прежнему основные направления — Северо-Западное, Западное, Центральное, Юго-Западное — не в полной мере обеспечивали руководство несколькими фронтами на одном стратегическом направлении. Было решено создать направления преимущественно каждое на фронт и исключить ряд отделов из состава управления. В мае 1942 г. такие изменения штатной структуры были внесены. Всего в мае — декабре 1942 г. были созданы и функционировали 14 направлений: Карельское, Ленинградское, Северо-Западное, Калининское, Западное, Брянское, Юго-Западное, Южное, Ближневосточное, Дальневосточное, Воронежское, Волховское, Сталинградское и Донское, а также самостоятельные отделы: информационный, оперативной связи, общий, авиационный, ПВО, склад топографических карт, библиотека, архив.

Среди тех, кто добросовестно выполнял в годы войны нелегкие обязанности начальников направлений Оперативного управления, были: полковник М. А. Красковец (Карельское), генерал-майор С. И. Гунеев (Ленинградское), полковник В. А. Небучинов (Волховское), генерал-майор В. Д. Карпухин (Северо-Западное), генерал-майор Ф. И. Шевченко (Калининское), генерал-майоры С. С. Броневицкий, В. В. Курасов (Западное), полковник М. М. Потапов (Брянское), полковник Я. А. Куцев (Воронежское), генерал-майор К. Ф. Васильченко (Юго-Западное), полковник С. М. Енюков (Донское), генерал-майор А. А. Грызлов (Сталинградское), генерал-майор С. М. Штеменко (Закавказское) и многие другие.

Исключение из Оперативного управления некоторых отделов (оргучетного, оперативных перевозок, оперативной подготовки, автобронетанкового, связи) избавляло его от решения многих несвойственных ему задач и позволяло сосредоточить основное внимание на выполнении оперативной и информационной работы в интересах Генерального штаба и Ставки ВГК²¹. Общая штатная численность управления не превышала 153 человек²².

Выведение из состава Оперативного управления перечисленных отделов, в частности оргучетного, мотивировалось и рядом других причин. Как показала практика, передача в августе 1941 г. Организационного управления из Генштаба в состав Главного управления формирования и укомплектования войск Наркомата обороны была серьезной ошибкой, приведшей к снижению оперативности решения организационных вопросов в соответствии с обстановкой. Оргучетный отдел Оперативного управления не справлялся с постоянно растущим объемом возложенных на него задач, поэтому 22 апреля 1942 г. приказом наркома обороны № 0324 на базе Оргучетного отдела Оперативного управления было сформировано Организационное управление Генерального штаба, которое возглавил генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. «Вопросами организационной структуры всех родов войск, — вспоминал С. М. Штеменко, — ведал генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Он же планировал укомплектование фронтов, контролировал готовность резервов и наличие обученного маршевого пополнения. Кроме того, в руках его аппарата были дислокация и учет численности войск в военных округах, учет потерь на фронтах. Ему же подчинялись отделы военно-учебных заведений и оперативных перевозок. Через последний ставились задачи ВОСО на переброску войск при подготовке операций и в ходе их»²³.

Отдел перевозок, также выведенный из Оперативного управления, возглавлял полковник С. А. Красносельский, позднее — полковник И. К. Ткаченко²⁴.

На базе Отдела оперативной подготовки Оперативного управления в марте 1942 г. был сформирован Информационный отдел, который возглавил генерал-майор С. П. Платонов. Он проводил ежедневное оперативное ориентирование начальников управлений и направлений Генерального штаба, готовил оперативную сводку и информационные сообщения, материал для доклада в Ставку ВГК.

Как уже отмечалось, оперативные сводки Генерального штаба составлялись ежедневно по состоянию на 8.00 и 20.00, начиная с 22 июня 1941 г. и до конца войны. Представлялись они членам ГКО, Ставки ВГК, заместителям наркома обороны. Каждое направление давало Информационному отделу в оперсводку сформулированный пункт за свой фронт. Сводки подписывались начальником Оперативного управления и начальником Информационного отдела. Донесения Ставке ВГК составлялись три раза в сутки по состоянию на 4.00, 15.00 и 23.00, начиная с июля 1941 г. и до конца войны. В них кратко излагались важные события, происходящие на фронтах. Рассылались эти донесения членам Ставки ВГК за подписью начальника Оперативного управления или его заместителей. Открытые сообщения Информбюро разрабатывались к 8.30 и 20.30 ежедневно и направлялись в Совинформбюро для последующей публикации в печати и сообщениях по радио. В них обобщалась краткая обстановка на советско-германском фронте с указанием важных событий, фактов и результатов боевых действий. Подписывались они начальником Оперативного управления. В Информационном отделе в качестве отчетно-информационных документов велись карты: оперативной обстановки на фронтах за каждый день (масштаба 1:1 000 000) и общей стратегической обстановки за 3–5 дней (масштаба 1:2 500 000). Все карты проверялись и визировались начальником отдела. Кроме того, генерал С. П. Платонов лично отвечал за подготовку карт для доклада Верховному главнокомандующему.

В апреле 1942 г. в Генеральном штабе был создан Отдел по изучению опыта войны. Его возглавил генерал-майор П. П. Вечный. Собранный и обобщенный в отделе материал находил отражение во вновь разрабатываемых уставах, наставлениях и директивах Ставки ВГК, оперативно доводился до штабов и войск действующей армии и военных округов.

11 мая 1942 г. в связи с обострением болезни Б. М. Шапошникова временное исполнение обязанностей начальника Генерального штаба было возложено на начальника Оперативного управления генерал-лейтенанта А. М. Василевского, а 26 июня 1942 г. приказом Ставки ВГК он (уже в звании генерал-полковника) был утвержден в должности начальника Генштаба. Уход А. М. Василевского, по словам С. М. Штеменко, чрезвычайно тяжело сказался на работе Оперативного управления. «В течение полугода там сменилось несколько начальников. Эту должность поочередно занимали П. И. Бодин, дважды А. Н. Боголюбов, В. Д. Иванов, а между ними обязанности начальника управления временно исполняли П. Г. Тихомиров, П. П. Вечный, Ш. Н. Гениатулин»²⁵.

Во время пребывания А. М. Василевского на фронтах обязанности начальника Генерального штаба исполнял комиссар Ф. Е. Боков. Длительные разъезды начальника Генштаба по фронтам, смена начальников Оперативного управления нарушали ритм работы, создавали нервную обстановку. Но постепенно установилась планомерность, и авралы стали не такими частыми. «Примерно ко второй половине 1942 г., — по утверждению С. М. Штеменко, — организационные формы Генерального штаба пришли в соответствие с содержанием его работы»²⁶.

К этому времени изменилось и отношение Верховного главнокомандующего к коллективу Генштаба. «Поворотной вехой перестройки Сталина, — вспоминал А. М. Василевский, — явился сентябрь 1942 г., когда создалась очень сложная обстановка, и особенно требовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами, вынужден опираться на коллективный опыт военачальников... С тех пор наиболее важные решения принимались при участии его заместителя, работников Генштаба, главных управлений»²⁷.

Осенью 1942 г. был проведен ряд новых организационных изменений в структуре Генерального штаба. Управление укрепленных районов было реорганизовано в отдел с функциями контроля и сокращением штатной численности в три раза²⁸. Управление устройства

оперативного тыла сократилось на 15 человек. В то же время были расширены штаты отделов военно-исторического и по использованию опыта войны²⁹. В ноябре 1942 г. был создан Отдел специальных заданий Генерального штаба³⁰, который занимался непосредственной связью с зарубежными военными миссиями. Его возглавил генерал-майор Н. В. Славин. До открытия второго фронта связь с союзниками ограничивалась взаимной информацией о ходе военных действий, обменом разведывательными данными и прочим.

По рекомендации А. М. Василевского на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба в декабре 1942 г. был назначен генерал-лейтенант А. И. Антонов. Познакомившись с людьми и обстановкой, он вскоре установил жесткий регламент работы Генштаба, который способствовал повышению эффективности его деятельности. В новый, 1943 г. коллектив Генштаба вступал сколоченным и опытным в решении возложенных на него задач. Однако поиск оптимизации структуры и функций продолжался и осуществлялся до конца войны, продолжая совершенствоваться в соответствии с запросами и требованиями времени и обстановки.

Опыт ведения военных действий показал потребность фронтов в собственной агентурной разведке. Поэтому в апреле 1943 г. центральные органы разведки были вновь реорганизованы. Приказом наркома обороны Управление войсковой разведки Генштаба было преобразовано в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии с возложением на него руководства войсковой и агентурной разведкой фронтов, осуществления регулярной информации о действиях и намерениях врага и проведения дезинформации противника. Заместителем начальника Генштаба по разведке и начальником Разведывательного управления был назначен генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов, его заместителями — генерал-майор Л. В. Онянов и генерал-майор П. Н. Вавилов³¹. Кроме того, в аппарате начальника Генштаба была создана группа (на правах отдела) по обобщению и анализу сведений о противнике, поступающих от органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НКВМФ, Главного управления Смерш и партизанских штабов.

В целом Генеральный штаб в годы войны справился с организацией разведки. Получаемые сведения о противнике по своему объему и содержанию позволяли ему, Верховному главнокомандованию, штабам фронтов и армий принимать верные решения, способствовавшие достижению успеха в проводимых операциях.

Очередные организационные преобразования в структуре Оперативного управления Генерального штаба были проведены в июне 1943 г. В соответствии с изменившейся оперативно-стратегической обстановкой на фронтах в Оперативном управлении были упразднены Сталинградское, Донское, Калининское направления и созданы новые — Центральное, Воронежское, Резервное. Общее количество направлений составляло 13. Кроме того, в состав управления были включены новый отдел — укрепленных районов (после реорганизации соответствующего управления) и группа особых поручений. В результате проведенных организационных мероприятий общая штатная численность Оперативного управления к осени 1943 г. возросла почти в два раза: в мае — 176 человек, в июле — 300 человек, в сентябре — 340 человек.

Важным решением начальника Генерального штаба в это время стало расформирование самостоятельной Группы офицеров — представителей Генерального штаба и включение их в штат каждого направления Оперативного управления, исходя из следующего расчета: 5–10 человек на фронт и 1–2 офицера на каждую отдельную (общевойсковую) и воздушную армию³².

С целью исключения дублирования в решении организационных вопросов 4 мая 1943 г. приказом наркома обороны Организационное управление Генерального штаба и Организационно-штатное управление Главупраформа были объединены в Главное организационное управление Генштаба, начальником которого был назначен генерал-лейтенант А. Г. Карпонов. Главное управление состояло из двух управлений — организационно-учетного и по оперативно-организационным мероприятиям³³. Управления мобилизационное, комплектования и формирований, а также вооружения и материального обеспечения формирований продолжали оставаться в Главупраформе.

Ф. Е. Боков

Группа офицеров Генштаба, работавшая с А. М. Василевским при его выездах на фронт

Первый заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов (справа)
и начальник Оперативного управления С. М. Штеменко

На Главное организационное управление Генштаба возлагались следующие задачи: подготовка предложений и директив по проведению различных организационных изменений в Красной армии; учет количества войск, их дислокации и потерь; разработка штатов, а также планов и директив по выводу соединений и частей в резерв Ставки и по межфронтным перегруппировкам; осуществление контроля над состоянием воинских формирований, находящихся в резерве Ставки, их доукомплектованием и обеспечением и прочее³⁴.

Еще ранее приказом Ставки ВГК от 31 января 1943 г. Центральное управление военных сообщений было передано в подчинение начальнику Генерального штаба. Непосредственное руководство Центральным управлением военных сообщений в Генеральном штабе возлагалось на заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта А. Г. Карпоносова³⁵.

С созданием Главного организационного управления вопросы, связанные с организационной структурой войск и их штатами, стали решаться только в Генеральном штабе. Постановлением ГКО от 21 июня 1943 г. № 3621 «Об установлении нового лимита штатной численности Красной армии» запрещалось другим органам центрального военного управления «проводить формирования и переформирования, вносить изменения в штаты частей и учреждений, производить их передислокацию без соответствующего оформления директивами Генерального штаба»³⁶.

В июне 1943 г. Управление устройства оперативного тыла Генштаба было переформировано в отдел. Офицеры отдела разрабатывали директивы, определявшие основы организации тыла в действующей армии, контролировали работу тыла фронтов и армий, в которой значительную часть занимали воинские перевозки. В декабре 1944 г. в связи с увеличением масштаба работ отдел был вновь развернут в управление³⁷.

Последний за годы войны новый штат Оперативного управления был введен в сентябре 1943 г. В течение 1943–1944 гг. и первой половины 1945 г. в него вносились лишь некоторые изменения и уточнения. Они касались главным образом наименований направлений

(Прибалтийские, Украинские, Белорусские). Кроме того, создавались новые и исключались из штата выполнившие свои задачи направления (Волховское, 3-е Прибалтийское). С переносом военных действий за пределы СССР на правах самостоятельных направлений в Оперативном управлении с 24 апреля 1944 г. работали представители при 1-й польской армии (12 человек) и при румынской дивизии (девять человек). В период подготовки к военным действиям с Японией помимо имевшихся в составе Оперативного управления Ближневосточного и Дальневосточного направлений были созданы Забайкальское (с 25 февраля 1944 г.) и Приморское (с 7 июля 1945 г.) направления. Отдел ПВО был преобразован в артиллерийский. Вновь в управление включили Отдел бронетанковых войск. Количество генералов и офицеров в каждом направлении и отделе колебалось от 3–7 до 12–25 человек. Общая численность Оперативного управления к концу войны составляла 353 человека (генералов — 46, офицеров — 289, сержантов — 10, рядовых — 8)³⁸.

Начиная с 1943 г. и до конца войны в Генеральном штабе действовала строго регламентированная информационная система, позволявшая оперативно влиять на все изменения в боевой обстановке и организацию оперативной подготовки войск и штабов, знакомить гражданское население с обстановкой на советско-германском фронте. 5 июня 1943 г. была издана специальная директива, определявшая, в каких инстанциях иметь полные данные об оперативной обстановке (в общевойсковых штабах всех степеней — в оперативных отделах, в Наркомате обороны — только в Оперативном управлении Генерального штаба) и о боевом и численном составе войск фронтов, округов и армий, всей Красной армии в целом (только в Оперативном и Главном организационном управлениях Генерального штаба и соответственно в оперативных отделах и отделах укомплектования штабов фронтов, округов и армий), а также порядок ведения учета и представления донесений.

В соответствии с директивой Оперативное управление разработало и разослало в войска «Табель срочных донесений по Генеральному штабу», введенный в действие с 1 августа 1943 г. и действовавший в основном до конца войны (некоторые уточнения были внесены в феврале 1945 г.). Согласно утвержденному табелю штабы действующих фронтов и отдельных армий в годы войны представляли в Оперативное управление: оперативные сводки — один раз в сутки к 8.00 за истекшие сутки по данным на 24.00 (шифром); копии журналов боевых действий с отчетной картой за истекший месяц — к 15-му числу каждого месяца (почтой); сводки о потерях противника и трофеях — три раза в месяц к 1, 10 и 20-му числам (шифром); сводки о потерях своих войск — три раза в месяц к 1, 10 и 20-му числам (шифром); донесения о военнопленных, дезертировавших из частей фронта (армии), — ежедекадно 3, 13 и 23-го числа ежемесячно³⁹.

По оперативной подготовке штабы недействующих фронтов и отдельных армий представляли в Оперативное управление Генерального штаба Красной армии следующие отчетные материалы: план мероприятий по оперативной подготовке на каждый месяц с указанием тем фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных командно-штабных учений (шифром к первому числу); результаты о выполнении месячного плана оперативной подготовки (шифром); отчет по каждому фронтовому, армейскому и корпусному командно-штабному учению с приложением задания и плана учений, карт, боевых приказов и других планирующих документов (план операции, боя, план артиллерийского наступления, план перегруппировки и прочее) и письменных материалов по разбору учений; итоговые отчеты за каждый период обучения; задания на фронтовые учения на утверждение — за десять дней до начала учения⁴⁰.

При разработке боевых и других документов, издании печатной продукции различного назначения важное внимание уделялось сохранению тайны и неразглашению секретных сведений. В целях улучшения руководства военной цензурой приказом заместителя наркома обороны от 18 сентября 1943 г. в состав Генерального штаба был включен Отдел военной цензуры⁴¹.

Особое место в работе Генерального штаба в последний период войны занимали вопросы организации связи и поддержания взаимодействия со штабами армий союзников. С образованием антигитлеровской коалиции при Генеральном штабе были аккредитованы военные миссии США, Великобритании, правительства «Сражающейся Франции», а также

Норвегии, Чехословакии, Национального комитета освобождения Югославии. Советские военные миссии были учреждены при штабах союзных армий, они подчинялись Ставке ВГК через Генеральный штаб и не входили в компетенцию послов.

В полном объеме вопросы взаимодействия с союзниками стали отрабатываться со второй половины 1944 г., когда Красная армия перенесла боевые действия за пределы территории СССР, а союзники открыли второй фронт в Европе. В сентябре 1944 г. в целях улучшения работы с военными миссиями союзных армий на базе Отдела спецзаданий Генштаба и Отдела внешних сношений Наркомата обороны было создано Управление спецзаданий в составе Генерального штаба. Начальником управления и одновременно помощником начальника Генштаба стал генерал-майор Н. В. Славин, его заместителем — генерал-майор М. Н. Кутузов⁴². С этого времени Генштаб ежедневно информировал союзников о положении на фронте советских войск, согласовывал объекты и рубежи бомбардировок противника советской и союзной авиацией при совместных действиях и решал другие вопросы.

Важной областью деятельности Генерального штаба являлось обобщение опыта войны. В целях наиболее полного использования опыта Отечественной войны в боевой подготовке Красной армии и улучшения постановки этой работы в войсках и центральных управлениях НКО приказом заместителя наркома обороны от 8 марта 1944 г. в Генштабе на базе Отдела по использованию опыта войны и Уставного отдела было сформировано Управление по использованию опыта войны Генерального штаба Красной армии⁴³. Его деятельность была направлена на распространение боевого опыта, повышение результативности военных действий, способствовала развитию советского военного искусства.

Война значительно расширила функции Генерального штаба, выдвинула новые, более сложные задачи, в решении которых он стал главным рабочим органом высшего военного руководства страны. На завершающем этапе войны, в 1944–1945 гг., Генеральный штаб имел следующую организационно-штатную структуру: управления — оперативное, разведывательное, главное организационное, военно-топографическое, 8-е, по использованию опыта войны, спецзаданий оперативного тыла; отделы — военно-исторический, кадров, военной цензуры, административно-хозяйственный и группу по анализу данных о противнике.

Постоянно совершенствуя структуру Генерального штаба Красной армии, ГКО и Ставка ВГК добивались эффективного решения возложенных на него задач, несмотря на то, что на протяжении всей войны существовала проблема нехватки квалифицированных кадров. Укомплектованность Генерального штаба военнослужащими не превышала 85%, а в критические моменты 1941–1942 гг. — колебалась от 22 до 71%⁴⁴. При этом в целях высвобождения начальствующего состава для действующей армии неоднократно предпринимались меры по сокращению штатов центрального аппарата управления, в том числе Генштаба. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 26 ноября 1941 г.⁴⁵ его штат к концу года должен был составлять 700 человек⁴⁶, что означало практически трехкратное сокращение. Сокращение прошло, хотя и не такое кардинальное, но уже в апреле 1942 г. нарком обороны потребовал нового сокращения штатов⁴⁷. Весь коллектив Генерального штаба напряженно работал, не отвлекаясь на отдых. Лишь с 1 июля 1945 г. приказом заместителя наркома обороны от 29 июня 1945 г. рабочий день для всего личного состава устанавливался с 10.00 до 21.00, а для начальников управлений — с 13.00 до 2.00. Личному составу стали предоставлять один день отдыха в неделю⁴⁸.

В целом Генеральный штаб Красной армии в годы Великой Отечественной войны непрерывно совершенствовал методы работы и свою структуру, старался в полном объеме решать возложенные на него задачи. В конечном итоге, он обеспечил твердое, устойчивое, эффективное управление вооруженными силами государства и внес свой весомый вклад в достижение советским народом закономерной победы.

Опыт войны показал, что структура Генерального штаба, функции, режим и методы работы еще в мирное время должны в максимальной степени соответствовать требованиям возможной будущей войны, а некоторые его подразделения (разведывательное, оперативное и мобилизационное) по возможности должны содержаться в штатах, близких к военным, и быть способными гибко и оперативно реагировать на изменяющиеся характер и условия

вооруженной борьбы. Довольно длительная перестройка всей структуры Генерального штаба в первом периоде войны под реальные условия военной действительности служит горьким уроком, о котором следует помнить. В то же время проводимые практически в течение всей войны реорганизационные преобразования, направленные на совершенствование структуры и функций Генштаба, говорят о гибком реагировании Верховного главнокомандующего, начальника Генерального штаба на вызовы времени и обстановки.

Практика показала нецелесообразность частой смены руководителей его структурных подразделений, как это было, например, в 1941–1942 гг. в Оперативном управлении, а также отрицательное влияние низкой укомплектованности Генерального штаба личным составом на качество и эффективность его работы.

Огромная заслуга в создании оптимальной структуры, сколоченного коллектива, организации слаженной работы Генерального штаба принадлежит его начальникам: Г. К. Жукову, Б. М. Шапошникову, А. М. Василевскому и А. И. Антонову. Находясь под пристальным вниманием Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, каждый из них внес свою посильную лепту в общее дело превращения Генерального штаба в основной и высокоэффективный рабочий орган управления, через который Ставка ВГК осуществляла руководство вооруженными силами и привела страну к победе.

Институт представителей Генерального штаба: задачи и направления работы

С первых дней войны перед военно-политическим руководством страны при своевременном и обоснованном принятии решений по организации военных действий встала проблема отсутствия или отрывочности объективных данных о положении, состоянии своих войск и войск противника. Главной причиной этого были не только неустойчивость, срывы в работе систем связи и отсутствие слаженности фронтовых и армейских органов управления, но и боязнь некоторых командующих и оперативных штабов в сводках и донесениях в Генеральный штаб правдиво докладывать о случаях неуспешных действий своих войск и невыполнении ими поставленных задач.

В этих условиях данные об обстановке на решающих направлениях вооруженной борьбы, которая нередко была критической, поступали в Генеральный штаб нерегулярно, с большим опозданием и в целом часто были скудными, а порой и противоречивыми, не отражая реального положения дел на фронте. В силу этого Верховное главнокомандование нередко оказывалось в затруднительном положении в определении масштабов возникшей опасности и не могло своевременно принять необходимых мер противодействия. Генерал армии С. М. Штеменко отмечал: «Чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, операторы сами летали выяснять, где проходит передний край нашей обороны, куда переместились штабы фронтов и армий. При этом одни погибали, другие надолго выходили из строя по ранению, многих командующие фронтами просто не отпускали обратно, а назначали своей властью на различные должности в войсках. Убыль квалифицированных кадров операторов была настолько значительна, что руководству Генштаба пришлось, в конце концов, принять решение о создании специальной группы командиров для связи с войсками»⁴⁹.

Как уже говорилось ранее, в соответствии с постановлением ГКО от 28 июля 1941 г. и приказом начальника Генштаба от 29 июля 1941 г. в составе Оперативного управления была сформирована новая структура — Группа офицеров Генштаба на правах отдела общей численностью 1124 человека, из расчета: на каждый фронт — по два, на армию — по три, на дивизию — по два человека. Из них 22 офицера должны были составлять аппарат группы, находящийся в Оперативном управлении Генерального штаба, 24 офицера — при фронтах, 150 офицеров — при армиях, 928 офицеров — при дивизиях⁵⁰.

М. Н. Шарохин

В августе 1941 г. начальник Генштаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников принял меры по ускоренному формированию Группы офицеров Генштаба. Для решения практических вопросов по его приказу была создана специальная комиссия в составе генерал-майора М. Н. Шарохина, бригадного комиссара В. П. Попова (Оперативное управление Генштаба) и полковника В. И. Чернышёва (начальник отдела кадров). Позднее в работе комиссии принимали участие заместители начальника Оперативного управления полковник В. В. Курасов и полковой комиссар И. Н. Рыжков. Основная задача комиссии заключалась в отборе кадров для Группы офицеров Генштаба⁵¹. При комплектовании группы комиссия столкнулась с большими трудностями из-за недостатка квалифицированных военных кадров. Главное управление кадров НКО основное внимание в этот период уделяло укомплектованию вновь формируемых соединений и частей. Маршал А. М. Василевский в своих воспоминаниях подчеркивал, что этому способствовала и некоторая недооценка в то время И. В. Сталиным значения и места Генштаба в руководстве фронтами⁵².

3 сентября 1941 г. на должность военного комиссара Группы офицеров Генштаба из Военно-политической академии имени В. И. Ленина прибыл начальник кафедры всеобщей истории бригадный комиссар А. Г. Королёв⁵³. Вместе с командованием Генштаба и комиссией, возглавляемой генерал-майором М. Н. Шарохиним, ему пришлось решать сложную задачу по формированию и сколачиванию группы⁵⁴. Наряду с исполнением должности комиссара группы А. Г. Королёв до 31 января 1942 г. являлся фактически и ее начальником. Рекомендованные в этот период на должность начальника группы генералы П. И. Кокорев, М. Н. Шарохин и полковник Н. Е. Соколов по различным причинам назначены не были.

В сентябре 1941 г. в группу на должности офицеров при стрелковых дивизиях были отобраны свыше 70 слушателей Военной академии имени М. В. Фрунзе, в том числе два майора, 58 капитанов и 13 старших лейтенантов⁵⁵. После непродолжительного знакомства со своими новыми обязанностями, изучения директив и приказов Ставки ВГК, НКО и Генштаба они были направлены в войска действующей армии. Первоначально выезды офицеров группы на фронты были кратковременными. Выполнив задачу, они возвращались в Генштаб для до-

клада о проделанной работе⁵⁶. Задания были различными: выяснить обстановку на наиболее опасных направлениях или участках фронта; разыскать место расположения оперативного штаба (чаще всего армии), определить, в каком он состоянии и как управляет войсками; установить место расположения и состояние войскового соединения или оперативного объединения, какие выполняют задачи и в чем нуждаются; задержать отходившие войска и организовать оборону выгодного, определенного в Генштабе или самим офицером на месте, рубежа; вывести резервное соединение в исходный район; вручить командованию соединения или объединения распоряжение на новую или уточненную задачу и другие.

С первых дней существования Группа офицеров Генштаба практически подтвердила целесообразность своего создания и оказала командованию определенную помощь в руководстве войсками. Направляемые на те участки фронта, где обстановка вызывала наибольшую тревогу, офицеры-представители быстро решали поставленные им задачи и по техническим средствам или лично докладывали в Генштаб все, что было выявлено на месте, причем совершенно правдиво и объективно.

В сражениях под Москвой офицеры группы, посланные в войска, получали конкретные задачи, которые им ставили лично начальник Генштаба Б. М. Шапошников, комиссар Генштаба Ф. Е. Боков, начальник Оперативного управления А. М. Василевский и начальники соответствующих направлений. Определяя их место и роль в системе Генштаба, военком группы А. Г. Королёв в докладе Ф. Е. Бокову от 31 октября 1941 г. отмечал: «На офицеров Генерального штаба Красной армии возлагаются большие обязанности. Они глаза и уши, контролеры и направляющая рука Генштаба. Работа офицеров требует от них... точно знать обстановку на фронте и максимально быстро сообщать о ней в Генеральный штаб»⁵⁷.

Самоотверженно работали офицеры группы и на других участках советско-германского фронта. Так, с 28 сентября по 8 ноября 1941 г. на Ленинградском направлении в районе г. Волхов действовал оперативный (передовой) пункт управления Генштаба, в состав которого входили офицеры группы во главе с полковниками В. В. Курасовым и С. С. Броневским. Организация пункта была обусловлена тяжелыми условиями управления войсками на этом направлении. Противник вплотную подошел к Ленинграду. С 8 сентября сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и воздуху. Проводная связь со штабом Ленинградского фронта была крайне неустойчивой. Помимо войск Ленинградского фронта на данном направлении действовали 54, 4, 52 и 7-я отдельные армии. Оперативный пункт управления не заменял собой работу офицеров ленинградского направления Генштаба, но, находясь ближе к войскам и имея свой узел связи, дублировал и дополнял его. Когда же связь Генштаба работала с перебоями, он являлся единственным источником получения информации от той или иной армии. Действуя в особых условиях, он стал первым опытом создания передовых и вспомогательных органов управления в оперативно-стратегическом звене⁵⁸.

Своевременная и важная информация об организации оборонительных районов и причинах незначительных успехов советских войск в наступлении поступала от офицеров группы при 11, 27, 6 и 40-й армий Северо-Западного фронта⁵⁹.

К концу 1941 г. в работе офицеров группы выявился и ряд недостатков, основными из которых являлись недостаточный опыт работы, отсутствие нормативных документов, регламентирующих их деятельность в войсках, средств передвижения и связи. Характерен в этой связи доклад офицеров Н. В. Резникова и Н. Д. Салтыкова, прибывших в конце ноября в Москву из 38-й армии. Ими был поставлен вопрос о том, чтобы офицеры группы могли непосредственно, без визы командования армий и соединений, информировать Генштаб о положении и состоянии войск. Было также отмечено, что в штабах армий и соединений, а также у офицеров должны быть инструкции об офицерах группы Генштаба, определяющие их права и обязанности⁶⁰.

В первые же дни работы Группы офицеров Генштаба в действующей армии в ряде случаев остро вставал вопрос о взаимоотношениях между офицерами группы и командованием объединений и соединений. Руководствуясь указаниями Генштаба, офицеры в основном правильно строили свои взаимоотношения с командующими войсками фронтов и армий.

Однако в силу ряда причин, главным образом отсутствия документов, регламентирующих их деятельность в войсках, между последними и командованием возникали отдельные недоразумения.

В докладе начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову от 2 ноября 1941 г. военный комиссар группы А. Г. Королёв писал: «Генштаб является высшей руководящей инстанцией в отношении всех штабов, как фронтов, так и армий. Однако эту простую истину не все усвоили достаточно прочно. Имеют место случаи пренебрежительно-барского, а иногда и хулиганского отношения как к работникам, так и к офицерам Генерального штаба со стороны некоторых начальников в штабах фронтов и армий»⁶¹. Им также были приведены факты, которые помешали офицерам группы А. А. Васьковскому, И. С. Дедову и Д. В. Медведеву своевременно выполнить служебные задания при штабе Западного фронта. В частности, Д. В. Медведеву пришлось долго выяснять причины отсутствия связи штаба фронта с некоторыми армиями, ему было отказано в получении топографических карт, а перед отъездом в Москву не разрешили ознакомиться с обстановкой. Заканчивая доклад, А. Г. Королёв писал: «Эти факты свидетельствуют о том, что в отношениях штабов фронтов (и в особенности штаба Западного фронта) к работникам и офицерам Генерального штаба далеко не всё в порядке»⁶².

Укомплектованность Группы офицеров Генштаба к ноябрю 1941 г. составляла всего 7% к намеченному штату⁶³. Особенно плохо обстояло дело с укомплектованием руководящего аппарата группы, который представляли комиссар А. Г. Королёв и два помощника начальника группы. Уместно заметить, что решение ГКО от 28 июля 1941 г. в части формирования группы численностью в 1124 человека было завышенным. Это превышало численность всего Генштаба того периода⁶⁴. Острая нехватка квалифицированных военных кадров вынуждала принимать меры к резкому сокращению штатов военных органов управления. На 5 декабря 1941 г., то есть к началу контрнаступления советских войск под Москвой, из 80 офицеров Генштаба, состоявших в группе, около 60 человек находились в войсках Калининского и Западного, а также Юго-Западного фронтов. Из их докладов, а также информации по другим каналам Генеральный штаб хорошо знал обстановку на всех участках битвы за Москву и своевременно принимал необходимые меры.

В декабре 1941 г. процесс комплектования Группы офицеров Генштаба ускорился. Прибыли 14 выпускников Высшей военной академии Генерального штаба РККА имени К. Е. Ворошилова и большая группа командиров из войск, ранее занимавших должности командиров бригад, полков, батальонов и дивизионов, начальников штабов и заместителей командиров полков всех родов войск⁶⁵. На 1 января 1942 г. в Группе офицеров Генштаба насчитывалось 134 человека, в том числе 125 офицеров при стрелковых дивизиях. По-прежнему был слабо укомплектован аппарат группы (четыре офицера вместо 18)⁶⁶, который практически не мог охватить все стороны деятельности подчиненных ему офицеров. Вакантными оставались некоторые должности офицеров при штабах фронтов и армий.

Несмотря на трудности комплектования, состав группы неуклонно возрастал. Поиски новых кандидатов шли в эвакогоспиталях среди выздоравливающих после ранений командиров, преподавателей военных училищ и курсов, а также командного состава запасных и учебных частей. На 30 апреля 1942 г. в составе Группы офицеров Генштаба было 203 офицера и двое служащих⁶⁷. Многие из вновь прибывших имели реальный боевой опыт и обладали достаточно высокими для такой должности качествами. Для примера можно назвать Героя Советского Союза полковника И. М. Некрасова, отличившегося в боях под Ельней⁶⁸. Были и другие командиры, проявившие себя ранее в военных действиях периода Гражданской войны, на озере Хасан, р. Халхин-Гол, в Финляндии и уже в этой войне.

В то тяжелое время при создании института представителей Генштаба в действующей армии не удалось сразу найти такую организационную форму, которая осталась бы неизменной на протяжении всей войны. Руководство Группой офицеров Генштаба, не будучи органической частью Оперативного управления, только частично решало вопросы руководства большой, многогранной работой своих представителей, находившихся в действу-

ющей армии, и не всегда оперативно доводило до руководства Генштаба выдвигаемые ими предложения и рекомендации, имевшие большое значение в решении возникавших в ходе боевых действий задач.

Наряду с положительными моментами, имевшими место при комплектовании Группы офицеров Генштаба, были и недостатки. К их числу относились отбор для работы офицерами Генштаба командиров, не имевших высшего военного образования, а также ограниченно годных к строевой службе в результате ранений и контузий. В числе отобранных оказались и командиры с низкой общеобразовательной и военной подготовкой, не обладавшие необходимым оперативно-тактическим кругозором для работы в войсках. Некоторые из них не понимали роли офицера Генштаба в действующей армии и тяготились своей работой. В процессе практической деятельности на фронтах такие офицеры не могли успешно выполнять возлагаемые на них задачи и были отчислены.

В этот же период отмечались многочисленные случаи, когда хорошо зарекомендовавшие себя офицеры Генштаба властью командующих фронтами назначались на различные должности в войска. Многими из этих офицеров были укомплектованы подразделения Оперативного, а также других управлений Генштаба. Так, в течение октября 1941 — апреля 1942 г. были сначала прикомандированы, а затем и назначены на вакантные должности в другие подразделения Оперативного управления Генштаба 17 офицеров, в штаб Западного фронта — семь офицеров Генштаба⁶⁹.

В феврале 1942 г. руководством группы были разработаны «Положение о Группе офицеров Генерального штаба Красной армии», утвержденное начальником Генштаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым и военкомом Генштаба дивизионным комиссаром Ф. Е. Боковым, а также «Инструкция для офицеров Генерального штаба Красной армии», утвержденная заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом А. М. Василевским⁷⁰.

Согласно «Положению о Группе офицеров Генерального штаба Красной армии» она создавалась в целях укрепления непосредственной, живой и постоянной связи Генштаба с войсками и штабами действующей армии; обеспечения Генштаба быстрой, непрерывной и точной информацией об обстановке, ходе боевых действий и состоянии войск; осуществления непосредственной проверки выполнения штабами и войсками директив, приказов и распоряжений Верховного главнокомандования, наркома обороны и Генерального штаба; оказания помощи штабам и войскам в быстром устранении всего того, что мешает выполнению боевых задач; изучения и обобщения опыта боевых действий, применения новых средств борьбы и тактических приемов, методов управления в современном бою и операции, осуществляемых своими войсками и войсками противника⁷¹.

В «Инструкции для офицеров Генерального штаба Красной армии» были перечислены все качества, необходимые офицеру Генштаба для завоевания авторитета в войсках. Далее в ней подробно излагались вопросы, которые всегда должен знать офицер Генштаба, порядок получения им задания при убытии из Генштаба и примерная последовательность в работе по прибытии в войска. Большое внимание уделялось порядку составления и содержанию донесений, которые обязаны были представлять офицеры Генштаба.

Положение и инструкция для офицеров Генерального штаба имели большое значение для их деятельности, вооружая конкретными указаниями, которыми необходимо было руководствоваться при проведении работы в войсках. Однако им были присущи и некоторые недостатки, главным из которых являлось то, что этих документов было два и оба большие по объему, на что командованию группы впоследствии неоднократно жаловались многие офицеры.

Разгром врага под Москвой означал развенчание мифа о непобедимости германской армии и конец «молниеносной» войны. В этих условиях перестраивал свою работу и Генштаб. Теперь его офицеры направлялись в штабы фронтов, армий, корпусов и дивизий на длительные сроки. Выезды (возвращение) их в Генштаб стали периодическими, только по мере надобности. Находясь непрерывно в войсках, офицеры Генштаба информировали его о подготовке и ходе операций, состоянии работы органов управления, материальном

обеспечении, недостатках в работе командования и штабов, причинах неудач в подготовке и ведении операций. Главной же задачей офицеров оставался контроль над выполнением командованием и штабами директив и приказов Верховного главнокомандования, Наркомата обороны и Генерального штаба.

До конца апреля 1942 г. наиболее крупная группировка войск противника по-прежнему находилась на центральном участке советско-германского фронта. Учитывая это, Ставка ВГК пришла к ошибочным выводам, что основные военные события с началом летнего периода вновь развернутся на московском направлении, и укрепляла именно этот участок фронта⁷². Исходя из такой ошибочной оценки намерений противника на лето 1942 г., Генштаб большинство своих офицеров группы, как и в зимней кампании 1941–1942 гг., сосредоточил на западном стратегическом направлении. Это было сделано в ущерб южному флангу советско-германского фронта, где с мая 1942 г. развернулись важнейшие события летне-осенней кампании 1942 г. Так, из 185 офицеров, имевшихся в группе на 20 мая 1942 г., в мае — июне в войсках находились: на Карельском фронте — 5, на Ленинградском и Волховском — 15, на Северо-Западном — 15, на Калининском — до 20, в войсках Московской зоны обороны и на Западном фронте — до 40, на Брянском фронте — от 20 до 25 офицеров⁷³. Всего на этих фронтах насчитывалось от 115 до 120 офицеров Генштаба, в том числе в войсках, прикрывавших Москву, — 85 человек. Остальные 65–70 офицеров работали в войсках Юго-Западного, Южного, Крымского и Северо-Кавказского фронтов, Приморской армии, оборонявшей Севастополь, и резервных армий.

Ответственность за поражение войск Крымского фронта на Керченском полуострове в мае 1942 г. не снималась и с офицеров Генштаба, находившихся в то время в Крыму. В директиве Генштаба от 13 июня 1942 г. указывалось, что в организации обороны и управлении войсками командованием фронта были допущены серьезные ошибки, а офицеры Генштаба, работавшие при армиях, не сумели своевременно вскрыть эти ошибки и не докладывали в Генштаб объективную информацию о них. Старший офицер при 51-й армии майор В. Ф. Петькелев был отчислен из Группы офицеров Генштаба, старшему офицеру при 47-й армии майору А. А. Максиму объявлен выговор, а старший офицер при 44-й армии майор А. А. Житник снижен в должности до корпусного офицера⁷⁴.

Неудачей окончилась операция и боевые действия по освобождению Харькова в мае 1942 г. Безвозвратные потери советских войск составили более 170 тыс. человек⁷⁵. Среди них погибли или пропали без вести офицеры Генштаба при 6-й армии А. Д. Работа и Д. И. Кузнецов, при 57-й армии — В. Л. Малахов, при 2-м кавалерийском корпусе — Е. А. Ревчук, при 6-м кавалерийском корпусе — подполковник П. П. Лукинов⁷⁶.

О событиях, развернувшихся на воронежском направлении в период с 28 июня по 7 июля 1942 г., представили содержательные доклады в Генштаб подполковник Г. А. Головань, майоры Д. И. Дыба, А. А. Поздняков, Я. И. Седых, Я. Н. Федоренко. Их доклады давали правильное, объективное представление о положении на фронтах и содержали глубокий анализ причин, приведших к неудачным боевым действиям Брянского и Воронежского фронтов.

Неудачи в Крыму, в районе Харькова, под Воронежем и в Донбассе оказали отрицательное влияние на положение и боеспособность советских войск. 28 июля 1942 г. нарком обороны издал приказ № 227, в котором намечались меры по укреплению боевого духа и дисциплины войск и было сформулировано требование к войскам — «Ни шагу назад!». Офицеры Генштаба, находившиеся в войсках, с выходом этого приказа докладывали о ходе его выполнения в Генеральный штаб⁷⁷.

В июле 1942 г. в войска Сталинградского фронта был направлен дополнительный контингент офицеров Генштаба. Так, в соответствии с директивой Генерального штаба от 27 июля были назначены: полковник Н. Г. Косогорский — офицером при штабе фронта по танковым войскам, подполковник В. Ф. Лыскин — старшим офицером при штабе 4-й танковой и майор Н. В. Соловьёв — 1-й танковой армий⁷⁸. На 6 августа в войсках Сталинградского и Юго-Восточного фронтов работали 26 офицеров⁷⁹, от которых Генштаб регулярно получал информацию о событиях на сталинградском направлении.

1942 г. характеризовался широким внедрением в практику боевых действий войск опыта войны. Не оставались в стороне от этого важного дела и офицеры Генштаба, деятельность которых была тесно связана с работой отделов военно-исторического и по использованию опыта войны⁸⁰. В штабах фронтов и армий офицерами Генштаба в сентябре — октябре 1942 г. было проверено состояние работы по изучению опыта войны и доведению его до войск. В результате всестороннего анализа 50 докладов офицеров Генштаба в штабы фронтов и армий были направлены директива и инструкция по изучению опыта войны⁸¹, что в значительной степени помогло активизировать это важное направление работы. В частности, в войсках стали регулярно издавать краткие сводки обобщенного опыта боевых действий фронтов и армий, а в Отдел (с марта 1944 г. — Управление) по использованию опыта войны Генштаба стали направляться доклады офицеров, материалы которых находили широкое отражение в «Сборнике материалов по изучению опыта войны», «Информационном бюллетене» и «Сборнике тактических примеров».

Область деятельности офицеров Генштаба в войсках была многогранной. В их докладах и донесениях содержались ценные выводы и рекомендации по важнейшим вопросам подготовки и ведения боя и операции. Многие из них были включены во вновь создаваемые на основе опыта войны уставы, наставления, инструкции и другие руководства по действиям войск.

Продолжался процесс оптимизации организационно-штатной структуры Группы офицеров Генштаба. По штату, введенному в действие 1 мая 1942 г., ее состав был уменьшен более чем на треть. Теперь в ней предусматривалось иметь 409 командиров и двух служащих⁸². Аппарат управления группы при этом должен был состоять из 19 человек, в том числе 17 военнослужащих. Для работы в войсках предполагалось иметь 392 офицера. Такие изменения отражали накопленный более чем полугодовой опыт работы в действующей армии и произошедшие изменения в управлении войсками (восстановление корпусного звена, формирование авиационных групп и прочее). Практика войны показала, что постоянное содержание при дивизиях офицеров Генштаба является нецелесообразным, и они были упразднены. За счет этой категории частично усиливалось фронтовое и армейское звено офицеров Генштаба. По новому штату число офицеров, работающих во фронтовом звене, должно было возрасти до 42 человек из расчета по три офицера на штаб фронта, из них один старший, а число офицеров в армейских управлениях — до 210 человек с учетом увеличения общего количества армейских объединений. При каждом штабе армии предполагалось иметь трех офицеров, из них один старший. Категория старших офицеров Генштаба при штабах фронтов и армий первоначальным штатом не предусматривалась. Однако опыт войны показал, что без этой категории офицеров обойтись нельзя.

Необходимо отметить, что поиски эффективных форм и методов руководства деятельностью офицеров Генштаба в войсках в тот период привели к нерациональному решению. Аппарат Группы офицеров Генштаба скопировал структуру Оперативного управления, но не в лучшем варианте. В группе были введены должности начальников направлений, которые, имея двух-трех помощников, руководили работой офицеров нескольких фронтов. Это также не достигало цели, так как объем работы превышал возможности существующего аппарата группы, которая по-прежнему оставалась передаточной инстанцией между офицерами в войсках и Оперативным управлением Генерального штаба.

Продолжавшееся летом 1942 г. комплектование Группы офицеров Генштаба шло в основном за счет двух источников: подбора кандидатов из войск и лечебных учреждений, а также назначения лиц, окончивших ускоренный курс военных академий, в первую очередь академии имени М. В. Фрунзе. Только в течение мая — ноября 1942 г. в группу были назначены 50 выпускников ускоренного курса этой академии⁸³. В течение первого года деятельности Группы офицеров Генерального штаба из ее состава выбыли почти 100 человек: одни были откомандированы вследствие отсутствия оперативно-тактического кругозора и опыта штабной работы, другие — из-за низкого общего развития, третьи — по состоянию здоровья, четвертые (таких было немного) — из-за злоупотреблений служебным положением⁸⁴.

Некоторое повышение качества работы офицеров Генштаба произошло с осени 1942 г. С этого времени доклады офицеров меньше оставались без какого-либо реагирования со стороны руководства группы. Важное значение имели указания заместителя начальника группы генерал-майора Ш. Н. Гениатулина от 3 сентября 1942 г. о необходимости всемерно поощрять тех офицеров, которые не ограничиваются только выполнением порученных заданий, а систематически лично обобщают боевой опыт, оказывают конкретную помощь войскам и глубоко освещают в своих донесениях оперативно-тактические вопросы, имеющие ценность для командования армий, фронта и Генштаба⁸⁵. В соответствии с этими указаниями каждый офицер получал для разработки тему по обобщению боевого опыта⁸⁶. Офицерам Генштаба было запрещено дублирование оперативных и разведывательных сводок. При этом копии боевых документов штабов можно было направлять в Генеральный штаб только в случае, когда требовалось иллюстрировать и подтвердить свои выводы в докладе.

Руководству группы офицеров Генштаба приходилось направлять деятельность своих представителей не только путем их вызова в Москву или передачи указаний и распоряжений по каналам связи, но и личным выездом на фронты. Так, в феврале 1942 г. на Волховский фронт выезжал начальник группы генерал-майор Ф. М. Исаев, который по возвращении представил начальнику Генштаба маршалу Б. М. Шапошникову доклад о причинах медленного наступления войск этого фронта⁸⁷. На фронт выезжали и другие руководители группы, в том числе ее начальник генерал-майор Н. И. Дубинин, находившийся с 17 августа по 13 сентября 1942 г. в войсках Закавказского фронта и с 17 по 23 марта 1943 г. в войсках Западного фронта⁸⁸; заместитель начальника группы генерал-майор Ш. Н. Гениатулин, находившийся с 13 по 25 августа 1942 г. в войсках Брянского и Воронежского фронтов и с 4 февраля по 1 апреля 1943 г. на Дальнем Востоке⁸⁹; военный комиссар полковой комиссар С. Н. Лебедев, находившийся с 7 по 18 октября 1942 г. на Сталинградском фронте и с 8 по 20 декабря 1942 г. на Ленинградском фронте⁹⁰. Периодические выезды руководящего состава группы в действующую армию имели большое значение в деле совершенствования стиля и методов работы офицерских кадров.

С осени 1942 г. работа офицеров Генштаба на важнейших направлениях была тесно связана с выездами на фронты представителей Ставки ВГК и ответственных работников Генерального штаба. Уже в середине сентября 1942 г., в период оборонительной операции советских войск под Сталинградом, Ставка ВГК приняла решение о переходе в контрнаступление. После утверждения его замысла представители Ставки генерал армии Г. К. Жуков и генерал-полковник А. М. Василевский с группой генералов и офицеров Генерального штаба убыли в район города для организации боевых действий⁹¹. В середине ноября 1942 г. в войсках Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов, переходивших в контрнаступление под Сталинградом, работу вели свыше 50 офицеров Генштаба. Их деятельностью руководили старшие офицеры: полковники Н. Г. Малеев, И. Е. Громов и подполковник А. И. Ефимов.

В декабре 1942 г. численность Группы офицеров Генштаба достигла максимума — 240 человек. Ее количественный рост в этот период одновременно сочетался с улучшением и качественного состава. Опыт их работы показал, что для реализации функций офицера Генштаба необходимо иметь хорошую военную и общеобразовательную подготовку, навыки командной и штабной работы, уметь анализировать и обобщать данные обстановки, делать на их основе правильные выводы и заключения, обладать хорошим здоровьем, правильно понимать назначение офицера Генштаба. Все, кто не обладал каким-либо из этих качеств, рано или поздно должны были уйти с этой работы. Так, в январе — июне 1943 г. из состава группы были отчислены около 50 офицеров, в их числе те, кто имел низкую общеобразовательную подготовку, несвоевременно информировал Генштаб об имеющихся в войсках недостатках, проявлял элементы чванства, зазнайства и личной недисциплинированности, становился на путь обмана командования⁹².

В целях обмена опытом работы и его обобщения при штабах фронтов периодически проводились совещания офицеров Генштаба⁹³. В апреле — мае 1943 г. при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова были организованы сборы офицеров Генштаба. Слуша-

тели сборов прослушали курс лекций по тактике и оперативному искусству, а затем провели практические занятия по этой же тематике. Участниками этих исключительно полезных мероприятий были 56 офицеров Генштаба. Однако такой сбор был первым и последним⁹⁴.

Объективные выводы о сильных и слабых сторонах деятельности Группы офицеров Генштаба нашли отражение в приказе заместителя наркома обороны СССР — начальника Генштаба от 22 июня 1943 г. В нем был дан объективный анализ имевшихся недостатков в работе руководящего аппарата группы и офицеров, находившихся в войсках. Были вскрыты и причины этих недостатков. Они происходили в основном от того, что руководящий аппарат группы, «не входя в состав Оперативного управления, не мог осуществлять руководство оперативной деятельностью офицеров и в этом отношении являлся только передаточной инстанцией. Указания по оперативным вопросам офицеры могли получать только от начальника Оперативного управления через начальников соответствующих направлений, последние же, не чувствуя себя ответственными за работу офицеров в войсках, ограничивались только постановкой им общих задач»⁹⁵.

Согласно директивам Генштаба от 25–26 июня 1943 г., Группа офицеров была реорганизована в Корпус офицеров — представителей Генштаба (численностью 126 человек) с включением его в штат Оперативного управления⁹⁶. Закрепление офицеров за штабами армий и дивизий запрещалось. Группа выделенных на тот или иной фронт офицеров, возглавляемая старшим офицером и находившаяся при штабе фронта, должна была руководствоваться планом, утвержденным начальником Оперативного управления и выполнять его задания в зависимости от сложившейся обстановки. Старшие офицеры подчинялись непосредственно начальникам соответствующих направлений Оперативного управления, которые и руководили их повседневной деятельностью⁹⁷.

Приказом заместителя НКО от 22 июня 1943 г. была поставлена задача пересмотреть существующие положение и инструкцию для офицеров Генштаба и на их основе составить единое «Положение об офицерах Генерального штаба Красной армии». Его проект необходимо было представить на утверждение к 30 июня 1943 г.

Реорганизация института офицеров Генштаба с сокращением его численности позволила оставить в ней наиболее способных, инициативных и обладавших хорошей оперативно-тактической подготовкой и аналитическим мышлением офицеров. Для обеспечения служебной деятельности представителей Генштаба в действующей армии в штаты отдельных штабных авторот полевых управлений фронтов и автомобильного взвода при штабе 7-й отдельной армии дополнительно были включены 73 автомобиля марок М-1 и «Виллис» и столько же водителей-красноармейцев⁹⁸. Это позволило полностью снять вопрос о нехватке средств передвижения, которую ранее ощущали в своей деятельности офицеры Генштаба.

Реорганизация Группы офицеров Генштаба и создание Корпуса офицеров совпали по времени с началом Курской битвы. Эту реорганизацию на фронтах, действовавших на Курской дуге, в условиях начавшегося сражения удалось завершить лишь к концу августа. На других фронтах она была завершена в более короткие сроки.

В период Курской битвы координацию действий фронтов Ставка ВГК осуществляла через своих представителей — маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Большую помощь им оказывали офицеры Генштаба, находившиеся в войсках. На фронтах, примыкавших к Курскому выступу, весной 1943 г. находились 86 офицеров — представителей Генштаба⁹⁹. Половина из них была на Центральном и Воронежском фронтах, решавших главные задачи. Так, на Центральном фронте в этот период работу вел 21 офицер во главе с полковником В. Т. Фоминым, на Воронежском фронте — 23 офицера во главе с полковником М. Н. Костинным. Офицеров Брянского, Юго-Западного фронтов, а также в Степном военном округе возглавляли соответственно полковники Н. М. Молотков, М. Н. Кочергин и подполковник А. А. Васьковский.

В июле 1943 г. был решен очень важный для деятельности офицеров-представителей вопрос. Начальникам штабов фронтов и отдельных армий была послана директива Генштаба, подписанная первым заместителем начальника Генерального штаба генерал-полковником

А. И. Антоновым, в которой указывалось: «В связи с реорганизацией Группы офицеров Генштаба и введением офицеров в состав Оперативного управления, старшим офицерам фронтов разрешается самостоятельно, без визы, подавать телеграммы в адрес начальника Оперативного управления»¹⁰⁰. Право подачи телеграмм в Генштаб без визы командования было предусмотрено для всех офицеров Генштаба еще в положении 1942 г., но на практике оно часто нарушалось и к середине 1943 г. было сведено на нет.

В течение сентября 1943 г. начальником Оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко для личных докладов в Москву были вызваны все старшие офицеры, находившиеся в войсках действующей армии¹⁰¹, и каждому из них даны конкретные указания по работе в войсках. Живая связь начальника Оперативного управления с подчиненными ему офицерами при фронтах имела большое практическое значение, так как положение и инструкция, утвержденные в феврале 1942 г., к этому времени в значительной степени устарели.

В декабре 1943 г. для руководства практической деятельностью офицеры Генштаба получили новое положение и инструкцию по работе Корпуса офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии, которые были составлены как единый документ, подписанный 14 декабря начальником Оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко и утверченный 19 декабря начальником Генштаба А. М. Василевским¹⁰². Он состоял из четырех разделов, последний из которых «Обязанности командования и штабов по обеспечению работы офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии» был новым. В соответствии с требованиями данного раздела для бесперебойной работы офицеров Генштаба начальники штабов фронтов были обязаны:

а) своевременно обеспечить офицеров — представителей Генерального штаба изолированным, охраняемым рабочим помещением в расположении оперативного отдела штаба фронта как на КП, так равно на ВПУ и НП;

б) выделить в распоряжение старшего офицера — представителя Генерального штаба вполне исправные вездеходы и легковые автомашины в количестве, указанном директивами Генерального штаба Красной армии, обеспечивая их ремонт и бесперебойное снабжение ГСМ;

в) обеспечить хранение секретных документов и служебной переписки офицеров — представителей Генерального штаба;

г) выделить в распоряжение старшего офицера — представителя Генерального штаба в качестве адъютанта одного младшего офицера;

д) обеспечить полное довольствие (расквартирование, питание, денежное и вещевое снабжение) офицеров — представителей Генерального штаба при штабе фронта, строго учитывая при этом, что офицеры Генштаба пользуются в отношении материального обеспечения и питания: старший офицер-представитель — правами заместителя начальника штаба фронта, остальные офицеры-представители — правами начальников отделов штаба фронта¹⁰³.

В новом документе было исключено дублирование отдельных пунктов, которые имели место в прежних положениях и инструкциях, всесторонне учтен опыт более чем двухлетней работы офицеров Генштаба в действующей армии.

В связи с сокращением общей протяженности линии советско-германского фронта и количества действовавших фронтов постепенно уменьшалась численность личного состава Корпуса офицеров — представителей Генштаба. По состоянию на 19 декабря 1943 г. в его составе было 109 офицеров, на 5 июня 1944 г. — 103¹⁰⁴.

Одной из проблем, от правильного разрешения которой зависел успех выполнения функций институтом представительства Генштаба, оставалось взаимоотношение его офицеров с командованием объединений и соединений. В основном они были правильными — к мнению офицеров Генштаба прислушивались многие командующие фронтами и армиями, начальники штабов этих объединений и другие военачальники. Однако на протяжении войны отмечались случаи и недоброжелательного отношения к ним со стороны командования. Много таких фактов было зафиксировано на Западном фронте, в результате ряд офицеров Генштаба, аккредитованных при штабе Западного фронта, вынужден был уйти с занимае-

мых должностей, среди них полковники С. С. Сергиенко и А. К. Звездин, старший офицер генерал-майор Н. Ф. Гарнич.

Все они были хорошо подготовленными и знающими дело офицерами.

Во взаимоотношениях офицеров Генштаба при штабе Западного фронта с его командованием кульминационным пунктом стал период с октября 1943 по апрель 1944 г. В это время, когда коренной перелом в войне был уже достигнут, войсками Западного фронта во главе с генералом армии В. Д. Соколовским было проведено 11 наступательных операций на оршанском и витебском направлениях, но ни одна из них не стала успешной. Офицерами — представителями Генштаба генерал-майором Н. Ф. Гарничем, подполковниками Н. В. Резниковым, И. А. Некрасовым и другими своевременно были вскрыты многие из причин этого. Особенно серьезные недостатки в управлении войсками были отмечены подполковником Н. В. Резниковым в 33-й армии, которой командовал генерал-полковник В. Н. Гордов: отсутствие внезапности перехода в наступление, слабая артиллерийская подготовка и поддержка атакующих войск, невыполнение требований о месте командира в бою, скученность боевых порядков пехоты и хамское отношение командующего армии по отношению к командирам дивизий и корпусов. Представляет интерес заключение доклада Н. В. Резникова: «Знаю, что после этого доклада я буду изгнан из 33-й армии, как и предыдущие мои коллеги, потому что здесь не любят правду (это меня не страшит). Но я убедительно прошу доказать руководящим генералам, что неуспех операции не от того, что мало живой силы (у немцев ее не больше), а от плохого обеспечения и горловского¹⁰⁵ руководства этими операциями и плохой обученности войск»¹⁰⁶.

И все же деятельность офицеров Генштаба получила признание не только Ставки ВГК и Генерального штаба, но и многих командующих фронтами. Этому способствовали опыт Корпуса офицеров-представителей, в рядах которого после проведенной в 1943 г. реорганизации остались наиболее подготовленные офицеры, новый единый документ «Положение и инструкция по работе Корпуса офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии», а также выводы специальной комиссии, выезжавшей в апреле 1944 г. на Западный фронт, в которых нашли отражение крупные ошибки в руководстве войсками и полное игнорирование сигналов офицеров Генштаба.

Если первый из этих документов — «Положение и инструкция...» четко определял основные направления деятельности офицеров, их права и обязанности, то второй документ — «Акт специальной комиссии ГКО» убедительно показал, что нельзя не считаться с работой офицеров — представителей Генштаба в действующей армии, с их выводами, предложениями и рекомендациями, направленными на улучшение работы командования и штабов по управлению войсками и боевому использованию их в сражениях.

Характерным здесь является пример из воспоминаний бывшего старшего офицера при Отдельной Приморской армии генерал-майора (а в то время — подполковника) Н. Д. Салтыкова: «На Керченский плацдарм в конце декабря 1943 г. прибыл представитель Ставки К. Е. Ворошилов. К моменту его прибытия офицеры Генштаба при армии проверили состояние тех соединений, которые по решению командования армии могли быть привлечены к проведению намеченной наступательной операции. Маршал К. Е. Ворошилов, заслушав доклады офицеров, в которых были высказаны позитивные и негативные стороны, обратился к командующему армией генералу армии И. Е. Петрову с вопросом, как он оценивает работу офицеров и доверяет ли им. На это генерал Петров дал исчерпывающий ответ. Он заявил, что всем находящимся здесь офицерам он полностью доверяет, считает их доклады объективными и благодарен им за их большую помощь командованию и штабу».

Успешно выполняли свои обязанности офицеры — представители Генштаба в операциях летне-осенней кампании 1944 г. Наиболее крупной в этой кампании стала Белорусская стратегическая наступательная операция. В период ее подготовки и проведения на 1-м Прибалтийском фронте работу вели шесть офицеров Генштаба во главе с полковником Ф. Г. Барским; на 3-м Белорусском — шесть офицеров во главе с полковником А. Г. Серебряковым, затем подполковником А. С. Орловым; на 2-м Белорусском — семь офицеров

во главе с полковником Н. Д. Салтыковым, а после его ранения — полковником А. Д. Гуреевым; на 1-м Белорусском — восемь офицеров во главе с полковником И. В. Соловьёвым. Кроме того, вместе с маршалом А. М. Василевским на фронте находилась группа офицеров Генштаба, возглавляемая генерал-лейтенантом М. М. Потаповым¹⁰⁷.

Старшие офицеры — представители Генштаба при фронтах в этот период подчинялись непосредственно представителям Ставки ВГК маршалам Г. К. Жукову и А. М. Василевскому и выполняли их указания. Стиль работы офицеров-представителей был различным и зависел от конкретных условий. Вспоминая о периоде подготовки к операции «Багратион», бывший старший офицер при 2-м Белорусском фронте Н. Д. Салтыков отметил: «Всех офицеров распределили по корпусам. Свою работу мы строили так: утром выезжали в районы расположения войск. Возвращаясь на КП фронта, составляли короткие письменные донесения. В конце дня собирались у генерал-полковника С. М. Штеменко, докладывали итоги работы за день, свои выводы и предложения»¹⁰⁸.

Еще более активизировалась деятельность офицеров-представителей с началом операции. Ими отмечались малейшие недостатки в действиях войск, влиявшие на ход наступления, своевременно оказывалась необходимая помощь командованию и войскам. На основании поступивших из Белоруссии донесений офицеров-представителей 6 июля всем командующим фронтами, а также маршалам Г. К. Жукову и А. М. Василевскому была направлена директива Ставки ВГК за подписью И. В. Сталина и А. И. Антонова о недостатках в управлении войсками в период развития наступления и особенно при преследовании противника. Ставка приказала командующим фронтами и армиями принять решительные меры к устранению указанных недостатков¹⁰⁹.

Деятельность офицеров — представителей Генштаба в 1945 г. в ходе разгрома противника за пределами территории СССР возглавлялась старшими офицерами: на 1-м Прибалтийском — полковником З. С. Альшицем, на 3-м Белорусском — полковником С. Я. Чуриловым, на 2-м Белорусском — полковником А. Д. Гуреевым, на 1-м Белорусском — полковником И. В. Соловьёвым, на 1-м Украинском — полковниками Д. И. Лебедевым и М. Н. Смирновым, на 4-м Украинском — полковником И. П. Андреевым и подполковником Н. В. Резниковым, на 2-м Украинском — полковником Е. Л. Збандуто, на 3-м Украинском — полковником В. Г. Кулагиним. В Войске Польском работали представитель Генштаба генерал-майор Н. М. Молотков и его помощники — полковники М. Ф. Дубровский и А. С. Евсеев. Ценная информация от офицеров Генштаба на завершающем этапе войны поступала со всех действующих фронтов. Она оказывала большую помощь в работе командования и штабам всех степеней не только советских войск, но и армий союзных государств, действовавших на советско-германском фронте, в которых были офицеры — представители Генерального штаба.

Работа Корпуса офицеров, в отличие от Группы офицеров, проходила в более благоприятных условиях. Корпус был укомплектован опытными, хорошо подготовленными для выполнения возросших служебных обязанностей кадрами. Все офицеры имели боевой опыт, а также опыт работы офицерами-представителями в армиях и фронтах, обладали достаточным оперативно-тактическим кругозором и другими необходимыми качествами. По состоянию на 9 мая 1945 г. в корпусе насчитывалось 84 офицера¹¹⁰.

Крупнейшие военные события 1941–1945 гг. свидетельствуют о непрерывном совершенствовании стиля и методов работы офицеров Генштаба. Доклады большинства из них были объективны и правдивы. Содержание каждого из последующих докладов отражало их возросшее профессиональное мастерство, умение найти главное, сделать обобщающие выводы, ценные предложения и рекомендации по вопросам военного искусства и боевого применения войск, направленные на устранение недостатков и совершенствование форм и методов борьбы с врагом.

Решение об упразднении Корпуса офицеров — представителей Генштаба было принято в январе 1946 г.¹¹¹ Все его офицеры в течение января — июля 1946 г., за исключением тех, кто работал в войсках Дальнего Востока, были отозваны в Генштаб. Офицеры-представители, находившиеся на Востоке, продолжали выполнять свои обязанности до июня 1947 г.¹¹²

В период войны в институте офицеров — представителей Генштаба проходили службу 400 человек¹¹³, которые представляли 12 национальностей. Далеко не все из них дожили до дня Победы. За период войны погиб или пропал без вести 31 офицер-представитель, многие были ранены¹¹⁴. В годы войны награды удостоились 169 офицеров — представителей Генштаба¹¹⁵.

Руководство военной разведкой

Накануне и в годы войны советское военно-политическое руководство уделяло постоянное внимание укреплению разведки и управлению ее деятельностью, направленной на обеспечение безопасности государства. Учитывая острую потребность в разведывательных сведениях военного, военно-политического, военно-экономического и военно-технического характера, советское правительство и Политбюро ЦК ВКП(б) в предвоенные годы сформировали систему разведывательных органов, в которую входили: 1-е Главное управление Наркомата внутренних дел СССР, Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, 1-е (Разведывательное) Управление Наркомата Военно-морского флота.

Разведывательные органы СССР действовали независимо друг от друга и по мере необходимости осуществляли оперативное или информационное взаимодействие. Каждая разведывательная служба занималась сбором сведений в сфере своей ответственности и обеспечивала разведывательной информацией высшее военно-политическое руководство страны и соответствующий наркомат.

Приоритетное право доклада разведывательных сведений И. В. Сталину принадлежало внешней разведке НКВД. Добытую ценную информацию начальник военной разведки докладывал наркому обороны и начальнику Генерального штаба, однако в случае необходимости он имел право направлять письменные донесения по наиболее важным вопросам И. В. Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б).

Место военной разведки в системе органов, обеспечивающих безопасность государства, неоднократно изменялось, что определялось ее подчинением наркому обороны или начальнику Генерального штаба. В связи с этой подчиненностью определялось и название центрального органа военной разведки. В годы войны подчиненность военной разведки и название ее центрального органа также неоднократно изменялись. Непосредственно перед нападением Германии на СССР военная разведка была подчинена начальнику Генерального штаба.

В годы Великой Отечественной войны центральный орган управления военной разведки имел следующие названия: июнь 1941 — февраль 1942 г. — Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии; февраль — октябрь 1942 г. — Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии; октябрь 1942 — апрель 1943 г. — Главное разведывательное управление Красной армии (зарубежная и оперативная разведка) и Управление войсковой разведки Генерального штаба Красной армии; апрель 1943 — июнь 1945 г. — Главное разведывательное управление Красной армии (зарубежная разведка) и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (оперативная и войсковая разведка); с июня 1945 г. — Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии.

Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА) отвечало за добывание сведений военного, военно-политического, военно-технического и военно-экономического характера и организацию деятельности разведывательных отделов штабов военных округов. Деятельность военной разведки осуществлялась в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б), приказами наркома обороны и начальника Генерального штаба. Задачи военной разведки, основные направления ее деятельности и страны, на территории которых ее резидентуры должны были добывать разведывательные сведения, документы, образцы оружия и другие материалы определялись соответствующими решениями высшего политического и государственного руководства СССР.

Я. К. Берзин

А. Г. Орлов

Успешная деятельность разведки и эффективность использования добытых ею сведений зависела от многих причин, наиболее важными из которых являлись: политическая воля лиц, принимающих решения по докладам разведки; доверие руководства государства к разведывательным органам и их информационным материалам; соответствие организационной структуры военной разведки требованиям текущего времени; высокое профессиональное мастерство разведчиков всех уровней; достаточное материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности разведки.

В предвоенные годы руководство СССР часть этих обязательных условий успешной деятельности разведки не успело сформировать, а некоторые уже созданные в 1918–1935 гг. предпосылки были необоснованно разрушены. В 1937–1939 гг. советские разведорганы подверглись «чистке», часть разведчиков НКВД и НКО была репрессирована. В органах военной разведки была нарушена преемственность в работе Центра, резидентур и разведчиков, что отрицательно отразилось на решении разведывательных задач и безопасности ее структур.

Начало репрессиям против сотрудников советской разведки положило выступление И. В. Сталина 21 мая 1937 г. на совещании в НКВД, на котором он заявил: «...управление разведки вместе со своим аппаратом попало в руки немцев. Разведку надо распустить. Лучше всего — всю»¹¹⁶. Такую же оценку И. В. Сталин дал и военной разведке, выступая 2 июня 1937 г. на заседании Военного совета Наркомата обороны: «Разведка — эта та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши»¹¹⁷. За указаниями И. В. Сталина последовали жесткие организационные мероприятия. Были репрессированы начальники военной разведки армейский комиссар Я. К. Берзин, комкор С. П. Урицкий, старший майор госбезопасности С. Г. Гендин, комдив А. Г. Орлов. Количество сотрудников военной разведки, действовавших в составе зарубежных резидентур, сократилось в три раза. Руководство Наркомата обороны стало меньше внимания уделять сведениям военной разведки. В итоге, репрессии ослабили не только кадровый состав разведки, но и подорвали доверие к ней высшего руководства СССР.

И. И. Проскуров

В июне 1939 г. начальником 5-го (разведывательного) управления РККА был назначен Герой Советского Союза комдив И. И. Проскуров, который по своему положению одновременно стал заместителем наркома обороны. В период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. И. И. Проскуров приложил немало сил, чтобы организовать добывание ценных сведений о противнике. Ему многое удалось сделать, однако добытая информация не в полной мере использовалась руководством Наркомата обороны, что отрицательно сказалось на ходе и результатах боевых действий.

На совещании высшего командного состава РККА 17 апреля 1940 г. И. И. Проскуров высказал критические замечания в адрес Наркомата обороны. Критика была объективной, но не получила поддержки со стороны И. В. Сталина. 25 мая 1940 г. И. И. Проскуров направил в Комиссию ЦК ВКП(б) и наркому обороны доклад «О реализации указаний товарища Сталина, данных в 1937 году». В докладе сообщалось о неудовлетворительном положении дел в укомплектовании военной разведки квалифицированными кадрами: «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За три года органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав, до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых не имеют опыта разведывательной подготовки»¹¹⁸. Цель докладной записки И. И. Проскурова состояла в том, чтобы привлечь внимание высших органов государственного управления к проблемам, мешавшим работе 5-го управления РККА, и добиться укрепления военной разведки.

Результаты анализа итогов финской кампании заставили Политбюро ЦК ВКП(б) принять решение о кадровых перемещениях в высшем руководстве Красной армии, провести организационные мероприятия, которые затронули и военную разведку. 5-е управление РККА, подчинявшееся наркому обороны СССР, было включено в состав Генерального штаба и получило название Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Генерал-лейтенант И. И. Проскуров был освобожден от должности начальника военной

разведки, в июле 1940 г. на этом посту его сменил генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, ставший одновременно заместителем начальника Генштаба.

В аппарате Разведывательного управления Генштаба были созданы новые отделы и произведены соответствующие назначения. Заместителями начальника Разведуправления стали генерал-майор А. П. Панфилов и генерал-майор И. Г. Рубин, а заместителем начальника управления — начальником политического отдела — кадровый политический работник генерал-лейтенант И. И. Ильичёв. Региональные отделы возглавили профессиональные военные разведчики.

Ответственность за организацию деятельности зарубежной (стратегической) агентурной разведки была возложена на сотрудников западного, восточного, дальневосточного и военно-технического отделов, которые руководили деятельностью резидентур Разведуправления Генштаба Красной армии в Англии, Бельгии, Венгрии, Германии, Италии, Польше, Румынии, Франции, Китае, Японии и других странах. Зарубежная разведка организовывалась высшим военным командованием и велась непрерывно с целью установления состава, состояния, дислокации вооруженных сил противника на различных театрах военных действий, выявления взглядов на характер войны и добывания его планов ведения войны, военно-экономического потенциала, состояния и перспектив развития вооружения и военной техники.

Во второй половине 1940 г. возможности большинства резидентур Разведуправления Генерального штаба по сбору разведанных были ограничены. Это объяснялось прежде всего тем, что в 1936–1940 гг. были репрессированы 863 кадровых разведчика¹¹⁹. При этом по штату 1939 г. в Разведывательном управлении числились 445 человек, включая водителей и уборщиц¹²⁰. Ослабленными были и аппараты военных атташе, которые, занимаясь вопросами военного сотрудничества, изучали состояние и возможности вооруженных сил в странах пребывания. В июле 1940 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладывал наркомку обороны СССР о том, что аппараты военных атташе укомплектованы не более чем на 70%.

Для пополнения кадрового состава Разведуправления Генштаба в соответствии с указаниями И. В. Сталина были отобраны лучшие офицеры — выпускники военных академий. Новые сотрудники военной разведки были первоклассными специалистами в области своих прежних военных профессий, но слабо владели иностранными языками и не имели опыта разведывательной деятельности. Несмотря на активные усилия, направленные на укомплектование подразделений военной разведки, в Центре и в зарубежных аппаратах Разведуправления в 1940 г. остро ощущался недостаток квалифицированных специалистов. Это заставило руководство НКО принять неотложные меры по реформированию системы подготовки разведчиков. 27 августа 1940 г. нарком обороны подписал приказ по созданию Высшей специальной школы Генерального штаба, основной задачей которой была подготовка кадров для Разведуправления Генштаба и разведывательных отделов штабов военных округов. К июню 1941 г. в значительной мере удалось пополнить кадровый состав военной разведки. В иностранных государствах на военную разведку работали 914 человек, из них 316 человек в резидентурах под прикрытием советских официальных представительств; 598 человек являлись разведчиками-нелегалами и агентами — источниками информации¹²¹, которые в основном сотрудничали на идейной основе.

Добиваясь укрепления стратегического звена военной разведки, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков планировал расширить агентурную сеть в основных странах Европы, США, Китае и Японии. Однако обстановка в Германии, Венгрии, Италии, Румынии и Японии была сложной, поэтому реализация некоторых оперативных замыслов задерживалась, что отрицательно сказывалось на количестве и качестве добываемых разведывательных сведений. Этот серьезный недостаток был отражен 7 декабря 1940 г. в Акте передачи командования Наркоматом обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко¹²², где состояние советской военной разведки оценивалось следующим образом: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа

Ф. И. Голиков

И. И. Ильичёв

Ф. Ф. Кузнецов

Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены»¹²³.

Начавшаяся война в Европе требовала наращивания сил и возможностей стратегической разведки, которая должна была добывать сведения о вооруженных силах Германии, Венгрии, Румынии, Италии, Японии и других стран. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Генерального штаба Красной армии 12 декабря 1940 г. утвердил новое положение и штаты Разведывательного управления. Его задачи были конкретизированы, штатная численность центрального аппарата, зарубежных резидентур и разведывательных отделов штабов военных округов увеличена.

В предвоенные годы центральный аппарат военной разведки регулярно готовил для высшего политического руководства СССР и командования Красной армии информационные документы по военным и военно-политическим вопросам. Основными среди них были: оперативные донесения резидентур (шифротелеграммы), специальные сообщения, ежемесячные разведывательные сводки по Западу и Востоку, справочники по вооруженным силам Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Японии. В Центре также готовились сборники материалов, в которых обобщался опыт ведения германскими войсками боевых действий в Европе. Эти сборники направлялись в Генеральный штаб и в штабы западных особых военных округов. В целом в 1940 г. в Разведуправлении было подготовлено около 300 специальных сообщений и сводок, в которых освещались проблемы военного, военно-политического и военно-технического характера.

Учитывая нарастание военной угрозы безопасности СССР, командование Разведуправления Генерального штаба запланировало в 1941 г. создать в Германии и странах германского блока несколько новых резидентур, провести другие оперативные мероприятия. План был утвержден наркомом обороны и начальником Генерального штаба. Формирование новых зарубежных резидентур осуществлялось ускоренными темпами. К весне 1941 г. в европейских странах действовали резидентуры «Брион», «Ещенко», «Дора», «Золя», «Отто», «Паскаль», «Феникс», «Акасто» и другие. В Германии эффективно действовали резидентура «Арнольд» и агентурная группа «Альта», которой руководила Ильзе Штёбе, имевшая оперативный псевдоним Альта (арестована гестапо в октябре, казнена в декабре 1942 г.). Одним из ее информаторов был сотрудник Министерства иностранных дел Германии барон Рудольф фон Шелиа. 28 декабря 1940 г. именно он сообщил И. Штёбе о том, что А. Гитлер 18 декабря утвердил план войны против СССР. Эта информация 29 декабря была доложена И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкову, однако не привлекла особого внимания советского политического руководства.

Исходя из сложной военно-политической обстановки в Европе и на Дальнем Востоке, руководство НКО в январе 1941 г. поставило перед военной разведкой сложные задачи. В военно-политической области: вскрыть военно-политические планы руководства Германии, добыть сведения о реальном отношении Германии к СССР, целях и задачах формирования гитлеровским руководством военно-политического блока в Европе, а также вскрыть основную направленность связей Германии с Японией, оценить политику правящих кругов Великобритании, Франции и США в отношении Германии и СССР и другие¹²⁴. В военной области зарубежные резидентуры должны были добыть сведения, раскрывающие взгляды руководства Германии и Японии на характер войны, способы ее ведения, роль и место в ней танков, авиации и артиллерии планы мобилизационного развертывания вооруженных сил Германии, Японии и сопредельных с СССР европейских государств и мероприятия по оборудованию театров военных действий¹²⁵. Решением задач в области строительства германских и японских военно-морских сил, их боевом составе и вооружении кораблей занималось Разведывательное управление Наркомата ВМФ СССР. Конкретные задачи были определены в области добывания военно-технических сведений и образцов.

В первой половине 1941 г. советское руководство, укрепляя обороноспособность страны, сохранило прежнюю систему советской разведки, в которой независимо друг от друга действовали внешняя разведка НКВД, разведка НКО и разведка НК ВМФ. Отношения между советскими разведывательными службами строились на основе «Инструкции о взаимоотношениях разведорганов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе»¹²⁶, одобренной Политбюро ЦК ВКП(б). 29 апреля 1941 г. эта инструкция была подписана наркомом государственной безопасности В. Н. Меркуловым, заместителем наркома внутренних дел И. И. Масленниковым, начальником Разведуправления Генерального штаба Ф. И. Голиковым и начальником 1-го (Разведывательного) Управления НК ВМФ Н. И. Зуйковым.

Начальникам советских разведывательных органов в случае оперативной необходимости было разрешено осуществлять перевод офицеров-разведчиков из одной разведывательной службы в другую, обмениваться сведениями в целях дополнительной проверки их достоверности и взаимного информирования по наиболее сложным военным и военно-политическим вопросам.

По мере нарастания признаков подготовки Германией войны против СССР взаимодействие советских разведорганов в информационной области активизировалось. Например, 4, 16 и 22 мая 1941 г. 1-е Главное управление НКВД направило начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии агентурные сводки о передвижениях германских войск и военных мероприятиях на территории Польши¹²⁷, перебросках германских войск к границе с СССР¹²⁸. Руководство Разведуправления Генштаба также направляло руководству внешней разведки НКВД свои разведывательные сведения для их проверки или возможного использования.

Наиболее важные сведения о нарастании военной угрозы со стороны Германии, имевшиеся в Управлении внешней разведки НКВД, РУ ГШ КА и 1-го (Разведывательного) Управления НК ВМФ, направлялись советскому военно-политическому руководству. Однако в правительстве и в Политбюро ЦК ВКП(б) эти сведения централизованно не обобщались и на их основе не разрабатывались итоговые информационные документы. Отсутствие подобных документов, особенно по проблемам советско-германских отношений и нарастанию военной угрозы, свидетельствует о серьезном изъяне в советском механизме государственного управления. Этот недостаток не позволил руководству СССР избежать субъективизма в оценке нарастания опасности войны и своевременно определить меры, направленные на укрепление безопасности страны.

Кроме ведения стратегической разведки Разведуправление Генштаба Красной армии организовывало ведение оперативной и тактической разведки. Комплексное использование сил стратегической, оперативной и тактической разведок позволяло в мирное время решать широкий круг задач и добывать сведения в интересах политического руководства СССР, командования Красной армии и командиров всех уровней. Поэтому в первой половине 1941 г. руководство Разведуправления уделяло значительное внимание укреплению органов оперативной разведки, так как значительная часть ее сил действовала на территориях государств, имевших общую границу с СССР.

В соответствии с распоряжением начальника Генерального штаба в период с 25 января по 21 февраля 1941 г. в Разведывательном управлении были проведены сборы начальников разведотделов штабов военных округов, в ходе которых уточнены мобилизационные планы, конкретизированы задачи органов оперативной разведки¹²⁹. Выполняя указания начальника Генерального штаба, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков 24 февраля направил директиву всем начальникам разведывательных отделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении к 10 мая 1941 г. разведорганов и оперативных пунктов разведки в повышенную степень готовности.

Учитывая особую сложность обстановки в Европе и напряженное состояние советско-германских отношений, командование военной разведки не только выполняло указания начальника Генерального штаба, но проявляло необходимую в таких условиях инициативу, выдвигало различные конструктивные предложения. В частности, в мае 1941 г. по предложе-

нию Разведывательного управления начальник Генерального штаба Г. К. Жуков утвердил план мероприятий по созданию в приграничных округах запасов оружия, боеприпасов и военного имущества. Эти и другие материальные средства создавались для обеспечения деятельности запасной агентурной сети на советской территории глубиной до 100–150 км от границы. Одновременно было принято решение об увеличении количества разведывательных радиодивизионов на Западном театре военных действий. Командованием военной разведки, имевшим достоверные сведения о военных приготовлениях Германии, предпринимались и другие необходимые меры, однако все они могли быть максимально использованы только в случае понимания высшим политическим руководством СССР опасности назревавшей войны с гитлеровской Германией. В целом мероприятия, проводившиеся руководством Разведуправления в предвоенный год, активизировали деятельность резидентур военной разведки в странах Европы, Японии и Китае, нацелили начальников разведывательных отделов штабов западных военных округов на подготовку к действиям в условиях войны.

В соответствии с утвержденным И. В. Сталиным порядком Разведуправление Генштаба в июне 1940 — июне 1941 г. направляло добытые сведения и информационные документы высшему политическому руководству СССР по двум спискам. Наиболее важные и срочные донесения направлялись И. В. Сталину (два экземпляра), В. М. Молотову, наркому обороны СССР С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба К. А. Мерецкову. Во второй список были включены И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Л. П. Берия, Н. Г. Кузнецов, А. С. Щербаков, А. А. Жданов, Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников и С. М. Будённый.

Военные разведчики Г. М. Ерёмин, Р. Зорге, А. В. Яковлев, И. Штёбе, Н. Д. Скорняков, Н. Г. Ляхтеров, В. И. Тупиков, И. А. Сулопаров и другие весной 1941 г. сообщали в Центр об изменении отношения А. Гитлера к СССР, укреплении связей Германии с Японией, Италией, Румынией, Венгрией и Финляндией, переброске немецких войск к советской границе¹³⁰. Советской военной разведкой своевременно были добыты сведения о том, что А. Гитлер 31 января 1941 г. утвердил секретную директиву главного командования сухопутных войск Германии, которая имела название «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция «Барбаросса»)»¹³¹. Сведения о содержании этой директивы добыла И. Штёбе¹³².

В марте 1941 г. начальник РУ ГШ КА дал указание начальникам разведывательных отделов штабов Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов усилить разведку Германии в зонах ответственности этих разведотделов, «вскрыть военные планы Германии, ее военную и экономическую мощь и мобилизационные возможности на случай войны с СССР»¹³³.

Весной 1941 г. в Центр продолжали поступать сведения о наращивании немецкой группировки войск на советской границе. Часть этих донесений 20 марта 1941 г. была использована начальником Разведуправления Генштаба Ф. И. Голиковым для доклада, который получил название «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР»¹³⁴. Этот доклад был направлен И. В. Сталину, наркому обороны С. К. Тимошенко и в ЦК ВКП(б). Доклад содержал 16 пунктов и два вывода.

Излагая в целом достоверные сведения, добытые военными разведчиками, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков сделал неправильные выводы. Он утверждал: «1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформационные, исходящие от английской и даже, может быть, германской разведки»¹³⁵.

Выводы Голикова явились отражением уровня отношений, сложившихся в системе управления СССР, где мнение И. В. Сталина о том, что Германия в 1941 г. не нападет на СССР, считалось единственной правильной оценкой военно-политической обстановки. Этой оцен-

ки придерживались наркомы иностранных дел и обороны, начальник Генерального штаба и другие лица, входившие в состав высшего руководства СССР. Начальник военной разведки генерал-лейтенант Ф. И. Голиков тоже не избежал влияния этого мнения И. В. Сталина.

Однако в апреле — июне 1941 г. Ф. И. Голиков изменил свою точку зрения и стал направлять высшему руководству СССР донесения резидентов военной разведки без дополнительных оценок и выводов. Эти донесения объективно отражали изменения в советско-германских отношениях и вскрывали прямые признаки подготовки Германии к войне против СССР. Во второй половине апреля, например, военный атташе советского посольства в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков направил начальнику Разведуправления Генерального штаба очередной доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941»¹³⁶. На основе имевшихся в его распоряжении сведений он пришел к следующим выводам: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник. 2. Сроки начала столкновения — возможно более короткие и безусловно в пределах текущего года»¹³⁷.

Важные сведения поступали в Центр от полковника Г. М. Ерёмкина из Бухареста, полковника А. В. Яковлева из Праги и других разведчиков. 16 апреля 1941 г. в Разведывательном управлении Генштаба было подготовлено специальное сообщение «О перебросках немецких войск в погранполосе СССР»¹³⁸, которое направлено И. В. Сталину и командованию Красной армии. За месяц до начала войны были подготовлены специальные сообщения «О плане военных действий Германии против СССР»¹³⁹, «Обзор агентурных сведений о возможности нападения Германии на СССР»¹⁴⁰, «О германо-советских отношениях, положении в Германии и о возможном нападении Германии на СССР»¹⁴¹, «Об усилении группировки немецких войск на границе с СССР»¹⁴², «О подготовке Германии к нападению на СССР»¹⁴³, «О переброске немецких войск в погранзону с СССР»¹⁴⁴ и другие. Эти специальные сообщения направлялись И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко, Л. П. Берии, Н. Г. Кузнецову, С. М. Будённому, Б. М. Шапошникову, К. А. Мерецкову, Г. К. Жукову, А. А. Жданову.

Вечером 21 июня 1941 г. в Разведывательном управлении было подготовлено срочное донесение «О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.06 на 22.06», которое было незамедлительно направлено И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко. В целом за период с 1 июня 1940 по 22 июня 1941 г. в Центр от резидентов военной разведки поступило около 267 донесений, в которых отражалось нарастание военной угрозы со стороны фашистской Германии. Половина из них была доложена высшему военно-политическому руководству СССР.

В этот же период внешняя разведка НКВД неоднократно докладывала руководству СССР о нарастании военной угрозы. Однако И. В. Сталин, В. М. Молотов, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков не давали этим разведывательным сведениям адекватной оценки. Высшее советское руководство продолжало придерживаться мнения, что в 1941 г. Германия не нападет на СССР. Эта ошибка в оценке нарастания угрозы со стороны Германии привела к трагическому для Советского Союза началу Великой Отечественной войны.

После вероломного нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Генеральный штаб Красной армии и Наркомат обороны не имели сведений о действительном положении дел на фронтах, связь со штабами которых была нарушена. В полном неведении находились и члены советского правительства. Единственным документом, отражавшим ход боевых действий, стала разведывательная сводка № 1 Разведуправления Генштаба Красной армии. В ней сообщалось о том, что в итоге боевых действий за день 22 июня получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20 июня данные о группировке противника, находившегося непосредственно на границе СССР. Начальник Разведуправления доложил руководству СССР сведения о положении на Северном, Северо-Западном, Западном, Юго-Западном и Южном фронтах и сообщил о возможных ближайших действиях противника¹⁴⁵.

В предвоенные годы Генеральный штаб Красной армии, не исключая нападения на СССР Германии или Японии, готовился к ведению боевых действий на территориях соседних приграничных государств. Его прогнозы оказались ошибочными, мобилизационные планы — нереальными. Основные мероприятия мобилизационного характера выполнить также

не удалось. Войска Красной армии, в том числе и военная разведка, оказались не готовы к широкомасштабным военным действиям на территории СССР. Руководству Советского Союза необходимо было срочно перестроить управление разведкой и организовывать ее деятельность в соответствии с требованиями военного времени.

Начальник Генерального штаба в первые дни войны дал указания сосредоточить усилия разведки на решении следующих задач: организовать оперативную обработку всех разведывательных сведений о противнике и своевременное информирование членов ГКО, Ставки ГК и Генерального штаба о положении на фронтах; развернуть активную диверсионную деятельность на территориях, захваченных противником; расширить возможности оперативной и тактической разведки. С началом боевых действий были конкретизированы задачи разведки Наркомата внутренних дел и военно-морской разведки.

В соответствии с указаниями начальника Генерального штаба Красной армии от 2 августа 1941 г. начальники штабов Северного, Северо-Западного, Западного, Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов и ВВС должны были один раз в сутки к восьми часам утра предоставлять свои разведывательные сводки в Разведуправление Генерального штаба. Был установлен жесткий порядок подготовки и прохождения информационных документов военной разведки. Начальники разведывательных отделов штабов фронтов должны были представлять начальнику военной разведки соответствующие сводки.

Разведывательное управление Генштаба обязывалось представлять начальнику Генерального штаба: разведывательные донесения и разведывательные сводки — два раза в сутки (утром и вечером); доклад о положении на фронтах — ежедневно за истекшие сутки; один раз в неделю к разведывательному докладу о положении на фронтах — карту группировок немецких войск; к 7, 15, 22 и 30-му числам каждого месяца направлять боевой расчет сил противника, сведения о группировке его войск по фронтам и направлениям до дивизий, отдельных бригад и батальонов включительно; разведывательные доклады — три раза в месяц. На основе особо важных сведений Разведывательное управление должно было незамедлительно готовить специальные сообщения для членов ГКО, Ставки ВГК и командования Красной армии.

Некоторые решения политического руководства СССР, касавшиеся деятельности военной разведки в июне — сентябре 1941 г., были недостаточно обоснованы. Примером может служить постановление ГКО № 27сс от 5 июля 1941 г. «О назначении военной миссии в Англию», о котором уже говорилось ранее. Миссию, находившуюся в Лондоне с 8 по 12 июля 1941 г., возглавил начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Однако именно в это время военная разведка должна была срочно перестраивать свою деятельность в соответствии с требованиями войны. Отсутствие начальника Разведывательного управления Генштаба в Москве создало дополнительные трудности в работе центрального аппарата военной разведки. После возвращения из Лондона Ф. И. Голиков был направлен в Вашингтон для переговоров с американскими официальными лицами. Ситуация с руководством Разведывательного управления в июле — октябре 1941 г. была неопределенной¹⁴⁶.

В рамках реализации постановления ГКО от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР из г. Москвы»¹⁴⁷ Разведуправление Генштаба было передислоцировано в Куйбышев. В Москве осталась группа оперативного состава Разведуправления, которой руководил генерал-майор А. П. Панфилов¹⁴⁸. Эта группа в октябре — декабре 1941 г. готовила для Ставки ВГК и Генерального штаба информационные донесения о положении на фронтах, проводила допросы некоторых плененных немецких солдат и офицеров, выполняла другие задачи.

В ходе первых недель и месяцев войны Генеральному штабу в руководстве деятельностью военной разведки не хватало четкости и определенности. Однако война настоятельно требовала оперативно определить принципы управления разведкой, основными среди которых стали: жесткая централизация управления; усиление партийного контроля над деятельностью разведывательных органов; определение разведывательных задач в соответствии с обстановкой на фронтах; сосредоточение основных усилий разведки на приоритетных направлениях;

максимальное развитие инициативы разведчиков; повышение личной ответственности командиров всех степеней за организацию разведки и выполнение заданий командования.

Руководство силами стратегической разведки в начале войны осложнилось тем, что контрразведывательные органы Германии в первый же день войны блокировали все советские дипломатические и иные представительства в Берлине и интернировали их сотрудников. В результате таких же акций резидентуры советской разведки, работавшие под прикрытием официальных представительств в Германии, Венгрии, Румынии, Италии и других прогерманских странах, тоже прекратили свою деятельность.

В это время проявилась и слабая профессиональная подготовка сотрудников Центра, которые не успели в первой половине 1941 г. обеспечить нелегальные резидентуры стратегической разведки необходимыми техническими и финансовыми средствами, особенно средствами радиосвязи, и не учитывали возросших возможностей и агрессивности контрразведки противника. Нередко нарушались и требования конспирации, что отрицательно влияло на безопасность зарубежных резидентур. В частности, выполняя срочные задания Центра, радисты длительное время находились в эфире, что позволяло противнику выявлять радиоквартиры советской разведки и осуществлять аресты.

В июле — октябре 1941 г. начальник Генерального штаба, командование Разведывательного управления и командующие фронтами уделяли первостепенное внимание приведению в соответствие с требованиями войны оперативной и тактической разведки. В частности, командование Разведуправления Генштаба в срочном порядке разработало предложения по организации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника. 27 июня 1941 г. начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков утвердил эти предложения. Разведуправление Генштаба и разведывательные отделы штабов фронтов до 15 сентября 1941 г. должны были подготовить и вывести в тыл противника 430—460 диверсионно-разведывательных формирований общей численностью 4300 человек¹⁴⁹.

В целях подготовки кадров для укомплектования диверсионных и партизанских отрядов при Высшей специальной школе Генерального штаба Красной армии в июне 1941 г. были созданы центральные курсы, которые должны были готовить до 500 специалистов в месяц. Было также принято решение о формировании во всех фронтах западного направления специальных школ для подготовки разведчиков и диверсантов.

Значительные потери личного состава войсковой и оперативной разведки заставили командование Разведуправления Генштаба направить часть специалистов центрального аппарата в действующую армию для усиления разведывательных отделов штабов западных фронтов¹⁵⁰. Это решение ослабило управление стратегической военной разведкой, но было вынужденным и в тех условиях необходимым, так как войсковая разведка занималась не только изучением группировок войск противостоящего противника, но и добывала ценные сведения оперативного характера, которые в своей совокупности позволяли вскрывать важные замыслы врага на конкретных операционных направлениях. Срочно принимались меры, направленные на укрепление сил и средств радиоразведки, также являвшейся надежным средством добывания сведений о противнике.

Благодаря созданной в предвоенные годы строгой вертикали управления, решения Ставки незамедлительно реализовывались центральным аппаратом военной разведки. Однако были вскрыты и значительные противоречия, существовавшие между организационно-штатной структурой Разведуправления Генштаба, утвержденной начальником Генштаба К. А. Мерецковым 12 декабря 1940 г., и потребностями Ставки ВГК в срочных информационных материалах, оперативно освещающих обстановку на фронтах, планы, силы и средства противника. Увеличение объема разведывательных задач выдвинуло перед командованием Разведывательного управления вопрос об усилении руководства войсковой разведкой, которая постоянно находилась в соприкосновении с противником и была в состоянии добывать сведения о нем. Действовавшее «Положение о Разведывательном управлении Генерального штаба» таких функций на Разведуправление не возлагало. В соответствии с практикой мирного времени войсковой разведкой руководили: в центре — начальник Генерального штаба

и начальник Управления боевой подготовки Наркомата обороны, а в действующей армии — начальник штаба фронта (армии) и начальник разведывательного отдела. Таким образом, сведения с фронта в Разведуправление Генерального штаба не попадали, что не позволяло сопоставлять их с данными стратегической и оперативной разведки.

В связи с этим 24 сентября 1941 г. начальник Разведывательного управления Генштаба генерал Ф. И. Голиков подготовил докладную записку на имя председателя ГКО И. В. Сталина и начальника Генштаба маршала Б. М. Шапошникова, в которой отмечалось, что войсковая разведка на фронте поставлена неудовлетворительно, руководство ей со стороны «какого-нибудь органа в системе НКО отсутствует на протяжении многих лет. Внимание к войсковой разведке в войсковых штабах недостаточно»¹⁵¹. Генерал Ф. И. Голиков предлагал возложить руководство войсковой разведкой на Разведывательное управление Генерального штаба, в Разведуправлении создать отдел войсковой разведки, в составе стрелковых батальонов — команды пеших разведчиков-охотников из «отборного состава», развернуть войсковые отделения разведывательных курсов Разведуправления на 200 человек вместо 70. Также предлагалось установить дифференцированную систему поощрения отличившихся: награждать военных разведчиков за троекратное выполнение разведывательных поисков с приведением пленных — медалью «За отвагу»; за семикратное — орденом Красной Звезды; за десятикратное — орденом Красного Знамени»¹⁵². Разведчиков, добывших особо ценные сведения, пленных или образцы боевой техники и проявивших особую воинскую храбрость, отвагу и выдержку, предлагалось представлять к званию Героя Советского Союза¹⁵³.

Это были важные меры, вносившие в случае их утверждения Ставкой ВГК существенные изменения в организационную структуру военной разведки и методы ее работы. Однако в сентябре 1941 г. Ставка ВГК эти предложения не рассмотрела. Силы и средства войсковой разведки продолжали находиться в подчинении начальников штабов фронтов, имели низкую укомплектованность, недостаточное материальное обеспечение и часто использовались не по назначению.

С началом военных действий объем работы разведывательных отделов штабов фронтов значительно увеличился. Они должны были добывать конкретные сведения, необходимые для планирования и успешного проведения фронтовых оборонительных и наступательных операций. Для этого было необходимо так организовать работу разведорганов, чтобы они могли своевременно добывать достоверную информацию о группировке, составе, силах и средствах противостоящих войск противника, вскрывать его планы и направления главных ударов, выявлять состав, дислокацию штабов, узлов связи, аэродромов базирования авиации и другие военные объекты¹⁵⁴.

Разведывательные отделы штабов фронтов должны были восстановить связь с довоенной агентурой, задействовать запасную сеть осведомителей в тылу противника, организовать подбор и подготовку новых разведчиков. Неотложными задачами являлись организация деятельности радиоразведки и дешифровальной работы в условиях крупномасштабных военных действий, динамично изменяющейся обстановки и работы с захваченными пленными и трофейными документами, а также налаживание тесного взаимодействия с ВВС фронта. В целом, разведывательные отделы штабов фронтов должны были обеспечить сбор и обобщение имевшихся в их распоряжении сведений о противнике, подготовку разведывательных сводок и других информационных документов.

В соответствии с решением ГКО накануне Московской битвы была значительно усилена радиоразведка, которая решала задачи стратегического и оперативного характера. В сентябре 1941 г. из Ташкента в Москву был переброшен 490-й радиодивизион, который подчинен Ставке ВГК. Дивизион успешно выполнял задачи по разведке состава группы армий «Центр» и действий немецкой бомбардировочной авиации в период битвы под Москвой. В декабре 1941 г., в ходе контрнаступления советских войск, эвакуированная часть Разведывательного управления Генерального штаба возвратилась из Куйбышева в Москву, центральный аппарат военной разведки заработал в полную силу, исчезла нервозность, характерная для первых

месяцев войны. Успешная деятельность военной разведки накануне и в ходе Московской битвы позволила советскому командованию правильно оценить обстановку, сосредоточить силы на главном направлении, отразить наступление противника, перейти в контрнаступление и добиться успеха.

После завершения Московской битвы командование Разведывательного управления Генерального штаба учло уроки боевых действий и проанализировало работу военной разведки. Выводы и предложения о принятии неотложных мер, направленных на улучшение разведдеятельности, были изложены комиссаром Разведуправления генералом И. И. Ильичёвым 31 января 1942 г. в докладной записке, которая была направлена члену ГКО и постоянному советнику Ставки ВГК Г. М. Маленкову и начальнику Главного политического управления РККА Л. З. Мехлису. В записке отмечалось, что организационная структура военной разведки все еще не приведена в соответствие с условиями войны и является тормозом в разведывательной работе, «на протяжении начального периода войны не было начальника Разведуправления, а также руководителя, возглавлявшего агентурную работу»¹⁵⁵. Серьезной критике был подвергнут Генеральный штаб, который «не руководил работой Разведуправления». И. И. Ильичёв просил немедленно назначить начальника военной разведки, «обязать Генштаб конкретно руководить разведкой или же возложить общее руководство Разведуправлением на одного из заместителей наркома обороны»¹⁵⁶. Далее констатировалось, что материальная база слабая, нет самолетов, нужной экипировки, продовольствия. Одновременно были предложены конкретные меры по реорганизации структуры военной разведки и совершенствованию материального обеспечения ее оперативной деятельности.

В ГКО предложения начальника военной разведки были рассмотрены и одобрены. 16 февраля 1942 г. нарком обороны И. В. Сталин подписал приказ № 0033 «О реорганизации Разведывательного управления Генштаба в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии»¹⁵⁷. Заместителем начальника Генерального штаба — начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии (ГРУ ГШ КА) был назначен генерал-майор танковых войск А. П. Панфилов, а военным комиссаром — генерал-лейтенант И. И. Ильичёв¹⁵⁸.

На ГРУ возлагалось руководство всеми видами военной разведки: стратегической (зарубежной), оперативной и тактической (войсковой). В организационной структуре Главного разведывательного управления Генштаба было создано два управления — агентурное и информационное и 23 отдела. Численный состав ГРУ был значительно увеличен. Реорганизацию центрального аппарата предусматривалось завершить к 20 февраля 1942 г. Планировалось провести ряд мероприятий по улучшению материального обеспечения, оснащению средствами агентурной радиосвязи и транспортной авиацией, повышению профессиональной подготовки кадров.

В результате проведенной реорганизации в новой структуре было проведено объединение всех разрозненных агентурных и информационных отделов в единые управления — агентурное и информационное; созданы два самостоятельных отдела — германский и европейский; сформирован отдел фронтовой, армейской и окружной разведки, наделенный функциями руководства деятельностью войсковой разведки. Принятые меры в целом активизировали деятельность разведки, однако еще длительное время ощущались недостаток квалифицированных кадров и слабое материально-техническое обеспечение.

Победа войск Красной армии в Московской битве, одним из факторов которой являлась эффективная и самоотверженная деятельность всех видов военной разведки, повысила доверие членов Ставки ВГК к ГРУ Генштаба. Однако в ходе принятия последующих решений военно-политического руководства СССР все же не в полной мере учитывало значение разведанных стратегического характера. Особенно наглядно это проявилось при определении Ставкой ВГК перспектив летне-осенней кампании 1942 г.

И. В. Сталин считал, что А. Гитлер в 1942 г. может снова предпринять попытку захвата советской столицы. Однако, по информации, поступавшей в Центр, А. Гитлер изменил план войны против СССР и готовился нанести главный удар в направлении Кавказа. Германское

командование планировало захватить нефтеносные районы и южную советскую продовольственную базу, лишив таким образом войска Красной армии необходимого материального обеспечения. Сведения, добытые разведкой, были достоверными и подтверждались многими источниками, которые действовали в Швейцарии, Великобритании, Швеции и США. На основе разведсводок было подготовлено специальное сообщение, которое 18 марта 1942 г. направлено в ГКО. В этом донесении сообщалось о том, что центр тяжести весеннего наступления немцев будет перенесен на южное направление (Ростов — Майкоп — Баку). В выводах указывалось: «Германия готовится к решительному наступлению на восточном фронте, которое развернется вначале в южном секторе и распространится в последующем на север»¹⁵⁹. Однако это донесение не было учтено в последующих решениях Ставки ВГК.

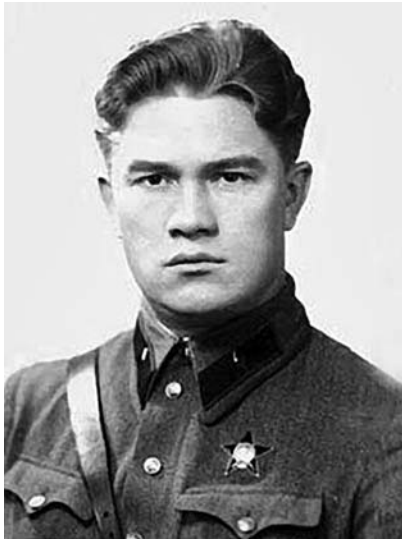
В соответствии с указаниями И. В. Сталина после разгрома немецких войск в битве под Москвой в Ставке ВГК рассматривался вопрос об усилении обороны Москвы и переходе войск Красной армии на отдельных направлениях в наступление. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников считал, что в 1942 г. по всему фронту войска Красной армии должны были «не гнать немцев на запад без передышки», а перейти к стратегической обороне. И. В. Сталин и Г. К. Жуков согласились с необходимостью перехода к стратегической обороне, но настояли на проведении нескольких наступательных операций¹⁶⁰. В конечном счете, в Ставке ВГК было выработано компромиссное решение — в качестве главного вида действий Красной армии на лето 1942 г. принята стратегическая оборона, дополненная в соответствии с рекомендациями И. В. Сталина частными наступательными операциями.

В начале лета 1942 г. резиденты военной разведки полковник Н. И. Никитушев, Ш. Радо и другие добыли дополнительные сведения о том, что главный удар будет нанесен противником в направлении Кавказа. Однако в основу решений советского Верховного главнокомандования все же были положены прогнозы И. В. Сталина. В очередной раз высшее военно-политическое руководство СССР не воспользовалось достоверными сведениями военной разведки, что привело к созданию в 1942 г. крайне сложной обстановки. А. М. Василевский так писал об этом: «Обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара на юге не были учтены. На юго-западное направление было выделено сил меньше, чем на западное»¹⁶¹.

В период возобновления наступления противника на южном крыле советско-германского фронта силы зарубежных резидентур ГРУ смогли также добыть достоверные сведения о том, что Япония не намерена вступать в войну против СССР до тех пор, пока Германия не нанесет советским войскам решительное поражение. После крупных потерь в Крымской, Харьковской и Любанской операциях И. В. Сталин, учитывая донесения военной разведки, приказал начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому снять с Дальнего Востока 10–12 дивизий и не позже 11 июля начать их скрытную переброску на запад в резерв Ставки ВГК¹⁶². На этот раз была усилена группировка войск Красной армии, оборонявших Сталинград.

Развитие обстановки на фронтах требовало дальнейшего совершенствования управления органами военной разведки и усиления ее деятельности не только в прифронтовой полосе, но и в глубоком тылу противника. Для добывания сведений, раскрывавших планы германского командования, ГРУ планировало направить на территорию Германии несколько разведгрупп и отдельных разведчиков, которые должны были организовать деятельность в Берлине, Кёльне, Вене, Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене и других городах. Однако полностью выполнить эти планы не удалось. Разведывательные сведения о противнике продолжали сообщать лишь те уцелевшие резидентуры, которые были созданы в предвоенные годы. Активно работали резидентуры «Акасто», «Брион», «Дора», «Зевс», «Эдуард», «Нак», «Соня», «Жорес», «Омега», «Жезл» и другие. Руководитель резидентуры «Дора» Шандор Радо в январе — октябре 1942 г. направил в Центр 800 шифрованных радиogramм (около 1100 листов текста), а в период с ноября 1942 по март 1943 г. еще около 750 радиogramм. Руководство ГРУ значительную часть этих донесений направляло в Ставку ВГК и Генеральный штаб.

В Лондоне продолжала активно действовать резидентура военной разведки «Брион», которой руководил генерал-майор танковых войск И. А. Складов. Только в 1942 г. он напра-

А. Н. Михеев

Н. А. Осетров

вил в Центр 1344 донесения. Большинство донесений этого резидента было использовано командованием Главного разведуправления для докладов членам Ставки ВГК. Наиболее важные разведывательные сведения направлялись И. В. Сталину, Г. К. Жукову и А. М. Василевскому. В целом за 1942 г. в ГРУ было подготовлено и направлено военно-политическому руководству СССР: по Европе — 102, по Азии — 83, по Америке — 25, по Африке — 12 специальных сообщений.

Сотрудники дешифровальной службы ГРУ в 1942 г. раскрыли принцип действия германской шифромашины «Энигма», основные немецкие и японские коды общевойсковых, полицейских и дипломатических шифров, 75 шифров немецкой разведки, более 220 ключей к ним, дешифровали более 50 тыс. немецких сообщений¹⁶³.

В целом силы и средства зарубежной, оперативной, войсковой и радиоразведки Главного разведывательного управления Генерального штаба смогли выявить состав немецкой группировки и предполагаемый характер ее действий на Сталинградском направлении. Тем не менее Ставка ВГК, допустившая ошибку в оценке стратегической обстановки, выразила неудовлетворение деятельностью военной разведки накануне Сталинградской битвы. В результате начальник ГРУ генерал А. П. Панфилов 25 августа 1942 г. был снят с должности. Это решение наркома обороны СССР было также вызвано тем, что польская армия В. Андерса, за формирование которой отвечал А. П. Панфилов, отказалась воевать на советско-германском фронте и покинула СССР. Исполняющим обязанности начальника ГРУ был назначен комиссар военной разведки генерал-лейтенант И. И. Ильичёв. Это назначение означало дальнейшее укрепление политического руководства деятельностью ГРУ, одного из сложнейших военных коллективов Генерального штаба.

Результаты анализа деятельности военной разведки накануне и в ходе Сталинградской битвы позволили установить, что офицеры аппарата ГРУ, одновременно руководя деятельностью стратегической, оперативной и войсковой разведки, не успевали качественно решать все оперативные задачи. Поэтому Ставка ВГК в октябре 1942 г. приняла решение провести очередную реорганизацию системы военной разведки. 23 октября 1942 г. нарком обороны СССР И. В. Сталин подписал приказ «О реорганизации Главного разведывательного управления Генерального штаба КА»¹⁶⁴. Приказом предусматривалось выделение ГРУ из состава

Генерального штаба и подчинение стратегической агентурной разведки народному комиссару обороны. На Главное разведывательное управление Красной армии возлагалось «ведение агентурной разведки иностранных армий как за границей, так и на временно оккупированной противником территории СССР»¹⁶⁵.

Начальнику ГРУ было приказано «в пятидневный срок представить на утверждение структуру и штаты Главного разведывательного управления Красной армии и его периферийных органов»¹⁶⁶. Через пять дней в составе ГРУ были сформированы три управления: агентурной разведки за границей, агентурной разведки на оккупированной немецкими войсками территории и информационное. Главному разведывательному управлению Красной армии для управления силами оперативной разведки разрешалось создание на периферии, вдали от штабов фронтов, трех-четырёх разведывательных групп (центров), используя для их прикрытия представительства Центрального штаба партизанского движения при военных советах фронтов¹⁶⁷.

Для руководства и управления деятельностью войсковой разведки в составе Генерального штаба было создано Управление войсковой разведки, которому подчинялись разведывательные отделы штабов фронтов и армий. Одновременно Управлению войсковой разведки ГШ КА запрещалось ведение агентурной разведки. Этим же приказом дешифровальная служба ГРУ, добившаяся в первом периоде войны уникальных результатов, была передана в ведение НКВД СССР, где образована единая криптографическая служба.

Однако на практике и эта реорганизация системы военной разведки, проведенная Ставкой ВГК, не оказала значительного влияния на улучшение ее деятельности. Некоторые положения, заложенные в это решение, оказались ошибочными. В частности, штабы фронтов из-за отсутствия подчиненной им агентурной разведки лишились возможности получения достоверных сведений о противнике от источников, действовавших в его оперативной глубине. Командование ГРУ также не смогло обеспечить быстрое доведение до штабов фронтов поступающих сведений от источников, действующих на территориях, оккупированных противником. Эти недостатки стали отрицательно сказываться на планировании и организации боевых действий войск и сил.

В феврале 1943 г. командующие ряда фронтов обратились к Верховному главнокомандующему с просьбой вернуть в их подчинение органы оперативной агентурной разведки. Этот вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро ВКП(б), куда приглашены Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский и генерал армии А. И. Антонов. На заседании Политбюро ВКП(б) был вызван и член Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов. В ходе заседания И. В. Сталин охарактеризовал положение на фронтах, заявил о необходимости укрепления фронтовой разведки: «По-видимому, назрела необходимость преобразовать Управление войсковой разведки в Разведывательное управление Генерального штаба, укрепив его организационно, кадрами и материально, выделив ему необходимые технические средства... Мы здесь посоветовались и решили рекомендовать на должность начальника Разведывательного управления Генерального штаба нашего Кузнецова Фёдора Федотовича. Он хорошо работал в свое время в качестве секретаря одного из московских райкомов партии, а затем в центральном аппарате на должности заместителя начальника Главного политического управления Красной армии, а недостающий военный опыт приобрел на фронте»¹⁶⁸.

Постановлением ГКО в апреле 1943 г. в системе военной разведки было создано два разведывательных управления: Главное разведывательное управление Красной армии и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии¹⁶⁹. Реализуя постановление ГКО, нарком обороны СССР И. В. Сталин 19 апреля 1943 г. подписал три приказа, завершивших длительный поиск оптимальной структуры военной разведки. Первый — «О реорганизации Управления войсковой разведки Генерального штаба Красной армии», в котором предписывалось «реорганизовать Управление войсковой разведки Генштаба в Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, возложив на него: руководство войсковой и агентурной разведкой фронтов, регулярную информацию о действиях и намерениях врага

и проведение дезинформации противника»¹⁷⁰. Разведуправлению Генштаба и разведывательным отделам фронтов «предоставлялось право ведения агентурной разведки и диверсионной работы на временно оккупированной территории Союза СССР»¹⁷¹. Начальником Разведуправления Генштаба был назначен генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов. В соответствии с приказом в ГРУ упразднялось 2-е управление, ведущее агентурную разведку на временно оккупированной территории Союза ССР, агентурная сеть передавалась Разведуправлению Генштаба. На ГРУ, которое подчинялось наркомату обороны, возлагались задачи по ведению разведки за рубежом. Начальником Главного разведывательного управления был назначен генерал-лейтенант И. И. Ильичёв.

В целях дальнейшего повышения достоверности разведывательной информации, докладываемой военно-политическому руководству СССР, нарком обороны этим же приказом распорядился создать «при начальнике Генерального штаба Красной армии... группу командиров во главе с генерал-полковником т. Голиковым с задачей обобщения и анализа поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки (НКО, НКГБ, НК ВМФ, Главного управления Смерш и партизанских штабов)»¹⁷². В состав группы по разведке вошли: начальник ГРУ Красной армии генерал И. И. Ильичёв, начальник внешней разведки НКГБ П. М. Фитин, начальник Разведывательного управления Главного морского штаба НК ВМФ контр-адмирал М. А. Воронцов, начальник 4-го управления НКГБ комиссар госбезопасности 3 ранга П. А. Судоплатов. Начальником группы по обобщению сведений о противнике был назначен генерал-полковник Ф. И. Голиков¹⁷³. Группа готовила для Ставки ВГК аналитические документы о состоянии вооруженных сил и экономики Германии и оценивала возможности Германии по ведению войны против СССР.

Устанавливался и порядок взаимодействия центральных органов военной разведки с Главным управлением НКО Смерш, которое было обязано «информировать Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии о причинах провала агентов разведывательных органов Красной армии, переведенных противником; о методах работы разведки противника по вербовке агентуры, ее подготовке, документации, организации радиосвязи и способах заброски»¹⁷⁴.

Реорганизация системы военной разведки должна была завершиться к 1 мая 1943 г. А 19 апреля 1943 г. нарком обороны И. В. Сталин подписал второй приказ — «О состоянии органов войсковой разведки и о мероприятиях по улучшению ее боевой деятельности». В нем, в частности, отмечалось: «Опыт боевой деятельности войск показал, что командиры частей и соединений не уделяли войсковой разведке должного внимания. Командующие фронтами и армиями мало спрашивают с командиров дивизий, полков за состояние войсковой разведки и не добиваются повышения разведывательной грамотности общевойсковых командиров»¹⁷⁵. Нарком обороны, детально и аргументированно оценивая состояние войсковой разведки в действующей армии, изложил ряд конструктивных требований, строгое выполнение которых должно было поднять на более высокий уровень управление войсковой разведкой. Командирам всех уровней указывалось уделять делу разведки серьезное внимание, «повседневное руководить работой начальников разведки, ставить им задачи и проверять их выполнение»¹⁷⁶. Приказом также предусматривалось до 10 мая 1943 г. полностью укомплектовать разведывательные отделы фронтов, улучшить их материальное и финансовое обеспечение, организовать расширенную подготовку кадров военной разведки, принять ряд других мер, направленных на активизацию деятельности военных разведчиков.

Третий приказ — «Об улучшении разведывательной работы партизанских отрядов» — определял порядок использования разведывательных данных партизан штабами фронтов и Генеральным штабом Красной армии¹⁷⁷.

Таким образом, в апреле 1943 г. была завершена работа по оптимизации системы военной разведки. Разведывательные управления Наркомата обороны и Генерального штаба возглавили кадровые политработники — И. И. Ильичёв и Ф. Ф. Кузнецов соответственно, которые пользовались доверием И. В. Сталина.

В. С. Абакумов

Н. Н. Селивановский

И. Я. Бабич

Изменившиеся в начале 1943 г. условия ведения войны (разгром группировки немецких войск в районе Сталинграда, подготовка к новой летней кампании, перспективы которой еще не были определены) на первый план выдвинули задачи своевременного и достоверного информационного обеспечения деятельности ГКО, Ставки ВГК и Генерального штаба сведениями военного и военно-политического характера.

Руководство военной разведки, учитывая сложную обстановку на советско-германском фронте и выполняя указания Ставки ВГК, принимало меры, направленные на повышение эффективности органов зарубежной разведки. Начальник ГРУ направил 27 апреля 1943 г. наркому обороны СССР специальную докладную записку «О мероприятиях по улучшению разведывательной работы за рубежом»¹⁷⁸. В конце апреля 1943 г. ГРУ была подготовлена докладная записка в ГКО, в которой изложены дополнительные «Предложения по улучшению разведывательной работы за рубежом»¹⁷⁹. Эти предложения были одобрены председателем ГКО и способствовали повышению эффективности деятельности ГРУ КА во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны.

В результате предпринятых Ставкой ВГК усилий были активизированы действия резидентур ГРУ Красной армии в Иране и Турции, разведывательных отделов штабов южных фронтов, штаба Черноморского флота и Южного штаба партизанского движения. Добытые силами и средствами разведки сведения легли в основу решений Ставки ВГК, которые обеспечили разгром группировки немецко-фашистских войск, действовавшей на Кавказе. Последний этап битвы за Кавказ был завершён 9 октября 1943 г.

Накануне и в ходе Курской битвы внимание Ставки ВГК привлекали разведывательные сведения о непоследовательных действиях правительств США и Великобритании, которые резко сократили поставки в СССР вооружения и военной техники. Беспокойство советского руководства вызывала возможность нарушения союзниками ранее принятых решений, направленных на разгром гитлеровской Германии. В этот период военные разведчики добыли сведения, раскрывавшие содержание секретных переговоров руководителей США и Великобритании в августе 1943 г. в Квебеке. Главным было то, что союзники в 1943 г. не намеревались открывать второй фронт, а также решили объединить усилия для ускорения создания атомной бомбы. Эти и другие сведения о Квебекской конференции были использованы начальником ГРУ КА генералом И. И. Ильичёвым для подготовки специального сообщения И. В. Сталину и В. М. Молотову «Об итогах конференции в Квебеке и отношении США

и Англии к СССР»¹⁸⁰. Добытые военной разведкой сведения были использованы ГКО для принятия важных решений в ходе подготовки советской делегации во главе с И. В. Сталиным к встрече с президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г.

После окончания Курской битвы резиденты ГРУ Красной армии начали докладывать в Центр сведения, которые свидетельствовали о начавшихся изменениях внешнеполитического курса фашистской Германии, руководство которой продолжало, с одной стороны, проводить мероприятия по укреплению фашистского блока, а с другой — пыталось установить тайные контакты с англо-американцами.

В связи с достижением коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, а также появлением новых обстоятельств в отношениях СССР с союзниками весной 1943 г. возникла острая необходимость четкого разграничения функций между Главным разведывательным управлением Красной армии (стратегическая разведка Наркомата обороны) и органами внешней разведки Наркомата государственной безопасности. В целях повышения результативности информационной деятельности всех разведывательных служб Государственный Комитет Обороны 5 июня 1943 г. принял постановление №3522сс «Об утверждении представленных НКГБ и ГРУ КА «Мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР»¹⁸¹, в соответствии с которым было определено, что функции ГРУ КА — ведение стратегической агентурной (военной) разведки в интересах Наркомата обороны, а 1-го Управления НКГБ — ведение политической разведки.

В постановлении ГКО также отмечалось, что основное внимание разведывательные органы СССР должны направить на работу против Германии, Японии и Италии, усиление разведывательной деятельности в Англии, США и Турции; активизацию деятельности резидентур под прикрытием официальных представительств; внедрение в практику направления за рубеж кадровых работников разведывательных органов в составе различных делегаций, комиссий; привлечение к разведывательной работе отдельных советских ученых, писателей, артистов, направляя их за рубеж по линии Академии наук СССР и Союза советских писателей; создание нелегальных резидентур на территории иностранных государств, совершенствование форм их прикрытия, таких как организация торговых фирм, кинотеатров, фотоателье, ресторанов, а также вхождение компаньонами в различные фирмы, предприятия и прочее¹⁸². Главной целью постановления ГКО являлось повышение результативности деятельности зарубежных органов советских разведывательных служб. На его основе ГРУ КА 27 апреля 1943 г. разработало положение «О мероприятиях по улучшению разведывательной работы за рубежом»¹⁸³.

Сведения о противнике, которые в конце 1943 — первой половине 1944 г. добывали разведывательные органы НКО, НКГБ и НК ВМФ, представляли значительный интерес, анализировались в Группе по обобщению сведений о противнике, созданной при Генеральном штабе. На их основе 30 июня 1944 г. был подготовлен доклад для Ставки ВГК «О положении Германии, ее возможностях и вероятных планах ведения войны». В докладе давались оценки состояния военной экономики Германии, ее вооруженных сил и возможностях продолжения войны. В заключение указывалось, что «при всех трудностях своего положения Германия в состоянии продолжить войну в течение второй половины 1944 г.»¹⁸⁴. Прогноз был объективным и полностью подтвердился в 1944 и первой половине 1945 г. Рекомендации Группы по обобщению сведений о противнике способствовали принятию Ставкой ВГК обоснованных решений, которые позволили войскам Красной армии успешно провести стратегическую операцию «Багратион» и целеустремленно действовать в последующем на территории восточноевропейских государств.

В 1943 г. был также принят ряд постановлений, направленных на улучшение обеспечения военной разведки средствами специальной радиосвязи. В частности, 20 октября 1943 г. вышло постановление ГКО «О производстве новой специальной приемо-передающей радиоаппаратуры для партизанских и агентурно-разведывательных связей», в котором указывалось: «В целях удовлетворения в кратчайшие сроки потребности штаба партизанского

движения, НКВД, НКГБ и Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии в специальной приемо-передающей радиоаппаратуре Государственный Комитет Обороны постановляет: обязать НКВД СССР (т. Берия) совместно с Наркомэлектропромом, Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии и Центральным штабом партизанского движения в 15-дневный срок разработать на базе радиостанции «Белка» новую приемо-передающую радиостанцию и в недельный срок провести ее всесторонние испытания. Опытный образец и результаты испытаний представить на утверждение ГКО к 10 ноября 1943 г.»¹⁸⁵. В первом полугодии 1944 г. предусматривалось выпустить 1500 новых приемо-передающих радиостанций, из них 500 штук выделялось Разведуправлению Генштаба, 500 штук — НКВД.

Твердые, целенаправленные усилия Ставки ВГК активизировали в 1944 г. не только информационное, но и оперативное взаимодействие советских разведывательных органов. В частности, в ходе Восточно-Прусской операции (13 января — 25 апреля 1945 г.) руководство деятельностью разведформирований и диверсионных групп за линией фронта активно осуществляли: 2-й отдел Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, 4-е управление НКГБ СССР и Разведывательный отдел Центрального штаба партизанского движения. Выполняя указания Ставки ВГК, в тыл противника было заброшено 237 различных специальных разведформирований в составе 2500 человек, которые своими самоотверженными действиями способствовали успеху операции¹⁸⁶.

Важной особенностью управления Ставкой ВГК советскими разведывательными службами в третьем периоде войны являлось сосредоточение лучших сил и возможностей разведки НКО и НКГБ на главных направлениях, от которых зависел не только исход войны с гитлеровской Германией, но и решение сложных послевоенных проблем, связанных с укреплением безопасности СССР. Именно этим было продиктовано проведение в феврале 1944 г. специального совещания руководителей ГРУ и внешней разведки НКГБ. По указанию председателя ГКО И. В. Сталина это совещание проводил нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия¹⁸⁷. В его работе приняли участие начальник ГРУ Красной армии генерал И. И. Ильичёв и начальник 1-го Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга П. М. Фитин.

На совещании было принято решение об объединении усилий двух разведывательных служб для добывания сведений об англо-американском атомном проекте. Выполняя эти указания, разведывательные органы НКГБ и НКО в 1944–1945 гг. добыли значительное количество сведений, связанных с технологией производства атомной бомбы. Эти материалы позволили советским ученым, работой которых руководил И. В. Курчатов, сократить сроки проведения научно-исследовательских работ, избежать значительных финансовых и материальных расходов и ускорить процесс создания отечественной атомной бомбы.

Военная разведка привлекалась Ставкой ВГК и для добывания сведений о подготовке правительственных делегаций США и Великобритании к трехсторонним конференциям в Тегеране (1943), Крыму (1945) и Потсдаме (1945). Военные разведчики обеспечили советское руководство достоверными сведениями о позициях американской и английской делегаций на этих конференциях по широкому кругу вопросов.

По указанию Ставки ВГК военные разведчики в 1944 г. забрасывались в тыл противника и действовали на территорию Польши, Болгарии, Чехословакии, Югославии, оказывали помощь участникам движения Сопротивления. В частности, в Варшаву, где в августе 1944 г. неожиданно для советского руководства вспыхнуло восстание, был заброшен военный разведчик И. А. Колос. Он должен был координировать действия восставших поляков и командования 1-го Белорусского фронта. Благодаря усилиям И. А. Колоса восставшим было переброшено значительное количество оружия, боеприпасов, медикаментов. Для оказания помощи чешским партизанам в Чехию был заброшен военный разведчик майор А. В. Фомин. Координацию действий войск 1-го Украинского фронта и словацких партизан осуществлял майор И. И. Скрипка. В Югославии активно действовал глава советской

военной миссии генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, военные разведчики Н. К. Патрахальцев и И. П. Рыбаченков¹⁸⁸.

В годы войны Ставка ВГК уделяла большое внимание развитию сотрудничества в военной области с государствами — членами антигитлеровской коалиции. Созданная в 1941—1942 гг. нормативно-правовая база этого военного сотрудничества позволила определить направления взаимодействия советской разведки с разведками США, Великобритании, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Чехословакии и Югославии. Решения, определявшие способы и формы этого взаимодействия, утверждал Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. Основная ответственность за организацию и осуществление этого сотрудничества была возложена на офицеров стратегической разведки Наркомата обороны. В частности, в Лондоне взаимодействие с представителями военных разведок стран, входивших в состав антигитлеровской коалиции, осуществлял полковник А. Ф. Сизов. В целом в годы войны сотрудники ГРУ добились положительных результатов в области взаимодействия с военными разведчиками стран антигитлеровской коалиции и получили от них значительное количество полезных сведений о противнике.

Сотрудничество строилось на бескорыстной основе, в основном путем обмена обезличенными разведывательными сведениями о Германии, ее вооруженных силах и возможностях ведения войны. Каждая из разведывательных служб в ходе этого взаимодействия преследовала свои прагматические цели, однако общие результаты были полезны всем. Наиболее важные сведения военного и военно-политического характера, передававшиеся представителями военных разведок союзников, начальник ГРУ докладывал Верховному главнокомандующему, что способствовало разработке комплексных оценок возможностей и планов противника и ускорило достижение победы над гитлеровской Германией. После войны взаимодействие военных разведок США, Великобритании и некоторых других государств с советской военной разведкой было прекращено.

Таким образом, стратегическое руководство военной разведкой накануне и в период Великой Отечественной войны являлось одним из важнейших и сложнейших направлений деятельности военно-политического руководства страны. В годы войны данное направление деятельности было усилено за счет назначения на ответственные должности авторитетных политических работников, которые опирались на профессиональные кадры разведчиков. В действиях органов государственной власти в области управления военной разведкой были просчеты и ошибки. Война заставила военно-политическое руководство СССР в значительной степени изменить отношение к военной разведке, улучшить ее материально-техническое и финансовое обеспечение. Усиливая политический контроль над деятельностью военной разведки, создавая максимальные условия для ее развития, ГКО и Ставка ВГК в 1943—1945 гг. активно использовали разведывательные сведения в ходе принятия решений, важных для планирования и организации боевых действий войск Красной армии против Германии и поддержания взаимовыгодных отношений с США и Великобританией.

В 1943—1945 гг. политическое руководство СССР, используя опыт деятельности разведки, накопленный в первом периоде войны, целенаправленно добивалось совершенствования организационной структуры военной разведки, развивало систему подготовки ее кадров. Возросшее доверие руководства государства к разведывательным органам и к их информации, моральное и материальное стимулирование военных разведчиков способствовали активизации их деятельности. Выполняя задания командования, военные разведчики добились значительных результатов в добычании ценных сведений о противнике. Ставкой ВГК было организовано эффективное взаимодействие разведывательных органов НКО, НКГБ и НК ВМФ, которое в годы войны в целом осуществлялось успешно и по многим направлениям. Военно-политическое руководство СССР одобрило усилия военной разведки по развитию взаимодействия с военными разведками стран антигитлеровской коалиции, создавало нормативно-правовую базу и определяло основные направления этого взаимодействия.

В целом советская разведка в 1941–1945 гг. обеспечивала военно-политическое руководство СССР, Генеральный штаб и командование Красной армии сведениями, необходимыми для разработки планов стратегических оборонительных и наступательных операций, эффективного управления войсками, успешного ведения переговоров с руководителями США и Великобритании и разработки новых видов оружия и военной техники.

Использование советским руководством средств военной дипломатии в области военно-политического и военно-технического сотрудничества

Осуществляя внешнюю политику, советское стратегическое руководство не стесняло себя формальными рамками и использовало в интересах дипломатии все возможные государственные и общественные структуры. Значительная роль при этом отводилась военной дипломатии.

Выше уже упоминалось о деятельности советской военной миссии в США и Великобритании под руководством заместителя начальника Генерального штаба Красной армии, начальника Разведуправления РККА генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова. Миссия была образована, что называется, по временной схеме для установления первых рабочих контактов с политическими и военными руководителями будущих союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Однако такая форма ведения дипломатических дел оказалась весьма эффективной, поэтому работа миссий была переведена на постоянную основу.

Кроме Великобритании (в США после убийства генерала Ф. И. Голикова специальная миссия не создавалась, и вопросы взаимодействия с американцами по военной линии решались аппаратом военного атташе полковника И. М. Сараева) аналогичные миссии были созданы: в октябре 1944 г. — во Франции, к концу войны — при Верховном штабе Народно-освободительной армии Югославии, при штабе командующего Средиземноморскими экспедиционными войсками союзников, а на завершающем этапе Второй мировой войны — при командующем американским флотом на Тихом океане (в виде военной группы связи).

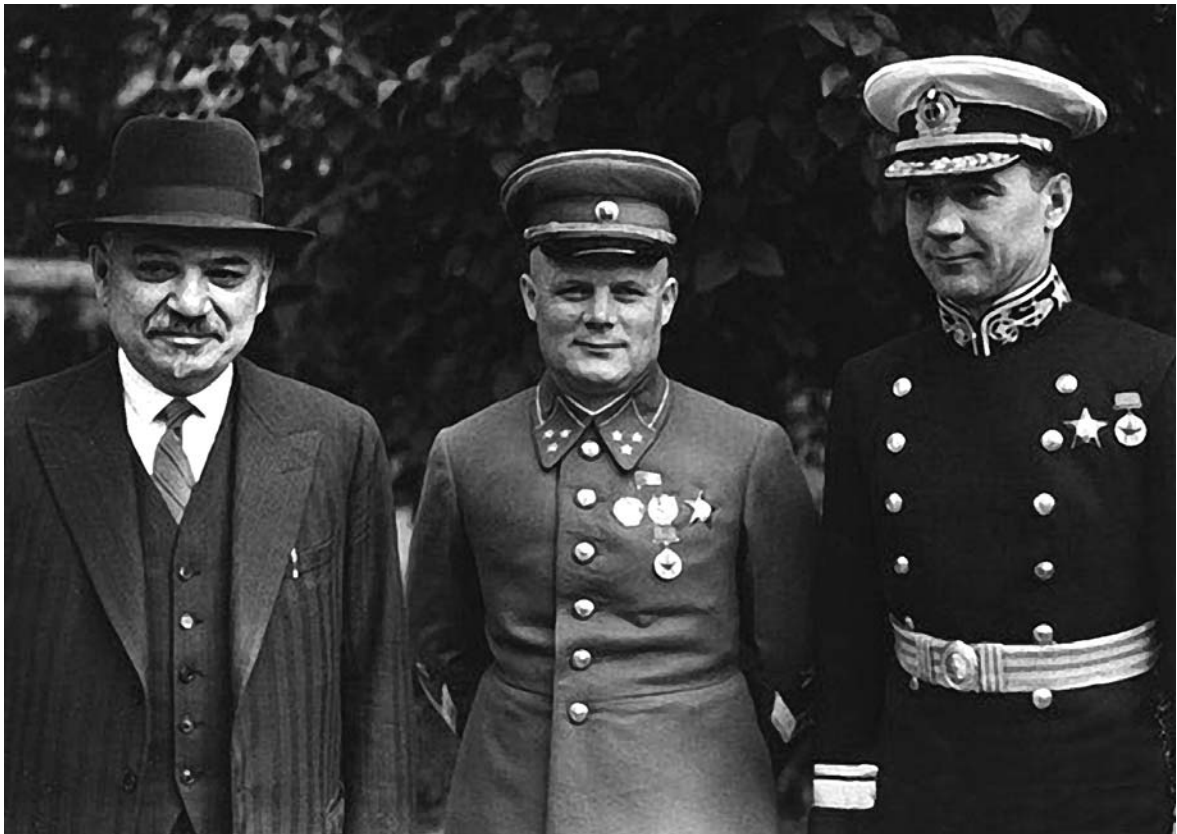
Военные миссии не подчинялись послам в стране пребывания, а только взаимодействовали с аппаратами посольств. Они находились в подчинении Генерального штаба Вооруженных сил СССР, а через него — Ставки ВГК. Для непосредственного руководства деятельностью советских военных миссий в странах антигитлеровской коалиции, работой военных атташе, а также поддержания контактов с союзными военными миссиями в Москве, в составе Генштаба приказом народного комиссара обороны СССР № 318 от 23 сентября 1944 г. было сформировано Управление спецзаданий во главе с генерал-майором Н. В. Славиным¹⁸⁹. Высокую оценку военно-дипломатической деятельности Н. В. Славина дал генерал армии С. М. Штеменко: «Очень тонкую работу по поддержанию контактов с Наркоматом иностранных дел и по связям Генштаба с союзниками вел со своим немногочисленным, но очень квалифицированным аппаратом скромнейший, кристальной души человек генерал-лейтенант (с 4 мая 1945 г. — *Прим. ред.*) Н. В. Славин¹⁹⁰. Он являлся в то время неизменным участником переговоров с военными представителями США и Англии, а также с главами союзных держав, присутствовал на многих международных конференциях»¹⁹¹.

Сотрудники военных миссий решали большой объем важных военно-политических задач, содействовали развитию сотрудничества с союзниками в военно-экономической сфере, поддерживали контакты с командованием союзных войск по координации действий войск Красной армии и союзников на различных театрах военных действий.

В Лондоне обязанности главы военной и военно-морской миссии исполнял контр-адмирал Н. М. Харламов (в должности утвержден лишь в июне 1943 г.), который одновременно был и военно-морским атташе. На миссию возлагались следующие задачи: ведение переговоров с союзниками об открытии второго фронта в Европе, организация британских

Н. В. Славин

Посол СССР в Великобритании И. М. Майский, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков и контр-адмирал Н.М. Харламов в Лондоне. 1941 г.

поставок в Советский Союз, содействие проводке союзных конвоев с грузами из британских в советские северные порты. Миссия тесно взаимодействовала с советским посольством, а также со специальным посольством, учрежденным советским правительством в Лондоне для поддержания контактов с эмигрантскими правительствами оккупированных вермахтом стран, во главе с послом А. Е. Богомоловым.

Когда в мае 1942 г. в Лондон прибыл В. М. Молотов, адмирал Н. М. Харламов был в числе лиц, обеспечивавших успешные переговоры наркома иностранных дел СССР с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Переговоры завершились подписанием договора о союзе в войне против нацистской Германии и ее сообщников в Европе и сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Договор заменил советско-британское соглашение от 12 июля 1941 г., и взаимное обязательство сторон «оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе», опиралось теперь на куда более серьезную, чем ранее, договорно-правовую основу¹⁹².

Важную роль Н. М. Харламов и возглавляемая им миссия сыграли в обеспечении бесперебойного движения союзных конвоев. Много усилий военных дипломатов потребовалось, например, для возобновления северных конвойных операций, приостановленных англичанами после разгрома (к слову, по их вине) конвоя PQ-17 в июне 1942 г. В 1943 г. Н. М. Харламову пришлось обеспечивать транзит через Панамский канал пяти советских подводных лодок из Владивостока на Северный флот с их временным базированием на Британских островах, которое потребовалось для установки нового гидроакустического и радиолокационного оборудования. Советская военная миссия обеспечивала также переброску из Америки через британские порты на Северный флот нескольких десятков тральщиков и больших охотников за подводными лодками, а также приемку английских и американских кораблей, полученных советским ВМФ в счет раздела итальянского флота вследствие капитуляции Италии.

Значение деятельности Н. М. Харламова и его миссии в Лондоне подчеркивает факт его двукратного приема в 1943 г. И. В. Сталиным, а также присвоение ему воинского звания вице-адмирала. С одобрения Верховного главнокомандующего была расширена правовая основа для работы военной миссии в Лондоне и расширения прямых контактов с американскими военными, каковым противилась британская сторона. Структуре, которую возглавлял Н. М. Харламов, был придан статус миссии при Генеральном штабе Великобритании и англо-американских войсках на Европейском театре войны. Прямым следствием такой меры стало приглашение, поступившее ему от комитета начальников штабов, лично присутствовать при высадке союзных экспедиционных сил на севере Франции. 6 июня 1944 г., с началом операции «Оверлорд», на одном из британских военных кораблей контр-адмирал Н. М. Харламов принял участие в форсировании Ла-Манша в районе Нормандии и лично присутствовал при высадке англо-американских войск на французское побережье¹⁹³. В ноябре 1944 г. Н. М. Харламова в руководстве военной миссией в Лондоне сменил советский военный представитель при войсках союзников в Италии генерал-лейтенант А. Ф. Васильев. Миссия функционировала до октября 1945 г.

Важную роль, несмотря на сравнительную непродолжительность деятельности, сыграла созданная в октябре 1944 г. военная миссия во Франции. Ее начальник генерал-майор артиллерии И. А. Сулопаров еще до войны был военным атташе при полпредстве СССР во Франции. В годы Великой Отечественной войны он являлся начальником штаба Главного управления начальника артиллерии Красной армии, заместителем командующего артиллерией 16-й армии, командующим артиллерией 10-й армии¹⁹⁴, а с июля 1944 г. вновь перешел на военно-дипломатическую работу — был представителем СССР в Контрольной комиссии по делам Италии, Франции. Возглавив военную миссию во Франции, одновременно стал советским военным представителем при штабе главнокомандующего экспедиционными войсками США и Великобритании генерала армии США Д. Эйзенхауэра. На долю генерала И. А. Сулопарова выпало поддержание постоянной связи с командованием союзников, чьи войска после открытия второго фронта вели боевые действия на территории Западной и Центральной Европы.

А. Ф. Васильев

Именно ему в условиях острого дефицита времени пришлось без согласования с Москвой принять решение об участии в церемонии подписания в штабе союзных войск в Реймсе 7 мая 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции всех сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, находившихся к тому моменту под германским контролем. Однако фактически капитулировали только войска вермахта, воевавшие против англо-американцев, на востоке же немцы оружие складывать не собирались.

Советское Верховное главнокомандование в телеграмме, направленной И. А. Сулопарову уже после подписания акта, отказало главе советской военной миссии в таком праве, хотя он и добился примечания к документу, в котором указывалось, что «данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство»¹⁹⁵. Причем Д. Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием И. А. Сулопарова согласились.

И. В. Сталин сумел настоять перед главами США и Великобритании на том, чтобы церемония в Реймсе считалась предварительной, а Акт о безоговорочной капитуляции вермахта перед всеми членами антигитлеровской коалиции был подписан в Берлине. Как вспоминал С. М. Штеменко, И. В. Сталин заявил на совещании с членами советского руководства: «Договор, подписанный союзниками в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции»¹⁹⁶. В то же время тот факт, что И. А. Сулопаров не был наказан за свое кажущееся самоуправство, позволяет сделать вывод, что его действия были негласно одобрены в Москве, поскольку не позволили союзникам оставить СССР за рамками акции в Реймсе.

Начиная с января 1944 г., советская военная миссия действовала и в Югославии. Коллектив, возглавляемый генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым, осуществлял координацию действий с Народно-освободительной армией Югославии и поддержание постоянной связи с ее командованием. Руководителю миссии была подчинена сформированная в Бари (Италия) авиагруппа для выполнения специальных заданий по транспортировке грузов,

эвакуации раненых и обеспечению связи с НОАЮ. Благодаря оперативным действиям миссии в начале июня была решена задача большой сложности по эвакуации из района Купрешко Поле на остров Вис в Адриатическом море И. Броз Тито и членов Верховного штаба НОАЮ. В сентябре 1944 г. Верховный штаб был также переброшен на советских самолетах в г. Крайова у румынско-югославской границы, откуда он мог осуществлять руководство боевыми действиями югославской армии по участию в освобождении страны от гитлеровских оккупантов. Советская военная миссия в Югославии сыграла большую роль в координации боевых действий советских, югославских и болгарских войск.

Советская военная миссия в Югославии теснейшим образом сотрудничала с еще одной миссией — при штабе командующего Средиземноморскими экспедиционными войсками союзников, которой руководил генерал-майор А. П. Кисленко. На офицеров этой миссии была возложена организация взаимодействия с войсками союзников на театре военных действий. А. П. Кисленко являлся также представителем советского правительства в Союзном консультативном совете по делам Италии (1944—1945), присутствовал при подписании Акта о капитуляции 28 апреля 1945 г. немецкого командования в Италии¹⁹⁷.

Нельзя не упомянуть и о деятельности представителя Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе американского генерала Д. Макартура генерал-лейтенанта К. Н. Деревянко, хотя формально советская военная миссия здесь и не создавалась, учитывая скоротечность событий по разгрому Японии. Однако по факту генерал К. Н. Деревянко был полноправным проводником внешне- и военно-политической линии Советского Союза на Дальневосточном театре военных действий. Не случайно он был назначен членом Союзного совета для Японии от СССР. Именно ему было поручено представлять Верховное главнокомандование Вооруженных сил СССР на церемонии подписания 2 сентября 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Японии. К. Н. Деревянко принадлежит и особая роль в подготовке для руководства СССР доклада о результатах и последствиях американских атомных бомбардировок японских городов, для чего он по личному поручению И. В. Сталина выезжал в Хиросиму и Нагасаки. Полученное им значительное облучение стало причиной его кончины в 1954 г. на 50-м году жизни.

Оценивая деятельность советских военных миссий в годы войны, следует отметить, что хотя все страны антигитлеровской коалиции прибегали к практике создания таких миссий, но, по ряду оценок, лишь советские миссии в наибольшей степени показали свою эффективность в осуществлении «коалиционных дел»¹⁹⁸.

Разумеется, в процессе организации международного военного сотрудничества советским руководством были созданы не только действующие на определенный период времени военные миссии, но и работающие на постоянной основе аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе, которые являлись официальными представителями Вооруженных сил СССР при военных ведомствах стран пребывания. К началу Великой Отечественной войны Советский Союз имел 14 аппаратов военных, семь аппаратов военно-морских и три аппарата военно-воздушных атташе, которые в основном действовали на территории европейских государств. С началом войны прекратили свою деятельность аппараты в Германии, Финляндии, Венгрии, Италии и Румынии. Продолжили работу аппараты военных атташе при советских постпредствах в Афганистане, Болгарии, Великобритании, Иране, Ираке, Китае, США, Швеции и Японии. Новые аппараты были созданы в Канаде, Мексике и Аргентине. В Лондоне к уже имевшемуся аппарату при посольстве СССР добавился еще один — при иностранных представительствах временно находившихся в Великобритании правительств Югославии, Чехословакии и Польши¹⁹⁹.

Советское руководство с самого начала войны настойчиво ставило перед союзниками вопрос об укреплении военного сотрудничества и развертывании их войсками военных операций в Западной Европе. В июле — октябре 1941 г. внешнеполитические ведомства СССР, США и Великобритании приступили к поиску путей организации международного военного сотрудничества. Аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе также были подключены к решению этой важной и новой для них задачи. Первые переговоры о

К. Н. Деревянко

возможных перспективах и направлениях военного и военно-экономического сотрудничества начались в конце июня 1941 г., когда в Москву прибыла английская военная и экономическая миссия во главе с послом С. Криппсом. В состав делегации входили генерал М. Макфарлейн и контр-адмирал Дж. Майлс²⁰⁰.

Встречались члены британской военной миссии не только с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, но и с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, при этом обсуждались проблемы безопасности северных морских коммуникаций, а также были достигнуты соглашения об обмене военно-технической информацией по электромагнитным минам и достижениям в области радиолокации. В ходе встреч В. М. Молотова и Н. Г. Кузнецова с британским послом С. Криппсом сформировалась идея обмена между СССР и Великобританией военными миссиями, которым предстояло уже в ближайшем будущем решать все вопросы советско-британского сотрудничества в военной области. Советская сторона считала, что главная задача военных миссий должна была состоять в содействии усилиям правительств двух государств, направленным на взаимодействие в военной области и создание предпосылок, которые могли бы способствовать активизации боевых действий союзников в Западной Европе и скорейшему открытию ими второго фронта²⁰¹.

В первой половине сентября 1941 г., накануне операции «Тайфун», предпринятой вермахтом по захвату Москвы, И. В. Сталин в двух личных посланиях У. Черчиллю высказал настоятельное пожелание более активного вмешательства его страны в военное противоборство с Германией. С точки зрения советского руководителя реальным было срочное открытие Великобританией второго фронта во Франции или на Балканах, что заставило бы командование вермахта перебросить с восточного фронта на западный не менее 30–40 дивизий и тем самым серьезно ослабить давление на войска Красной армии. Как вариант И. В. Сталин предлагал осуществить переброску 25–30 английских дивизий на территорию Советского Союза для использования их на советско-германском фронте. Однако британский премьер уклонился от обсуждения вопроса о втором фронте, пообещав лишь направить в СССР дополнительную материальную помощь²⁰².

Проволочки с открытием второго фронта продолжались и далее. В то же время военное сотрудничество с СССР было жизненно важно для самих западных государств, что по ходу войны становилось все более очевидным. Так, 23 января 1943 г. на третьем пленарном заседании союзной конференции в Касабланке У. Черчилль заявил, что необходимо «проталкивать помощь России», поскольку «ни одно другое капиталовложение не может принести более высокий военный дивиденд»²⁰³. В Вашингтоне вообще утвердилось мнение, что Соединенные Штаты нуждались в СССР больше, чем Советский Союз в своих западных партнерах. В документе, подготовленном американскими правительственными учреждениями для Ф. Рузвельта накануне Крымской конференции, говорилось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»²⁰⁴.

Объективная потребность как СССР, так и США и Великобритании в интенсивном военном сотрудничестве заставила их пойти на выработку механизма принятия и реализации совместных решений по борьбе с военной машиной противостоящего нацистского блока. Наиболее важные вопросы военного сотрудничества, как уже говорилось выше, рассматривались на конференциях большой тройки при участии представителей высших военных штабов. Взаимная информация о военных действиях шла через аппараты военных, военно-морских и военно-воздушных атташе, военные миссии стран коалиции и путем обмена телеграммами между главами государств-союзников, генеральными (главными) штабами и другими органами высшего военного командования. Руководство двусторонним и многосторонним военным сотрудничеством осуществлялось путем выработки и реализации согласованных подходов к вопросам военной политики, координации совместных усилий по совершенствованию международного военного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе при учете общих приоритетов сотрудничающих государств и их национальных интересов.

В рамках антигитлеровской коалиции не было создано постоянно действующего органа руководства военным сотрудничеством, поэтому координация военной деятельности СССР, США и Великобритании осуществлялась прежде всего их национальными органами политического руководства. Активное участие в организации международного военного сотрудничества принимал Народный комиссариат иностранных дел, который действовал через свои дипломатические представительства за рубежом. Рабочими органами ГКО по военным вопросам и непосредственными организаторами и исполнителями его решений были Наркомат обороны и Наркомат Военно-морского флота, которые решали задачи международного военного сотрудничества соответственно через Генеральный штаб и Главный морской штаб. Информационное и техническое обеспечение всей системы руководства военным сотрудничеством осуществляли наркоматы внутренних дел и государственной безопасности.

Одной из ответственных задач Генерального штаба и Главного морского штаба являлась подготовка предложений, докладов и материалов по всем военным вопросам, обсуждавшимся на правительственных встречах и международных конференциях государств антигитлеровской коалиции, а также по вопросам боевого использования иностранных формирований, действовавших совместно с Вооруженными силами Советского Союза. Через Генеральный штаб и Главный морской штаб с помощью аппаратов военных, военно-морских и военно-воздушных атташе и военных миссий устанавливалась связь со стратегическим руководством стран — союзниц по антигитлеровской коалиции и штабами их вооруженных сил, осуществлялось взаимодействие между ними и координация их действий.

На заключительном этапе Второй мировой войны взаимодействие между Ставкой Верховного главнокомандования и Генеральным штабом Красной армии с одной стороны и Верховным командованием союзных вооруженных сил в Европе с другой приобрело реальные очертания. В самом конце войны оно осуществлялось даже на оперативно-тактическом уровне, когда советские и союзные войска вошли в соприкосновение на линии разграничения зон ответственности.

Общее руководство военно-политическим, экономическим и военно-техническим сотрудничеством с союзниками осуществлялось ГКО через систему органов государственного

и военного управления. Благодаря четко выстроенной системе управления в этой сфере Советскому Союзу удалось наладить довольно эффективное сотрудничество с союзниками по обеспечению материальных потребностей армии и флота, в том числе связанному с поставками вооружения и военной техники, а также выполнением работ и оказанием услуг военно-технического назначения.

В связи с тем что в ноябре 1941 г. США распространили действие закона о ленд-лизе на СССР, наша страна была освобождена от оплаты за всю военную технику и стратегические материалы, поставленные из США и использованные (уничтоженные) во время войны. Однако материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачивались полностью или частично в порядке долгосрочных кредитов. Следует отметить, что союзные поставки распределялись по годам войны очень неравномерно. В 1941–1942 гг. США постоянно не выполняли взятые на себя обязательства по объему, номенклатуре и комплектации поставок. Положение нормализовалось лишь со второй половины 1943 г.

В послевоенный период в советской историографии давались различные оценки роли ленд-лиза, а значимость поставок со стороны союзников преуменьшалась. В то же время в зарубежной литературе утверждалось, что победа над Германией была обеспечена западным оружием и без ленд-лиза Советский Союз не устоял бы. Сегодня оценки военно-экономического и военно-технического сотрудничества СССР, США и Великобритании стали более взвешенными. В среде историков утвердился взгляд, заключающийся в том, что поставки по ряду позиций (самолеты, грузовые автомобили, порох, листовая сталь, продовольствие, промышленное оборудование, медикаменты) имели большое значение для ведения Вооруженными силами СССР успешных военных действий и производства для них военной техники и боеприпасов. В то же время не следует рассматривать ленд-лиз как улицу с односторонним движением, акт бескорыстия и благотворительности со стороны западных государств. Получая значительные поставки от союзников, Советский Союз нес при этом основное бремя войны, отвлекая на себя подавляющую часть сил нацистской Германии, а в 1945 г. и Японии и тем самым сокращая расходы и потери со стороны своих союзников.

Всего за годы войны в Советский Союз было поставлено по ленд-лизу около 17 млн тонн грузов на общую сумму 13,2 млрд долларов (из США, Великобритании и Канады), в том числе: свыше 22 тыс. самолетов различных типов, 11,9 тыс. танков, 13 тыс. орудий и минометов, 410 тыс. автомобилей, 8,7 тыс. артиллерийских тракторов-тягачей, 596 боевых кораблей и судов, 11 тыс. вагонов, около 2 тыс. паровозов, 36 тыс. радиостанций, 345 тыс. тонн горюче-смазочных материалов и взрывчатых веществ, 4,7 млн тонн продовольствия, другое вооружение и стратегические материалы²⁰⁵.

Напомним, при обсуждении маршрутов поставок американского вооружения в СССР личный представитель президента США Г. Гопкинс во время беседы с И. В. Сталиным 30 июля 1941 г. заявил, что «в настоящий момент миноносцы США эскортируют корабли до Исландии и что в сотрудничестве с советским Военно-морским флотом корабли могли бы эскортироваться и охраняться на их пути вплоть до самого Архангельска». Далее он пояснил, что «обе стороны совместно могут разработать схему конвоя для обеспечения безопасности перевозок вооружения по пути из США в Архангельск»²⁰⁶. От имени советского правительства И. В. Сталин ответил, что «приветствовал бы такое разрешение проблемы транспортировки вооружения». При этом он подчеркнул, что «перевозка товаров через Владивосток отнимает очень много времени, а Трансиранская дорога обладает малой пропускной способностью и не может удовлетворить потребности Советского Союза. Кроме того, неизвестно, как еще иранцы отнесутся к транспортировке через их территорию вооружения»²⁰⁷.

Непосредственное руководство поставками военной техники и вооружения осуществлялось различными органами в зависимости от маршрутов транспортировки грузов. Основными маршрутами доставки грузов в Советский Союз (по согласованию с союзниками) стали: Арктический, Тихоокеанский, Трансиранский. Они обеспечили 93,5% объема общих поставок²⁰⁸. Самым коротким по времени (но и самым опасным) маршрутом был Арктический,

осуществлявшийся морскими конвоями и одиночными транспортом. Морская часть пути от восточного побережья США до Мурманска занимала около двух недель. В июле — декабре 1941 г. 40% всех поставок шло именно этим маршрутом, однако около 15% отправленных грузов из-за ударов немецкой авиации и флота было утрачено²⁰⁹. Грузы, доставляемые северными конвоями, шли также через Архангельск и Молотовск (Северодвинск). Перевалка товаров с морских судов, их последующая транспортировка, развитие инфраструктуры портов (расширение причального фронта, ускорение погрузо-разгрузочных работ, охрана товаров, организация отдыха моряков и прочее) шли под непосредственным руководством и контролем уполномоченного ГКО известного полярника И. Д. Папанина.

В связи с увеличением потерь судов и кораблей охранения У. Черчилль в своей телеграмме И. В. Сталину от 11 мая 1942 г. в целях обеспечения безопасности прохода северных конвоев предложил следующий вариант действий Вооруженных сил СССР:

- «а) усиленная и более решительная помощь со стороны надводных сил СССР;
- б) предоставление бомбардировщиков с радиусом действий, достаточным для того, чтобы подвергать сильным бомбардировкам во время прохождения конвоев в зонах Нордкапа аэродромы, используемые немцами;
- в) выделение истребителей дальнего действия для прикрытия конвоев в той части пути, когда они приближаются к вашим берегам;
- г) авиационные и судовые патрули против подводных лодок»²¹⁰.

Советская сторона не только приняла эти предложения, но и максимально реализовала их на практике, что позволило значительно уменьшить потери в составе северных конвоев.

Согласование действий по обеспечению безопасности при проводке конвоев шло по всем маршрутам. 17 июня 1942 г. американский посол в Москве У. Стэндли передал И. В. Сталину послание президента Ф. Рузвельта, в котором говорилось, что ситуация, складывающаяся в северном районе Тихого океана, а также в районе Аляски, не исключает возможности операций японского правительства против советского Приморья. «Если подобное нападение осуществится, — говорилось в послании, — то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири. Конечно, чтобы быстрее осуществить подобную операцию, необходимо было бы тщательно координировать усилия Советского Союза и Соединенных Штатов»²¹¹. В послании делалась ссылка на полученное Ф. Рузвельтом от советского посла в Вашингтоне М. М. Литвинова уведомление о том, что советское правительство согласно на переброску американских самолетов через Аляску и Северную Сибирь на Западный фронт. Выразив удовлетворение по этому поводу, Ф. Рузвельт вновь вернулся к вопросу о возможном нападении Японии на советское Приморье и подчеркнул, что военные силы обеих стран должны быть готовы к возникновению этой новой опасности на Тихом океане.

1 июля 1942 г. В. М. Молотов, ссылаясь на поручение И. В. Сталина, направил через У. Стэндли письмо для передачи президенту США. В нем говорилось, что советское правительство полностью разделяет мнение относительно необходимости создания воздушного маршрута для поставок самолетов из США через Аляску и Сибирь на Западный фронт. В связи с этим оно уже дало необходимые распоряжения относительно скорейшего окончания работ по переоборудованию имеющихся посадочных площадок и реорганизации аэродромных служб для приема американских самолетов²¹².

Главный морской штаб совместно с представителями ВМС Англии разработал основы взаимодействия английских и советских кораблей в северных водах. Созданный по решению ГКО аппарат ВМФ СССР в США, Англии и Иране поддерживал постоянные контакты с британским Адмиралтейством и Управлением военного судоходства США по вопросам организации и защиты союзных конвоев.

Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу, был относительно (хотя далеко не полностью) безопасным. С началом войны на Тихом океане 7 декабря 1941 г. перевозки здесь могли обеспечиваться лишь советскими моряками, а тор-

гово-транспортные суда ходили только под советским флагом. Все незамерзающие проливы контролировались Японией, и советские суда подвергались принудительному досмотру, а иногда и топились. Морская часть пути от западного побережья США до дальневосточных портов СССР занимала 18–20 суток.

Первые поставки в СССР по Трансиранскому маршруту начались в ноябре 1941 г. Чтобы увеличить объемы поставок, требовалось провести масштабную модернизацию транспортной системы Ирана, в частности портов в Персидском заливе и Трансиранской железной дороги. С этой целью совместным решением лидеров СССР и Великобритании в августе 1941 г. Иран был оккупирован. С мая 1942 г. поставки составляли в среднем 80–90 тыс. тонн в месяц, а во второй половине 1943 г. — до 200 тыс. тонн в месяц. Морская часть пути от восточного побережья США до берегов Ирана занимала около 75 дней. Специально для обеспечения поставок в Иране было построено несколько автомобильных сборочных заводов, самые крупные — в Андимешке и в Хорремшехре. Всего за годы войны с иранских предприятий в СССР было отправлено 184 112 автомобилей. Автомобили перегонялись по следующим маршрутам: Тегеран — Ашхабад, Тегеран — Астара — Баку, Джульфа — Орджоникидзе.

Одним из звеньев механизма управления на Трансиранском маршруте являлось объединение «Ирансовтранс», основанное в 1935 г. в целях организации транспортных операций в так называемом Персидском коридоре. Этот маршрут поставок материалов, техники и вооружения начал функционировать в 1943 г., когда союзники почти свернули движение по северному маршруту ввиду его исключительной опасности. Доля поставок по Персидскому коридору достигла 33,5%. К 1943 г. объединение «Ирансовтранс» структурно изменилось ввиду образования новых отделов, служб, периферийных контор, агентств и получило наименование Советское транспортное управление (СТУ). Его персонал насчитывал 1500 человек, из них половина были гражданами СССР. Многие подразделения возглавляли офицеры РККА, специалисты по эксплуатации самолетов и автомобилей, железных и шоссейных дорог, хранению боеприпасов и горюче-смазочных материалов, в сфере снабжения и прочие. Деятельностью СТУ в Иране руководило командование тыла Красной армии. На территории СССР в перевозку грузов включились тыловые части Закавказского, Северо-Кавказского и Туркестанского военных округов, Каспийская военная флотилия, Каспийское пароходство, порты Баку, Красноводска, Махачкалы, Закавказская и Ашхабадская железные дороги, многие автомагистрали.

Что касается двух воздушных маршрутов ленд-лиза, то по одному из них самолеты своим ходом поступали в СССР из США через Южную Атлантику, Африку и Персидский залив, по другому — через Аляску, Чукотку и Сибирь. По второму маршруту, известному под названием «Алсиб» («Аляска — Сибирь»), было переброшено 7925 самолетов²¹³.

Таким образом, своими несомненными успехами в годы Великой Отечественной войны внешняя политика СССР обязана в том числе и системе управления, которая сложилась накануне войны и творчески совершенствовалась по ее ходу. Ее отличали: подчиненность общему порядку государственного управления в СССР и координация действий с другими органами государственной власти и управления; жесткая централизация, сочетаемая с инициативой должностных лиц, отвечавших за конкретный участок деятельности; постоянно растущий профессионализм дипломатических сотрудников; высокая исполнительская дисциплина. Важнейшей отличительной чертой управления деятельностью государства на внешнеполитическом фронте было непосредственное руководство ею со стороны лидера страны И. В. Сталина, который также нередко брал на себя исполнение важнейших дипломатических функций.

Процессу консолидации стран и народов способствовали в первую очередь героическая, самоотверженная борьба советского народа против фашистских захватчиков, победы Вооруженных сил СССР над германским вермахтом и его союзниками. Если до нападения нацистской Германии на Советский Союз противниками фашистского блока были 18 государств, то к концу войны их насчитывалось более 50. Опыт координации усилий СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции в борьбе с общим врагом имеет непреходящее значение для решения и современных международных проблем.

Стратегическое планирование применения вооруженных сил в ходе военных действий

Великая Отечественная война убедительно показала, что вооруженная борьба являлась главной, наиболее решительной формой противоборства государств и коалиций. Именно вооруженная борьба обеспечивала применение военной силы в интересах достижения политических, военно-стратегических, экономических и иных целей, операций, кампаний и победы в войне в целом. Советский Союз внес решающий вклад в разгром основных сил армий гитлеровского блока, обусловив этим полную и безоговорочную капитуляцию Германии.

Вооруженная борьба как основная форма борьбы в войне требовала высокой организации подготовки и применения вооруженных сил, без которой практически невозможно было достичь поставленных целей. Особое место в данной организации отводилось постоянной и целеустремленной деятельности высших военно-политических и государственных органов, направленной на определение наиболее эффективных ее форм и способов действий войск, а одним из ее важнейших направлений являлось стратегическое планирование военных действий. Эта кропотливая, скрупулезная работа осуществлялась ГКО, Ставкой ВГК, Генеральным штабом, наркоматами обороны и ВМФ, СНК СССР, а также другими органами на основе военно-политических целей и задач вооруженной борьбы, определяемых на каждом отрезке времени военно-политическим руководством СССР.

Важное место в этом процессе занимали представители Ставки ВГК. Владея всей полнотой информации о происходящих на советско-германском фронте событиях и обладая высокими военно-профессиональными качествами, боевым и управленческим опытом, пользуясь авторитетом среди командного состава армии и флота, они оказывали непосредственное влияние на выработку стратегических решений Верховного главнокомандования и реализацию замыслов Ставки ВГК. Учитывая, что анализ деятельности института представителей Ставки ВГК дан в специальном разделе, в контексте данного материала авторы объединяют их работу с функционированием Ставки.

В общем виде стратегическое планирование применения вооруженных сил состояло в определении порядка и способов их подготовки, применения и всестороннего обеспечения в войне и включало: оценку возможного хода войны в целом и на отдельных направлениях, определение стратегических целей и задач действующей армии, выработку стратегического замысла, разработку планов кампаний и стратегических операций, а также всех видов обеспечения военных действий и управления ими.

Предметом особой заботы советского руководства в годы войны было непосредственное управление вооруженными силами, которое выражалось в практической организации выполнения принятых решений, обеспечении выгодного соотношения сил на решающих участках советско-германского фронта, своевременном ориентировании командующих войсками фронтов и флотами на дальнейшие действия, гибком реагировании на все изменения военно-политической и стратегической обстановки, создании и целеустремленном использовании стратегических резервов, а также постоянном руководстве видами вооруженных сил и родами войск, организации их взаимодействия на стратегическом и оперативном уровнях.

Изменение условий вооруженной борьбы обуславливало и перестройку системы управления войсками фронтов и силами флотов. При этом совершенствовалась структура полевых управлений фронтов и штабов флотов, повышалась роль штабов и органов управления родами войск, уточнялись их структура и методы работы по управлению подчиненными войсками и силами.

Таким образом, вся работа по совершенствованию стратегического руководства в годы войны была подчинена единой задаче — эффективному планированию военных действий, управлению вооруженными силами в целом, войсками действующих фронтов и силами флотов, умелому применению имеющихся сил и средств для достижения целей операций, кампаний и всей войны.

Непредвиденный для советского руководства катастрофический исход начального периода войны и последовавшие за ним события летне-осенней кампании 1941 г. привели к пересмотру предвоенных взглядов на перспективы войны и планов ведения военных действий. Потребовалось кардинальное совершенствование всей системы стратегического планирования, повышение ее эффективности. С учетом этого Ставка ВГК и Генеральный штаб последовательно переходили от решения отдельных неотложных стратегических задач распорядительным порядком к заблаговременному планированию операций фронтов, затем стратегических операций групп фронтов и, наконец, военных кампаний.

Особое место в стратегическом планировании военных действий заняло планирование военных кампаний как новый этап развития советской военной стратегии. При этом каждая кампания имела свои особенности, отличалась неповторимым характером и своеобразными чертами. Ее цели, содержание и размах зависели от конкретных условий военно-политической и оперативно-стратегической обстановки, поэтому и содержание планирования оборонительных и наступательных кампаний было различным.

Главными целями оборонительных кампаний обычно являлись: измотать и остановить наступающего противника, а затем перейти в контрнаступление и нанести поражение его важнейшим группировкам, вырвать у него стратегическую инициативу. При планировании наступательных кампаний в зависимости от обстановки предусматривалось: удержать стратегическую инициативу, вынудить противника отказаться от наступательной стратегии, разгромить его главные силы на отдельных направлениях, овладеть стратегически важными районами территории, последовательно вывести из войны союзников фашистской Германии, завершить освобождение территории СССР, оказать помощь народам Европы в освобождении их от фашистской оккупации и добиться безоговорочной капитуляции агрессора.

Некоторые особенности имелись и в планировании стратегических операций. При разработке планов стратегических операций в рамках общего плана кампаний Ставка ВГК, учитывая предложения военных советов фронтов, определяла цели операций, ставила конкретные задачи войскам и силам, выделяла им необходимые людские и материальные ресурсы. Детальные планы операций разрабатывались во фронтах, обсуждались и уточнялись в Ставке и только после этого утверждались Верховным главнокомандующим. В случаях самостоятельного планирования стратегических операций командующим войсками действующих фронтов, расписывалось вначале представить собственные соображения, после чего Ставка ВГК, рассмотрев их, увязывала действия фронтов и отдавала соответствующие директивы войскам.

В целом система стратегического руководства и управления Вооруженными силами Советского Союза за годы войны претерпела значительные изменения и приобрела бесценный опыт планирования как военных кампаний, так и стратегических операций. Война подтвердила правильность выработанных в предвоенные годы взглядов на то, что победа над сильным противником в вооруженном противоборстве большого масштаба не может быть достигнута одноразовым стратегическим усилием действующей армии и флота, проведением одной или нескольких, даже очень крупных стратегических операций. К достижению этой цели вооруженные силы шли путем выполнения целого ряда крупномасштабных задач, каждая из которых имела важное политическое и стратегическое значение в общем ходе войны и решалась в рамках одной или даже нескольких военных кампаний.

Всего за время противоборства с фашистской Германией и ее союзниками Вооруженные силы СССР провели восемь кампаний, из которых две (летне-осенние 1941–1942 гг.) были оборонительными и шесть — наступательными, в зависимости от того, какой вид стратегических действий являлся основным в каждой из них. При этом в ходе оборонительных кампаний советские войска проводили и наступательные операции на отдельных направлениях, точно так же как в ходе большинства наступательных кампаний применялась оборона.

По военно-политическому и стратегическому содержанию военные кампании являлись частью войны, определенным ее этапом и представляли собой систему одновременных и последовательных различного рода и масштаба операций вооруженных сил, объединенных

общими военно-политическими и стратегическими целями и единым замыслом. Их планирование являлось одной из наиболее важных и сложных задач Ставки ВГК и Генерального штаба. В ходе войны сформировались достаточно четкие требования, предъявляемые к стратегическому планированию кампаний, функции и порядок работы соответствующих органов управления.

Война показала, что важнейшими требованиями, предъявляемыми к стратегическому планированию военных кампаний, являлись: соответствие их планов политическим целям и экономическим возможностям государства; своевременность разработки, реальность, основанная на полном и объективном учете различных факторов, а также возможностей как своих войск, так и противника; строжайшее соблюдение скрытности всех мероприятий, связанных с планированием и подготовкой военных действий и организация всестороннего взаимодействия группировок войск и сил. В целом в ходе войны эти требования соблюдались, но имели место и отклонения. Наиболее частым явлением был недостаточно взвешенный учет боевых возможностей своих сил и противника, а отсюда — постановка войскам невыполнимых задач.

Постепенно в годы войны у советского Верховного главнокомандования сложился достаточно стройный порядок планирования военных кампаний. Начиналась эта работа в Генеральном штабе, исходя из военно-политической цели и задач вооруженной борьбы, определяемых политическим руководством, а также складывающейся военно-политической и стратегической обстановки на всем советско-германском фронте. Генеральный штаб за 2–3 месяца до начала кампании разрабатывал предложения и производил предварительные расчеты для Ставки ВГК относительно ее общего стратегического замысла (определение способа действий вооруженных сил, направления сосредоточения основных усилий, распределения сил и средств по стратегическим направлениям, состава и порядка создания стратегических группировок войск, их возможных задач, очередности и времени применения, основ взаимодействия и управления), а также материально-технического обеспечения войск, подготовки необходимого количества стратегических резервов и их использования и по другим вопросам²¹⁴. В последующем подготовленные предложения с необходимыми обоснованиями и расчетами докладывались начальником Генерального штаба, как об этом свидетельствует А. М. Василевский, на совещаниях в Ставке ВГК с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО²¹⁵.

После обсуждения и принятия решения Ставкой ВГК в Генеральном штабе с привлечением по необходимости представителей главных и центральных управлений Наркомата обороны, СНК СССР, наркоматов оборонных отраслей промышленности и других центральных органов государственного и военного управления осуществлялось окончательное планирование. При этом детально разрабатывались только планы первых стратегических операций, последующие же намечались в общих чертах, но они, как правило, обеспечивались людскими и материальными ресурсами, часть которых поступала еще при подготовке кампании, а большая часть — в ходе нее. Планировались эти операции уже в процессе военных действий в зависимости от результатов первых операций. Оперативная часть плана военной кампании обычно отрабатывалась на обобщенной карте. Кроме нее готовились развернутые соображения с определением замысла и задач фронтов, расчеты распределения сил и средств, планы развертывания (перегруппировки) войск и резервов, накопления материальных запасов и другие необходимые документы.

Вместе с тем в ходе проведения военных кампаний оперативно-стратегическая обстановка менялась быстро, линия фронта перемещалась в ту или иную сторону, изменялся состав группировок войск и средств сторон, возникали новые задачи, не предусмотренные планом, менялись способы их решения и ведения военных действий. В этих условиях Генеральный штаб был вынужден вносить серьезные коррективы в замыслы и планы кампаний, создавать новые группировки войск для проведения новых операций, поэтому большинство кампаний в ходе войны подразделялось на этапы. Исключением являлись лишь зимняя кампания 1944 г. и кампания на Дальнем Востоке²¹⁶.

Планирование военных действий в оборонительных кампаниях 1941–1942 гг. имело свою специфику в результате вынужденного перехода советских войск к обороне. Так, особенностью летне-осенней кампании 1941 г. являлось то, что она проводилась без четко выраженного плана, так как осуществлялась в тяжелейших условиях, когда инициатива находилась в руках противника, а советские войска под ударами превосходящих сил отходили на значительную глубину. В этой обстановке цели, содержание и замыслы действий войск формировались уже в ходе отражения наступления врага. При этом стратегические операции, как правило, готовились и проводились распорядительным порядком, суть которого заключалась в определении и постановке задач войскам в зависимости от конкретной обстановки.

В данном случае в силу сложившихся обстоятельств советское командование могло наметить лишь общую цель и способ действий вооруженных сил: в упорных оборонительных сражениях, сочетаемых на ряде направлений с частными наступательными операциями и контрударами, измотать и обескровить противника, остановить его продвижение и создать условия для перехода в наступление (контрнаступление). Главные усилия в кампании предполагалось сосредоточить на западном стратегическом направлении. Для достижения этой цели было практически невозможно наметить какие-то определенные временные рамки и рубежи, поскольку на ход и результаты оборонительных действий оказывало влияние большое количество факторов, трудно поддающихся учету.

Отсутствие четко выраженного плана кампании вовсе не означало, что вооруженная борьба в ней осуществлялась стихийно, без направляющего и координирующего действия на ее ход Ставки ВГК и Верховного главнокомандующего. С принятием решения на ведение стратегической обороны Ставкой и Генеральным штабом срочно разрабатывался и настойчиво реализовывался целый комплекс мероприятий, вытекавших из общего замысла. Это выражалось в строительстве оборонительных рубежей на большую глубину с заблаговременным занятием ряда из них войсками; подготовке стратегических резервов и целенаправленном их использовании для восстановления прорванного фронта; усилении группировок войск на важнейших направлениях; согласовании усилий этих группировок и фронтов внутри них, видов вооруженных сил и родов войск с целью отражения ударов противника и разгрома его важнейших группировок; материально-техническом обеспечении армии и флота²¹⁷.

Для того чтобы истощить и остановить мощные ударные группировки вермахта, Ставке ВГК и Генеральному штабу приходилось организовывать и проводить на каждом стратегическом направлении по несколько последовательных по глубине стратегических оборонительных операций. Так, на главном — западном стратегическом направлении летом и осенью 1941 г. последовательно, одна за другой, были проведены оборонительная операция Западного фронта в Белоруссии, Смоленская и Московская оборонительные операции; на северо-западном — оборонительные операции в Прибалтике и Ленинградская; на юго-западном — операция на Западной Украине, Киевская и Донбасско-Ростовская операции. Для достижения целей летне-осенней оборонительной кампании 1942 г. Вооруженные силы Советского Союза в течение 4,5 месяца провели на юго-западном стратегическом направлении Воронежско-Ворошиловградскую, а вслед за ней практически одновременно Сталинградскую и Северо-Кавказскую оборонительные операции.

В ходе оборонительных кампаний усилиями Ставки, Генерального штаба, главнокомандующих направлений, командований фронтов и армий стратегическая оборона непрерывно совершенствовалась: увеличивались глубина оперативного построения группировок войск, их состав и эшелонирование, росло искусство инженерного оборудования местности, повышалась эффективность противотанковой и противовоздушной обороны. Стратегическая оборона становилась все более активной и устойчивой. Изменялись и формы ее ведения. Так, если в начале войны стратегическая оборона велась в форме одновременных самостоятельных фронтовых оборонительных операций, каждая из которых осуществлялась на одном из стратегических направлений (северо-западном, западном и юго-западном), то начиная примерно с середины июля 1941 г. основной формой ее ведения стали оборонительные операции групп фронтов²¹⁸. К проведению таких операций привлекались крупные группировки

вооруженных сил. В их состав в большинстве случаев входили 2–3 фронтовых объединения, силы и средства авиации дальнего действия, войск ПВО страны, а на приморских направлениях и флота. Увеличивался и размах оборонительных действий в кампаниях (таблица 1). Так, если ширина фронта обороны советских войск в 1941 г. составляла 3300–4000 км, то в 1942 г. — 4000–6200 км. Глубина эшелонирования войск в обороне также возрастала: с 40–80 км в 1941 г. до 300 км на Курской дуге в 1943 г.

Особенность планирования летне-осенней оборонительной кампании 1942 г. заключалась в том, что Верховным главнокомандованием было принято решение на переход в целом к стратегической обороне с одновременным развертыванием ряда наступательных операций на трех стратегических направлениях. Накануне летне-осенней кампании 1942 г. Генеральный штаб располагал данными о неспособности немецко-фашистских войск наступать по всему фронту, а наиболее вероятными направлениями вражеских ударов считались юго-западное и южное с целью выхода к Волге и захвата кавказской нефти²¹⁹. Однако предложения Генерального штаба сосредоточить здесь летом 1942 г. основные силы Красной армии не нашли понимания Ставки ВГК, которая считала наиболее вероятным направлением последующих действий противника московское, а возможное его наступление на юге рассматривалось как «имеющее второстепенный характер»²²⁰. На такую позицию Ставки в немалой степени повлияла успешно проведенная немецко-фашистским командованием весной 1942 г. дезинформационная операция «Кремль», создавшая у советского руководства ложное представление о подготовке противником нового крупного наступления на московском направлении (здесь гитлеровцы держали наиболее мощную группировку своих войск — свыше 70 дивизий)²²¹.

Таблица 1

Размах и результаты вооруженной борьбы в оборонительных кампаниях Великой Отечественной войны

Показатели	Летне-осенняя кампания 1941 г. (22.06–04.12.1941)	Летне-осенняя кампания 1942 г. (01.05–18.11.1942)
Силы и средства к началу кампании:		
дивизии (расчетные)	$\frac{171}{191,5}$	$\frac{431,5}{227}$
личный состав, млн чел.	$\frac{2,9}{5,5}$	$\frac{5,1}{6,1}$
орудия и минометы	$\frac{21\ 556}{41\ 763}$	$\frac{44\ 900}{56\ 941}$
танки и САУ (штурмовые орудия)	$\frac{11\ 000}{3582}$	$\frac{3882}{3229}$
самолеты	$\frac{9917}{4275}$	$\frac{2200}{3395}$
Ширина фронта	3300–4000	4000–6200
Ширина фронта активных оборонительных действий, км	2400–3700	800–2400
Глубина отхода советских войск	850–1200	650–1000
Продолжительность кампании	5,5 мес.	6,5 мес.
Всего разгромлено дивизий противника	32,5	25

Примечание: В числителе — советские войска, в знаменателе — войска противника.

В этих условиях Генеральный штаб предложил временно перейти к стратегической обороне с целью ослабить наступательные возможности неприятеля в оборонительных сражениях, сорвать его планы, выиграть время для подготовки стратегических резервов и,

изменив соотношение сил в свою пользу, перейти затем к широким наступательным действиям. Верховный главнокомандующий на заседании Ставки в конце марта 1942 г. в принципе согласился с этим предложением, но в то же время настоял на одновременном с ведением стратегической обороны осуществлении частных наступательных операций на ряде направлений. Эти его указания и легли в основу дальнейшего планирования кампании.

Замысел кампании был разработан на карте оперативного управления Генерального штаба в конце марта 1942 г., а к началу мая изложен в записке, озаглавленной «Оценка обстановки и общие соображения о летней кампании 1942 г.»²²². В замысле кампании наряду с обороной на ленинградском, московском, воронежском и ростовском направлениях намечалось ликвидировать созданный немцами демянский плацдарм, завершить разгром ржевско-вяземской группировки противника, затем провести наступательные операции по деблокаде Ленинграда, освобождению Харькова, Донбасса и Крыма.

Решение одновременно обороняться и наступать, как отмечал впоследствии маршал А. М. Василевский, оказалось самым уязвимым местом в принятом плане действий на лето 1942 г.²²³ Такая его раздвоенность не способствовала одновременному успешному решению задач по созданию прочной глубокоэшелонированной обороны на важнейших направлениях и по всесторонней подготовке наступательных операций. Силы Красной армии оказались рассредоточенными на многих направлениях и не обеспечивали превосходства над противником ни на одном из них. Несостоятельность такого планирования кампании выявилась уже в мае — июне 1942 г., когда наступательные действия советских войск по ряду объективных и субъективных причин не принесли ожидаемых результатов. Более того, в районе Харькова, под Любанью и в Крыму они завершились тяжелыми поражениями. Войска Красной армии вновь, как и в 1941 г., вынуждены были организовывать и вести стратегическую оборону на юго-западном направлении в чрезвычайно сложной обстановке.

Дальнейшее планирование военных действий осуществлялось, как и в 1941 г., в ходе упорных оборонительных сражений, сопровождавшихся отходом советских войск к Воронежу, Сталинграду и предгорьям Кавказа. Поэтому в основу планирования вновь был положен распорядительный порядок с определением и постановкой задач в зависимости от конкретно сложившейся обстановки. В целом замысел Ставки ВГК в тот период заключался в том, чтобы в упорных оборонительных сражениях обескровить и остановить мощную наступательную группировку противника, не допустить ее выхода к Волге. Тем самым выиграть необходимое время для подготовки резервов и выдвижения их в район Сталинграда с целью последующего перехода в решительное контрнаступление.

При планировании и подготовке оборонительных действий советское руководство особое внимание уделяло определению состава группировок войск и созданию сплошного фронта обороны на важнейших направлениях. Оборонительные группировки создавались либо на всем советско-германском фронте с участием практически всех сил армии и флота (летне-осенняя кампания 1941 г.), либо на значительной его части силами и средствами нескольких фронтов, объединений и соединений видов вооруженных сил (летне-осенняя кампания 1942 г.).

Состав планируемых и создаваемых в кампаниях оборонительных группировок, их эшелонирование и глубина оперативного построения на местности отличались большим разнообразием. Так, созданная Верховным главнокомандованием на главном — западном стратегическом направлении оборонительная группировка войск была развернута в июле 1941 г. в три эшелона. Первым эшелоном являлись войска Западного фронта, второй составляли объединения фронта Резервных армий, сосредоточенных на рубеже Старая Русса — Осташков — Белый — Истомино — Ельня — Брянск на удалении 200 км от линии соприкосновения с противником. Кроме того, 16 июля был создан фронт Можайской линии обороны, 32, 33 и 34-я армии которого (всего десять дивизий народного ополчения и пять дивизий НКВД) с 18 июля развертывались на рубеже западнее Волоколамска, Можайска и Калуги. Общая глубина построения советских войск на этом направлении составляла около 400 км²²⁴.

Оборонительная группировка на северо-западном стратегическом направлении планировалась и создавалась из отходивших войск Северо-Западного фронта, а также за счет привлечения для прикрытия юго-западных подступов к Ленинграду значительной части сил Северного фронта, семь дивизий которого развертывались на рубеже р. Луга²²⁵. С учетом этого глубина обороны на ленинградском направлении доходила до 100–120 км.

На юго-западном направлении оборонительная группировка советских войск была построена в один стратегический эшелон, включавший войска Юго-Западного и Южного фронтов. Глубина обороны создавалась за счет эшелонирования сил и средств Юго-Западного фронта. Его двенадцать дивизий (в том числе семь дивизий, выдвинутых из резерва Ставки ВГК) сосредоточивались севернее и южнее Киева на удалении 200–250 км от переднего края.

В 1942 г. достаточно мощную оборонительную группировку на южном крыле советско-германского фронта для прикрытия сталинградского и северокавказского направлений удалось создать лишь к середине июля. В тылу отходящих под ударами противника войск левого крыла Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов были развернуты пять общевойсковых армий, а также несколько танковых корпусов из резерва Ставки ВГК, которые составили ядро сил вновь созданных объединений — Воронежского и Сталинградского фронтов²²⁶. Всего на сталинградское направление было переброшено восемь армий в июле и три армии в августе. Это, а также последующее усиление юго-западного стратегического направления значительным количеством отдельных соединений РВГК и маршевым пополнением (с июля по октябрь поступило 72 дивизии, 26 бригад, шесть танковых и два механизированных корпуса) позволило в конечном итоге создать сравнительно глубоко эшелонированную оборону (на сталинградском направлении, например, ее глубина достигала 150 км), изменить соотношение сил в свою пользу и к середине октября 1942 г. остановить в основном продвижение противника.

В итоге вооруженного противоборства советских войск с силами фашистского блока под Сталинградом была не только сокрушена наступательная мощь врага и обескровлена главная ударная группировка германского вермахта на южном крыле советско-германского фронта, но и подготовлены условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление.

Таким образом, опыт планирования оборонительных кампаний свидетельствует, что достаточно сильные, способные остановить наступление противника стратегические группировки войск советскому Верховному главнокомандованию удавалось создавать лишь на главных направлениях. На их развертывание затрачивалось значительное время, а также большое количество стратегических резервов. Непременным условием обеспечения устойчивости этих оборонительных группировок было возможно более глубокое их эшелонирование, позволяющее наращивать силу сопротивления противнику по мере его продвижения в глубь страны. В целом планирование оборонительных кампаний в годы войны постоянно совершенствовалось и играло важную роль в срыве наступательных замыслов противника и создании необходимых условий для перехода к наступательным военным действиям.

Планирование военных действий в наступательных кампаниях также имело свои особенности, которые обуславливались различными целями и конкретно складывающейся оперативно-стратегической обстановкой на советско-германском фронте и в мире, разным соотношением сил и средств в те или иные периоды войны. Наступательные кампании, как правило, планировались заблаговременно. Их подготовка осуществлялась в более благоприятных условиях. Многие мероприятия (перегруппировка войск, строительство и восстановление дорог, устройство стратегического и оперативного тыла, накопление запасов материальных средств) начинались еще в конце предшествовавших кампаний.

Все это накладывало отпечаток на характер их стратегического планирования. Те из них, которые были связаны с борьбой за захват стратегической инициативы (зимние кампании 1941–1942 и 1942–1943 гг.), начинались с контрнаступления на решающих направлениях советско-германского фронта (московском — в начале декабря 1941 г. и сталинградском — в ноябре 1942 г.). В последующем, по мере выявления результатов контрнаступления, пла-

нировались и организовывались новые наступательные операции, но уже на более широком фронте и на значительную глубину (общее стратегическое наступление).

Не удалось при этом избежать и крупных просчетов. Наиболее показательной в данном отношении является зимняя кампания 1941–1942 г. В целом как наступательная кампания она, а вернее ее первый этап, заблаговременно не планировалась²²⁷, хотя идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке еще в начале ноября 1941 г., когда была сорвана первая попытка вермахта прорваться к городу. Затем, в связи с необходимостью отражения его второго наступления на столицу по плану операции «Тайфун», от этой идеи пришлось отказаться. Лишь к первым числам декабря в результате творческой деятельности оперативной группы Генерального штаба²²⁸, командований Западного и Юго-Западного фронтов она приобрела свое более или менее конкретное воплощение в плане нанесения ряда сильных контрударов по противнику севернее и южнее Москвы с использованием скрытно подготовленных и сосредоточенных стратегических резервов, а также привлечением к активным действиям дополнительно сил и средств Калининского фронта.

Идея перехода в контрнаступление под Москвой была выдвинута командующим Западным фронтом Г. К. Жуковым на основе анализа обстановки, сложившейся к концу ноября 1941 г. на западном направлении. 29 ноября он доложил свои соображения Верховному главнокомандующему, а на следующий день представил план операции, оформленный на карте с краткой пояснительной запиской²²⁹. Замысел на контрнаступление сводился к тому, чтобы ударами правого и левого крыльев Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западными фронтами разгромить главные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Основная роль при этом отводилась войскам Западного фронта. Вспоминая о днях подготовки и планирования контрнаступления под Москвой, маршал Г. К. Жуков писал: «В наших замыслах еще не было четко обоснованного мнения о том, что нами затевается такое грандиозное контрнаступление, каким оно потом оказалось. Первая постановка задач... преследовала хотя и важную, но пока ограниченную цель — отбросить наиболее угрожавшие прорывом к Москве вражеские силы»²³⁰.

Вылившееся из контрударов контрнаступление приобрело большой размах и было успешно завершено в начале января 1942 г. Советские войска разгромили наиболее опасные группировки войск группы армий «Центр», угрожавшие Москве с севера и юга, и отбросили их от столицы на 100–250 км, освободив более 11 тыс. населенных пунктов, в том числе такие крупные города, как Клин, Калинин, Волоколамск, Калуга.

Следовательно, на первом этапе зимней кампании 1941–1942 г. (контрнаступление) военно-политическая обстановка, задачи, стоявшие перед страной и вооруженными силами в тот момент, их возможности были учтены достаточно полно, а отсюда и задачи фронтовым объединениям, принимавшим участие в контрнаступлении, по содержанию и глубине ставились реальные (например, Западному фронту, игравшему главную роль в операции: до 50 км — для правого крыла и около 90 км — для левого)²³¹. При этом однозначно было определено направление сосредоточения основных усилий — западное, поскольку разгром наиболее сильной группировки противника, действовавшей на этом направлении, и обеспечение безопасности Москвы являлись важнейшей задачей в тех условиях.

Планирование второго этапа кампании началось в середине декабря 1941 г. Но в ходе принятия окончательного варианта действий советских войск был допущен ряд серьезных ошибок, приведших к крушению южного крыла советско-германского фронта, потере Крыма и выходу войск вермахта к Волге.

Здесь следует отметить, что стремление советского военно-политического руководства закрепить стратегическую инициативу и развить успех, достигнутый под Москвой, Ростовом-на-Дону и Тихвином, понять можно. Но нельзя отрицать то, что оно неправильно оценило возможности страны по реализации замыслов. Последствия оккупации и части территории страны, потеря промышленных мощностей, стратегических запасов, а также эвакуации сотен предприятий еще не были преодолены. Валовая продукция промышленности СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилась почти вдвое, и в начале 1942 г. падение производства

продолжалось. Оборонная промышленность не обеспечивала выпуск вооружения для восполнения потерь, понесенных в летне-осенней кампании 1941 г.

К началу 1942 г. Вооруженные силы СССР оказались в тяжелейших условиях. Им предстояло вести свою первую наступательную кампанию при самой низкой технической оснащенности за все годы войны, слабом обеспечении действующей армии боеприпасами, горючим, транспортом. Они уступали вермахту и в подвижности. ГКО и Ставка ВГК испытывали трудности с людскими ресурсами. Напряженная шестимесячная борьба, приведшая в 1941 г. к огромным потерям, эвакуация заводов и развертывание военного производства в восточных районах страны, а также увеличение фронта борьбы вынудили советское правительство провести ряд мероприятий мобилизационно-организационного характера, в том числе призвать на военную службу мужчин всех возрастов вплоть до 1890 года рождения.

В таких условиях Ставка ВГК потребовала от командования фронтов представить планы боевых действий на зиму 1942 г. Военный совет Юго-Западного направления 19 декабря 1941 г. в «Докладе с соображениями на проведение наступательных операций зимой 1942 г.» оценивал обстановку следующим образом: «События последнего месяца войны говорят не только о крахе стратегии «молниеносной войны» против СССР, но и свидетельствуют о наличии кризиса грандиозного сражения и перехода инициативы в руки Красной армии»²³² — и планировал наступление с весьма решительными целями. Понимая, что достичь их без значительного усиления нельзя, С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущёв просили у Верховного главнокомандующего в течение декабря и января резко увеличить приток людских пополнений и доукомплектовать материальную часть артиллерии, танков, самолетов. Обсуждение замысла действий проходило в кабинете И. В. Сталина.

Военный совет Калининского фронта, представивший свои соображения 20 декабря, определял задачи фронта так: «Завершить окружение и уничтожение 9-й армии противника. Не допустить организации обороны противника на линии бывшего укрепленного рубежа Ржев, Сычëвка... В последующем развивать операцию в общем направлении либо на Смоленск, либо на Великие Луки»²³³. Из этого следовало, что планировался глубокий обход группы армий «Центр» с северо-запада, но на это можно было решиться, лишь получив значительные подкрепления. В то же время соединения, участвуя в обороне и контрнаступлении, не имели передышки и были обескровлены. В декабре фронт получил 35 тыс. маршевого пополнения, а потерял более 60 тыс. убитыми, пленными, ранеными и больными с эвакуацией из частей фронта²³⁴.

Командование Волховского фронта видело свои задачи в том, чтобы, «наступая в северо-западном направлении, разбить противника, оборонявшегося на реке Волхов, во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и пленить его [18-ю немецкую армию], а в случае отказа противника сдать его истребить его». Соображения подписали генерал армии К. А. Мерецков, армейский комиссар 1 ранга А. И. Запорожец, комбриг Г. Д. Стельмах²³⁵.

Накануне совещания в Ставке ВГК 31 декабря 1941 г. генерал армии Г. К. Жуков и Н. А. Булганин по телефону доложили И. В. Сталину, что в ходе боев войсками Западного фронта были разбиты шесть германских армейских корпусов (20, 12, 13, 47, 53, и 57-й) в составе 15 пехотных и одной танковой дивизий и 2-й бригады СС, переброшенной на самолетах из Кракова, и противник под ударами войск фронта продолжает отступление на западном направлении, оставляя в боях и по пути отхода раненых, артиллерию, оружие и имущество. Однако это не соответствовало действительности: перечисленные соединения продолжали обороняться и оказывали ожесточенное сопротивление Западному фронту²³⁶.

В Ставке ВГК оказались основательно завышенные данные о потерях противника. Так, по данным Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, вооруженные силы Германии с 22 июня до ноября 1941 г. потеряли более 4,5 млн человек²³⁷, а на 1 марта 1942 г. — 6,5 млн, в том числе сухопутные войска — 5,8 млн. По данным же начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта, потери на 1 марта составили немногим более 1 млн человек²³⁸. Отсутствие достоверной информации не способствовало объектив-

ной оценке Ставкой ВГК стратегической обстановки и отрицательно влияло на принятие целесообразных решений.

В аналогичных условиях был рассмотрен план общего наступления Красной армии зимой 1942 г. на совместном заседании членов Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК 5 января в Кремле, которое, на наш взгляд, проливает свет на многие вопросы, остающиеся долгие годы дискуссионными.

Открыв заседание, И. В. Сталин предоставил слово начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. Тот, зная концепцию Верховного главнокомандующего, информировал его о положении на фронтах и изложил проект плана дальнейших действий. Как следовало из этого выступления, важнейшая военно-политическая цель, стоявшая перед советским народом и его вооруженными силами, заключалась в том, чтобы ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить армию Германии и ее союзников и создать условия для завершения войны в 1942 г. Комментируя доклад начальника Генерального штаба, И. В. Сталин сказал: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том... чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны»²³⁹.

Согласно замыслу Ставки ВГК девяти фронтам, двум флотам и ВВС предстояло перейти в наступление практически одновременно на фронте от Ладожского озера до Черного моря с самыми решительными целями: окружить и уничтожить основные силы групп армий «Север», «Центр», «Юг» и к весне 1942 г. продвинуться на глубину 300–400 км. В дальнейшем «обеспечить... полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»²⁴⁰.

Отметим, по состоянию на 1 января 1942 г. в составе действующей армии более 50% стрелковых дивизий имели до 6 тыс. человек, то есть половину штатного состава. Особенно были обескровлены соединения Западного, Калининского и Брянского фронтов, которые длительное время не имели передышки и напрягали все усилия для выполнения задач контрнаступления. Им-то и предстояло нанести главный удар по группе армий «Центр» путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением основных сил противника в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска²⁴¹.

Учитывая тяжелое положение Ленинграда, Ставка возложила на войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота задачу разгромить группу армий «Север» и снять блокаду Ленинграда²⁴². Войскам Юго-Западного фронта на брянском направлении после разгрома 2-й немецкой танковой армии приказывалось «выйти в район Белёв, Орёл и создать охватывающее положение для противника, действующего под Москвой». Армиям левого крыла Юго-Западного и Южного фронтов предстояло разгромить главные силы группы армий «Юг» и освободить Донбасс²⁴³. Объединениям Кавказского фронта предназначалось совместно с Черноморским флотом завершить освобождение Крыма²⁴⁴. Перейти в наступление намечалось в самые сжатые сроки, а на западном направлении и в Крыму — продолжать его без всякой паузы.

Однако не все участники совместного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) и Ставки ВГК 5 января 1942 г. поддержали такой способ достижения политических целей. Против одновременного наступления всех фронтов в январе 1942 г. высказался член Ставки ВГК генерал армии Г. К. Жуков: «На западном направлении, где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска... в первую очередь танковыми частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным». На остальных же направлениях, где «войска стоят перед серьезной обороной противника», без «наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери»²⁴⁵.

В войсках остро ощущался недостаток вооружения. Так, укомплектованность Калининского и Западного фронтов на 1 января 1942 г. составляла по винтовкам — 66,7%, по пистолетам-пулеметам — 35%, по станковым пулеметам — 36%, по зенитным орудиям — 45,3%, по орудиям наземной артиллерии — 66%, по минометам — 45%²⁴⁶. Что касается обеспеченности войск танками, то она была еще более низкой. И это в то время, когда этим фронтам предстояло действовать в наступлении на главном направлении. Генерал армии Г. К. Жуков, оценив все нюансы и изменения стратегической обстановки, безусловно, предлагал наиболее целесообразное решение, ибо оно сулило, в конечном счете, достижение целей зимней кампании.

Против одновременного наступления на всех стратегических направлениях выступил и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенский. Он, как никто из присутствующих, знал, в каком состоянии находится народное хозяйство страны, какие трудности выпали на долю военной промышленности. «Мы сейчас, — заявил он, — еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов»²⁴⁷.

Присутствовавшие на заседании Г. М. Маленков и Л. П. Берия заметили, что у Н. А. Вознесенского всегда находятся непредвиденные трудности, однако их можно преодолеть. Тем самым они поддержали И. В. Сталина. Остальная «старая гвардия» не посмела возразить Верховному главнокомандующему и таким образом одобрила его решение. И. В. Сталин же был настроен слишком оптимистично. Он сказал: «Я говорил с Тимошенко... Он за то, чтобы действовать... Надо быстрее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной»²⁴⁸.

В январе 1942 г. Ставка ВГК приняла более чем сомнительный, нереальный план ведения кампании, хотя она имела возможность выбрать время начала операций на том или ином направлении, способы разгрома группировок противника, направления главных и других ударов, накопить силы и средства, достичь внезапности наступления и нанесения сильного первоначального удара. К сожалению, члены Ставки ВГК в то время еще не владели военным искусством в такой степени, чтобы сделать это.

Простое сопоставление имеющихся сил и средств с пространственным размахом задуманного наступления показывает, на какой риск шла Ставка, и подчеркивает невыполнимость намеченного плана. Если в декабре 1941 г. наступление вели шесть фронтов в полосе до 1200 км, то в январе 1942 г. его предстояло развернуть на фронте в 2000 км с участием девяти фронтов и двух флотов. Действующая армия на 1 января 1942 г. насчитывала 4199 тыс. человек, 27,7 тыс. орудий и минометов, 1784 танка (из них 506 тяжелых и средних). Сухопутные войска Германии и ее союзников на восточном фронте имели 3909 тыс. человек, около 35 тыс. орудий и минометов, 1500 танков²⁴⁹. Следовательно, общее соотношение сил и средств по отношению к декабрю 1941 г. изменилось в пользу советских войск, но незначительно, и это за счет резервов Ставки. Фронты получили 55 дивизий, 30 стрелковых бригад и около 270 тыс. человек маршевого пополнения²⁵⁰, значительно уступавших по уровню военной подготовки фронтовикам.

Советские войска ни на одном направлении не имели ни количественного, ни качественного превосходства над противником. Уровень подготовки командующих и штабов, степень материального обеспечения войск были недостаточными для выполнения задач наступления. Это обстоятельство, конечно, было хорошо известно Верховному главнокомандующему. Однако И. В. Сталин имел твердое мнение относительно того, как будут развиваться события и как намерен действовать неприятель. Это и было одной из причин просчетов стратегического планирования.

В тех условиях более целесообразно было принять план последовательного решения задач и начать разгром противника с группы армий «Центр», где успех сразу же сказался бы на работе промышленности Москвы, Московского железнодорожного узла и всего Московского промышленного района, а это позволило бы улучшить снабжение войск. Главное же, поражение основной группировки противника привело бы к необратимым, губительным для врага изменениям стратегической обстановки на всем советско-германском фронте.

Приняв же план разгрома врага на всех стратегических направлениях, не удалось создать достаточно сильных группировок ни на одном из них. Резервы Ставки — девять армий, сформированных накануне наступления, — были распределены по фронтам почти равномерно. «В ходе общего наступления зимой 1942 года, — писал маршал А. М. Василевский, — советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить. Неоправданными оказались надежды... на то, что резервы Германии иссякнут к весне 1942 года. Да, мы все страстно желали этого, но действительность была суровее, и прогнозы не подтвердились»²⁵¹.

Для осуществления операций на окружение необходимы были определенные условия. Так, на западном стратегическом направлении советские войска к началу января 1942 г. заняли охватывающее положение по отношению к противнику, и Ставка ВГК приказала войскам левого крыла Северо-Западного, Калининского, Западного и Брянского фронтов завершить окружение ржевско-гжатско-вяземской группировки, а затем пленить или уничтожить ее²⁵². Таким образом, усилия войск четырех фронтов были направлены на окружение и расчленение группы армий «Центр».

Если планы Ставки на западном направлении в какой-то мере и могут быть оправданы, то несоответствие между желаемым и действительным на юге проявилось в своей классической форме. Ставка утвердила план Военного совета Юго-Западного направления, собственный замысел которого был еще более обширный: ударом войск Юго-Западного и Южного фронтов прорвать оборону группы армий «Юг», а затем, «выйдя во фланг и тыл донбасско-таганрогской группировки войск противника, отрезать им путь отхода на запад и, прижав главную группировку к берегам Азовского моря, окружить и уничтожить ее»²⁵³.

По этой же причине нереальными оказались задачи войск Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов по окружению основных сил группы армий «Север» и снятию блокады Ленинграда. По решению Ставки основная роль в разгроме врага отводилась Волховскому фронту. Его войска должны были прорвать оборону противника по р. Волхов и во взаимодействии с Ленинградским фронтом окружить и пленить войска 18-й немецкой армии, блокировавшие Ленинград²⁵⁴. Волховский фронт, созданный 17 декабря 1941 г., не имел ни времени, ни материальных средств, ни опыта подготовки операций, но страх перед И. В. Сталиным, очевидно, не позволил генералу армии К. А. Мерецкову отстоять свои доводы перед Ставкой о необходимости тщательной подготовки войск фронта к наступлению. И как результат — неоднократный перенос сроков начала операции, потеря элемента внезапности, огромный ущерб, невыполненные задачи. Только за январь — апрель 1942 г. фронт потерял убитыми, ранеными, пленными, обмороженными и больными с эвакуацией из частей более 230 тыс. человек²⁵⁵.

В результате цели зимней кампании 1941—1942 гг. не были полностью достигнуты. Советским войскам в целом удалось нанести существенные потери врагу, расширить фронт наступления, освободить ряд районов страны. Однако, израсходовав резервы, они не смогли развить наступление ни на одном из стратегических направлений. Вместе с этим данная кампания имела большое военно-политическое значение. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой похоронил гитлеровский план «молниеносной войны», развеял миф о непобедимости вермахта и поставил Германию и ее союзников перед перспективой длительной, затяжной войны. Ставка ВГК и Генеральный штаб получили практику планирования крупных стратегических операций в условиях перехода стратегической инициативы на сторону Вооруженных сил СССР.

В последующем, по мере возрастания экономических возможностей страны, боевой мощи Красной армии, накопления опыта, планирование кампаний со стороны Ставки ВГК и Генерального штаба стало более искусным: в нем уже зримо проявлялись элементы глубокого предвидения развития обстановки, настойчивое стремление навязать противнику свою волю, не давать ему передышки после понесенных поражений, сосредоточить основные усилия на решении главных задач.

Характерной в этом отношении является зимняя кампания 1942–1943 г. Планирование наступательных операций этой кампании началось еще в сентябре 1942 г. Основу замысла составляла идея окружения ударной группировки противника, сосредоточившейся в районе Сталинграда, сходящимися ударами по ее флангам. В замысле были четко определены направление главного удара, где сосредоточивались основные силы и средства, и направления других ударов, которые также обеспечивались значительными силами и средствами. Нанесение главного удара на Сталинградском направлении позволяло разгромить самую опасную группировку противника, а развитие наступления в сторону Донбасса и на Ростов создавало реальную угрозу отсечения немецко-фашистских войск, действовавших на Северном Кавказе.

Ставка ВГК особое внимание уделяла подготовке операций на юго-западном направлении, которая осуществлялась под руководством представителей Ставки: Г. К. Жукова — на Юго-Западном и Донском фронтах, А. М. Василевского — на Сталинградском фронте²⁵⁶. Наряду с подготовкой первой стратегической операции («Уран») на главном — сталинградском направлении, которая планировалась Генеральным штабом особенно тщательно, велась подготовка и последующих операций, имевших целью развитие наступления на главном направлении и расширение фронта стратегического наступления. Это выражалось, в частности, в усилении группировок войск на воронежском, западном и северо-западном направлениях резервами Ставки ВГК и материально-техническими средствами, общей ориентировке командующих войсками фронтов о предстоящих наступательных действиях. Конкретное же планирование операций на этих направлениях осуществлялось уже в ходе контрнаступления под Сталинградом. Дальнейшие события полностью подтвердили правильность подобного метода планирования стратегического наступления в кампании.

Разгром врага под Сталинградом стал крупнейшим военно-политическим событием в ходе борьбы народов против фашизма. Великая битва, закончившаяся окружением и разгромом противостоящей группировки войск противника, внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в Великой Отечественной и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны. Советское военное искусство обогатилось опытом окружения и разгрома крупных сил противника, осуществления оперативно-тактической внезапности, правильного выбора направлений главных ударов, точного определения слабых мест в обороне врага, расчета сил и средств для быстрого прорыва тактической зоны обороны, непрерывного развития наступления на большую глубину²⁵⁷.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе, в чем немаловажная заслуга Генерального штаба, Верховный главнокомандующий стал с большим доверием относиться к нему и прислушиваться к его мнению. Это благотворно отразилось на подготовке последующих кампаний войны. Они стали планироваться все более согласованными усилиями Ставки и ее представителей, Генерального штаба, штабов фронтов, а также представителей видов вооруженных сил и родов войск. Это позволяло определить наиболее целесообразные способы действий, направления сосредоточения основных усилий Красной армии, других ударов, обеспечивающих сокрушение стратегического фронта обороны противника и разгром его группировок, достигать крупных военно-политических результатов.

Начиная с весны 1943 г. планирование военных кампаний постепенно приобретало все более четкие формы. Этому способствовало то обстоятельство, что стратегическая инициатива окончательно перешла к советским войскам. Поэтому стало возможным прогнозировать развитие военных событий с большей достоверностью и на значительный период времени. Планирование и подготовка кампаний обычно проводились за два, а то и за три месяца до их начала.

Так, к разработке плана на лето и осень 1943 г. советское Верховное главнокомандование приступило в конце марта, сразу же после завершения зимних сражений. Первоначально предполагалось начать кампанию широкими наступательными действиями, нанося главный удар на юго-западном направлении. Однако вскоре, по мере поступления от всех видов

разведки сведений о готовящемся противником крупном наступлении в районе Курского выступа (операция «Цитадель»), в эти планы были внесены существенные изменения.

Уже 8 апреля 1943 г. находившийся на Воронежском фронте заместитель Верховного главнокомандующего маршал Г. К. Жуков направил в Ставку доклад, в котором высказал свои соображения о сложившейся обстановке, соотношении сил сторон и возможном характере действий неприятельских войск на курском направлении. Он предложил воздержаться здесь от перехода в наступление с целью упредить противника, а создать прочную превентивную оборону, измотать на ней ударные группировки врага, выбить у него танки и лишь после этого, введя свежие резервы, перейти в решительное наступление, чтобы покончить с главными вражескими группировками²⁵⁸. Точку зрения Г. К. Жукова разделял и начальник Генерального штаба маршал А. М. Василевский.

Замысел советского Верховного главнокомандования на лето 1943 г. окончательно оформился 12 апреля, когда на совещании в Ставке ВГК было принято решение временно перейти к преднамеренной обороне. В директивах, разосланных войскам, предлагалось создать мощную, глубокоэшелонированную оборону, в ходе оборонительного сражения обескровить ударные группировки противника и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, а затем и в общее наступление²⁵⁹. Таким образом, спланированный переход к временной обороне на курском направлении был не вынужденным, как это имело место в первом периоде войны, а преднамеренным. Советское Верховное главнокомандование не отдавало захваченную в зимней кампании 1942–1943 гг. инициативу, а добровольно избирало наиболее вгодный для Красной армии в сложившихся условиях вариант военных действий. При этом выбор момента перехода в контрнаступление ставился в зависимость от развития обстановки, в силу чего оборонительные и наступательные операции на Курской дуге органически объединялись общим замыслом. Принятие такого варианта действий свидетельствует о творческом подходе Ставки ВГК и Генерального штаба к решению стратегических задач войны. «Принять единственно правильное решение, — отмечал в своих воспоминаниях А. М. Василевский, — помог коллективный разум, творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов, от фронтовой ступени до главнокомандования»²⁶⁰.

При определении направлений главных ударов в летне-осенней 1943 г., а также в зимней 1944 г. наступательных кампаниях Ставка ВГК и Генеральный штаб исходили из того, что разгром крупных вражеских группировок на юго-западном направлении позволял вернуть стране наиболее важные промышленные и сельскохозяйственные районы, усиливая тем самым свой военно-экономический потенциал и ослабляя в то же время фашистскую Германию, а разгром коалиционных группировок врага на этом направлении знаменовал начало развала фашистского блока²⁶¹.

Результаты летне-осенней наступательной кампании 1943 г., начавшейся с проведения преднамеренной стратегической оборонительной операции, привели к полному срыву гитлеровского плана решающего наступления вермахта на востоке, победе советских войск под Курском и выходу их к Днепру, завершению коренного перелома в войне. Этому во многом способствовала напряженная деятельность Ставки ВГК и Генерального штаба, которые грамотно спланировали и всесторонне обеспечили последовательное проведение в ходе кампании таких крупных стратегических операций, как оборонительная Курская и наступательные (контрнаступательные) Орловская, Белгородско-Харьковская, Смоленская, Донбасская, Черниговско-Полтавская, Новороссийско-Таманская, Нижнеднепровская и Киевская. При этом в ходе стратегического планирования военных действий в кампании была продемонстрирована возросшая способность правильно учитывать военно-политические и экономические факторы, умело выбирать районы сосредоточения основных усилий и направления главных ударов, заблаговременно создавать группировки войск и избирать наиболее эффективные способы их действий, организовывать и поддерживать взаимодействие, управление войсками и их всестороннее обеспечение.

Накопленный Ставкой ВГК и Генеральным штабом опыт был в полной мере использован при планировании и осуществлении наступательных кампаний третьего периода войны. В этих кампаниях советские войска уже прочно удерживали стратегическую инициативу и обладали значительным превосходством в силах и средствах над противником. В такой обстановке Ставкой и Генеральным штабом заблаговременно планировался и непосредственно организовывался ряд взаимосвязанных крупных наступательных операций, охватывающих практически весь советско-германский фронт.

При выработке замыслов военных кампаний в 1944–1945 гг. учитывалась не только необходимость быстрого разгрома крупных вражеских группировок, но и достижение конкретных политических и экономических результатов: освобождение важных экономических районов СССР, вывод из войны союзников фашистской Германии, освобождение поработанных народов. Важное место при выработке замыслов военных кампаний отводилось согласованию совместных действий Красной армии с вооруженными силами союзных государств. Так, замысел зимней кампании 1944 г. и составляющих ее содержание стратегических операций был представлен И. В. Сталину непосредственно перед его поездкой на Тегеранскую конференцию руководителей трех союзных держав, на которой в период с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. были достигнуты соглашения по важнейшим вопросам стратегии войны в Европе и организации стратегического взаимодействия с союзниками. Один из пунктов решения гласил: «Согласились, что военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе. В частности, было решено, что между соответствующими штабами должен быть согласован план мистификации и обмана противника в отношении этих операций»²⁶². В британском штабе эта операция получила кодовое название «Бодигард» («Телохраниль»). Замысел руководителей союзных держав о проведении «мистификации и обмана» начал реализовываться при планировании кампаний и операций на 1944 г.

При определении направлений главных ударов в наступательных кампаниях 1944–1945 гг. Верховное главнокомандование руководствовалось стремлением быстрее закончить войну и восстановить мир в Европе. Главные удары в этих кампаниях планировались и наносились на западном стратегическом направлении, которое являлось кратчайшим путем к Берлину и достижению конечной цели войны.

Важнейшими целями военных действий на 1944 г. были определены: разгром группировок войск Германии и ее союзников, полное изгнание оккупантов с территории СССР, вывод из войны сателлитов Германии, а также помощь странам Центральной и Юго-Восточной Европы в освобождении от фашизма²⁶³.

При планировании кампаний утвердился более четкий порядок работы органов управления. Так, например, при планировании летне-осенней кампании 1944 г. в соответствии с указаниями Ставки ВГК командующие фронтами в конце марта приступили к разработке своих соображений на лето 1944 г. В начале апреля эти соображения поступили в Генеральный штаб, где были тщательно изучены, обобщены и на их основе определены цели, общий замысел кампании и замыслы первых стратегических операций. Затем 12 апреля они были рассмотрены и с некоторыми поправками одобрены на заседании узкого круга с участием Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки ВГК, Генерального штаба (А. И. Антонов и С. М. Штеменко). После этого Генеральный штаб при непосредственном участии командующих фронтами приступил к детальному планированию первых стратегических операций по направлениям. К концу мая разработка первого этапа летне-осенней кампании 1944 г. была полностью завершена. Такой порядок планирования военных кампаний сохранился до конца войны.

При разработке плана кампании учитывались и вопросы стратегической дезинформации противника, согласованные Генеральным штабом с военными миссиями союзников и получившие название «Мероприятия со стороны Красной армии по плану «Бодигард», которые были утверждены Верховным главнокомандующим 17 апреля 1944 г.²⁶⁴

В каждой наступательной кампании третьего периода войны планировалось и проводилось от трех до восьми стратегических наступательных операций. В их числе были одна-две

наиболее крупные (главные) операции, оказывающие решающее влияние на ход и исход кампании (Днепровско-Карпатская, Белорусская, Висло-Одерская и некоторые другие). Такие операции осуществлялись на направлениях главных ударов в кампаниях.

Для достижения целей кампаний Ставкой ВГК и Генеральным штабом планировалось и создавалось, как правило, несколько стратегических группировок войск, основу которых составляли фронтовые объединения. Каждая такая группировка обычно включала от двух до пяти фронтов и усиливалась соединениями других родов войск, насчитывая от 600 тыс. до 2,5 млн человек, от 8 до 40 тыс. орудий и минометов, от 700 до 6 тыс. танков и САУ, от 700 до 7,5 тыс. боевых самолетов²⁶⁵.

В 1944–1945 гг. Ставка и Генеральный штаб продемонстрировали высокий уровень мастерства при планировании и осуществлении наступления путем последовательного и одновременного проведения стратегических наступательных операций. Особенно поучительной в отношении способа последовательного ведения стратегического наступления является летне-осенняя кампания 1944 г. Перед ее началом Ставка ВГК и Генеральный штаб спланировали и создали четыре стратегические группировки: в Восточной Карелии и на Карельском перешейке, в Белоруссии, в западных районах Украины и в Молдавии. В соответствии с планом кампании 10 июня 1944 г. перешла в наступление первая из них — на северо-западном направлении, на Карельском и Онежско-Ладожском перешейках (Выборгско-Петрозаводская операция). Затем 23 июня внезапно силами четырех фронтов был нанесен мощный удар в Белоруссии (операция «Багратион»). Для его отражения германское командование начало спешно перебрасывать силы из Прибалтики, западных областей Украины, Молдавии, Германии, Голландии, Норвегии и Италии (всего 22 дивизии)²⁶⁶.

В самый разгар Белорусской операции последовали новые удары, в частности на Западной Украине (Львовско-Сандомирская операция), откуда противник снял и направил значительные силы в Белоруссию, часть из которых находилась еще в движении. Для парирования этих ударов немецкое командование вновь было вынуждено перебрасывать войска с других направлений, в том числе и возвращать некоторые соединения и части, только что отправленные в Белоруссию.

Спустя месяц советские войска нанесли удар в Молдавии. Гитлеровское командование в этот момент уже не имело возможности усилить оборонявшуюся там группировку, так как его войска были связаны боевыми действиями на других направлениях или находились в движении. Это позволило 2-му и 3-му Украинским фронтам в ходе Яско-Кишинёвской операции в течение 10 дней разгромить главные силы группы армий «Южная Украина», уничтожив 22 немецкие дивизии и почти все румынские соединения, находившиеся на советско-германском фронте²⁶⁷, при сравнительно небольших собственных потерях. Характерно, что уже в ходе осуществления перечисленных выше операций, когда выявились их крупные военно-политические и стратегические результаты, Ставка и Генеральный штаб поставили советским войскам дополнительные задачи на проведение новых операций в Прибалтике, Заполярье, Чехословакии, Венгрии и Югославии.

Планирование и ведение стратегического наступления способом нанесения последовательных по фронту ударов свидетельствует о возросшем мастерстве советского Верховного главнокомандования. Ведь здесь надо было правильно определить направления нанесения первого и последующих ударов, действия стратегических группировок с тем, чтобы каждый удар не являлся самоцелью, а способствовал успешному нанесению последующих ударов. Так оно, по существу, и было: удары четко планировались по месту и времени, при этом противник вынужден был в буквальном смысле слова метаться вдоль фронта, зачастую не успевая с перегруппировкой сил на угрожаемые направления.

В той же летне-осенней кампании 1944 г. Генеральный штаб обогатился опытом планирования и успешного осуществления последовательных по глубине стратегических операций. Так, в ходе наступления на Балканах советские войска в течение четырех месяцев последовательно, одну за другой, практически без пауз провели Яско-Кишинёвскую, Белградскую и Будапештскую стратегические, а также Трансильванскую и Дебреценскую фронтовые

операции. Глубина продвижения войск составила 1100 км. При этом планирование и подготовка каждой последующей операции осуществлялась еще в ходе предыдущей. При таком способе ведения наступления противник не успевал в полной мере восстанавливать свой фронт обороны на стратегическом направлении.

Показатели летне-осенней кампании 1944 г. превысили достижения всех предшествующих кампаний советских войск: наступление велось в полосе шириной до 4,5 тыс. км, на глубину от 600 до 1100 км; потери противника составили 1889,9 тыс. человек, из них безвозвратные — 777,2 тыс., количество взятых в плен вражеских солдат и офицеров увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 2,7 раза и составило 680,8 тыс. человек²⁶⁸.

В кампании 1945 г. в Европе Генеральный штаб, выполняя поставленную Ставкой ВГК перед Красной армией задачу завершить разгром вооруженных сил нацистской Германии, спланировал стратегическое наступление путем одновременного проведения операций на всем фронте. Этому способствовали как сокращение стратегического фронта (до 2200 км), так и значительное общее превосходство советских войск в силах и средствах над противником, в результате чего появилась возможность создать несколько мощных ударных группировок и практически одновременно развернуть наступление от Балтийского моря до Дуная с нанесением главного удара на варшавско-берлинском направлении. Вся кампания планировалась в два этапа: на первом — провести наступательные операции в Восточной Пруссии, Польше и на венском направлении; на втором — развернуть решающие наступательные операции на берлинском и пражском направлениях. Общая глубина военных действий намечалась в пределах 600–700 км, в том числе первого этапа кампании — 250–300 км. Наступление предполагалось вести без оперативных пауз между этапами с тем, чтобы добиться достижения поставленной цели в течение 45 суток. Общий план операций предстоящей кампании в начале ноября 1944 г. был принят Ставкой ВГК по докладу генерала А. И. Антонова. Директивы фронтам были отданы за полтора месяца до начала операций первого этапа кампании 1945 г. в Европе — 28 ноября 1944 г.²⁶⁹

Успешно спланировав и проведя в ходе кампании 1945 г. в Европе семь стратегических наступательных операций (Висло-Одерская, Западно-Карпатская, Восточно-Пруская, Восточно-Померанская, Венская, Берлинская, Пражская) и одну фронтовую оборонительную операцию (Балатонская) Вооруженные силы Советского Союза разгромили стратегические группировки немецко-фашистских войск в Польше, Венгрии, Австрии, Чехословакии и в самой Германии, что привело к безоговорочной капитуляции последней.

В целом планирование военных кампаний Красной армии к 1945 г. соответствовало характеру военных действий, политическим целям войны и требованиям военной стратегии, обеспечивало эффективное руководство войсками и силами, успешное выполнение всего комплекса военно-политических и стратегических задач для достижения победы в войне.

Важное место в системе стратегического планирования в годы войны занимала и разработка стратегических операций, которая также имела свои особенности. Ставка ВГК и Генеральный штаб в своей деятельности в годы войны уделяли самое пристальное внимание вопросам планирования и подготовки стратегических операций, которые составляли основное содержание военных кампаний. По опыту войны стратегическая операция представляла собой совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени операций фронтов, объединений и соединений других видов вооруженных сил, проводимых по единому замыслу и плану Верховного главнокомандования для достижения крупной стратегической цели или создания условий для этого. В результате проведения такой операции коренным образом менялась военно-политическая обстановка на том или ином стратегическом направлении. Всего в ходе войны Вооруженные силы Советского Союза осуществили более 50 таких операций. Их замыслы и планы разрабатывались, как правило, по решению Ставки. Нередко инициатором планирования и проведения стратегических операций являлся Генеральный штаб.

В отличие от кампаний содержание и порядок деятельности высших органов военного управления по подготовке стратегических операций характеризовались более детальной

проработкой всех связанных с этим вопросов. Сложилась в годы войны и определенная, достаточно эффективная система их планирования, однако пришли к ней Ставка ВГК и Генеральный штаб далеко не сразу.

Так, особенность планирования стратегических оборонительных операций, прежде всего в летне-осенней кампании 1941 г., заключалась в том, что какой-либо четкой системы этой важной работы еще не было. Объяснить это можно было рядом причин: недостаточной теоретической разработкой данного вопроса перед войной, отсутствием практических навыков в планировании подобного рода операций, чрезвычайно сложной обстановкой, отсутствием времени для тщательной проработки планов и мероприятий, связанных с подготовкой операции. Отрицательно сказывалось и то, что Ставка в этот период не всегда в достаточной мере учитывала соображения и предложения Генерального штаба, военных советов фронтов и главнокомандующих направлений, которые имели возможность более конкретно оценивать складывающуюся обстановку. Были случаи, когда решения Ставки, принятые вопреки мнению Генерального штаба и предложениям военных советов фронтов, приводили к тяжелым последствиям. Примером тому может служить запрет отвода войск Юго-Западного фронта из района Киева в сентябре 1941 г., несмотря на реальную угрозу их окружения²⁷⁰.

Поскольку в 1941—1942 гг. переход советских войск к обороне был вынужденным, стратегические операции, как и в целом кампании заранее не планировались. В связи с этим при их организации Ставке и Генеральному штабу приходилось, как правило, в условиях жесточайшего дефицита времени одновременно с отражением ударов превосходящих сил противника, обладавшего господством в воздухе, спешно решать широкий круг проблем. Важнейшими из них являлись: вскрытие замысла немецкого командования, состава группировки его войск; создание своей оборонительной группировки и выбор наиболее целесообразного ее оперативно-стратегического построения; инженерное оборудование местности; организация взаимодействия и управления, материально-технического обеспечения и прочее.

Выяснив состав группировки противника, направления ее ударов, прежде всего главного, Ставка определяла стратегическую цель и общий замысел операции, а Генеральный штаб в соответствии с этим разрабатывал общую и частные директивы, в которых указывал задачи фронтов и отдельных армий, силы и средства, выделенные для операции, состав и задачи вторых эшелонов и резервов, основы взаимодействия между фронтами, родами и видами вооруженных сил, разграничительную линию между объединениями, ответственность за стыки, места расположения пунктов управления фронтовых объединений и сроки представления в Ставку донесений о получении и исполнении поставленных задач. Степень подробности этих директив всякий раз зависела от конкретных условий обстановки. Такой метод планирования имел место уже летом и осенью 1941 г., но наиболее четко он определился в летне-осенней кампании 1942 г.

Цели стратегических оборонительных операций, определяемых Ставкой, в ходе войны были различными и зависели главным образом от сложившейся обстановки, а также задач, решаемых вооруженными силами в кампании в целом. Так, цели оборонительных операций начального периода и первых месяцев войны заключались в том, чтобы упорным сопротивлением на наиболее угрожаемых направлениях нанести максимально возможные потери ударным группировкам противника, задержать или снизить темпы его наступления и создать таким образом условия для развертывания второго стратегического эшелона своих вооруженных сил. В последующих оборонительных операциях 1941 г., а также в операциях летне-осенней кампании 1942 г. цели в большинстве своем сводились к тому, чтобы измотать ударные группировки противника, остановить их продвижение, не допустить прорыва к крупным промышленным и административно-политическим центрам, объектам и рубежам оперативно-стратегического значения, выиграть время, необходимое для сосредоточения и развертывания резервов, и подготовиться к наступательным действиям²⁷¹.

Вынужденная стратегическая оборона первого периода войны характеризовалась огромным пространственным размахом, недостаточной степенью массирования сил и средств, а отсюда их невысокой плотностью на решающих направлениях. В стратегических построениях

имелись разрывы между группировками войск. В этот период оборонительные операции проводились на фронте от 300 до 1000 км и более, сопровождалась большими потерями войск, их отходом на значительную глубину, доходившую от 400 до 800 км.

При планировании стратегических оборонительных операций наиболее важными в практической деятельности Ставки ВГК и Генерального штаба были вопросы выработки их замысла. При этом Верховное главнокомандование всесторонне учитывало конкретную военно-политическую обстановку, соотношение сил, возможности экономики, наличие людских и материальных резервов сторон. Так, в сентябре 1942 г. Ставка достаточно точно определила состав, состояние, возможности войск фашистской группировки в районе Сталинграда и наметила наиболее целесообразный способ ее разгрома, а весной 1943 г., заранее вскрыв общий замысел противника на проведение наступательной операции «Цитадель», спланировала стратегическую оборонительную операцию войск Центрального, Воронежского и Степного фронтов в районе Курска с целью отражения готовившегося наступления врага.

Большую роль в планировании оборонительных операций играло целесообразное определение оборонительных группировок войск и их оперативно-стратегического построения в соответствии с выработанным замыслом. Оборонительные группировки строились как в один, так и в два эшелона. Иногда отсутствие второго эшелона компенсировалось сосредоточением на данном направлении резервов Ставки.

Так, к началу Московской оборонительной операции в конце сентября 1941 г. была создана группировка советских войск, состоящая из двух эшелонов: первый — Западный и Брянский фронты, второй — Резервный фронт. При этом две из шести армий Резервного фронта (24-я и 43-я) находились в первом эшелоне группировки, а остальные были вытянуты в линию и занимали оборону позади Западного фронта, в 50–80 км от его переднего края. Общая глубина построения оборонительной группировки доходила до 100 км. Всего в составе трех фронтов было сосредоточено свыше 40% личного состава и артиллерии, 35% танков и треть самолетов от имевшихся к тому времени на всем советско-германском фронте. Наибольшее количество сил и средств находилось, как того и требовала обстановка, в Западном и Резервном фронтах, то есть на кратчайших путях, ведущих к Москве с запада. Это свидетельствовало о том, что Ставка ВГК оценивала московское направление в предстоящем наступлении немецких войск как главное²⁷².

Вместе с тем построение оборонительной группировки на московском направлении и прежде всего расположение в ее составе войск Резервного фронта нельзя признать удачным. Резервный фронт включал под одним командованием три разобщенные между собой группы войск: две дивизии 31-й армии располагались на стыке Северо-Западного и Западного фронтов; две армии — на стыке между Западным и Брянским фронтами; четыре армии — во втором эшелоне за Западным фронтом. Такое его построение значительно затрудняло управление войсками и взаимодействие между участвующими в операции фронтовыми объединениями и явилось одной из причин ее неудачного исхода.

В этой же операции, но в ноябре 1941 г., когда противнику удалось выйти на ближние подступы к Москве, спланированное одноэшелонное построение стратегической группировки компенсировалось резервами Ставки ВГК. Первый ее эшелон состоял из войск Западного, Калининского и части сил Юго-Западного фронтов, войска же Московской зоны обороны (24-я и 60-я армии) составляли стратегический резерв.

Принятие Ставкой ВГК весной 1943 г. решения на преднамеренную оборону в районе Курского выступа позволило заблаговременно спланировать и создать здесь мощную оборонительную группировку. Помимо первого эшелона, состоящего из войск Центрального и Воронежского фронтов, еще до начала наступления противника был создан стратегический резерв Ставки ВГК в составе Степного военного округа, который, по сути, являлся вторым эшелоном стратегической оборонительной группировки. При этом глубина построения войск достигала 150–200 км.

Важнейшая особенность планирования стратегических оборонительных операций заключалась в определении способов их ведения, основным из которых являлась упорная

борьба за удержание занятых рубежей и объектов в сочетании с контрударами и частными наступательными операциями. Так, например, в Московской операции в ноябре 1941 г. войска Западного фронта упорной обороной каждой позиции и рубежа истощали и изматывали ударные группировки армий «Центр». В то же время Калининский и правое крыло Юго-Западного фронта активными наступательными действиями сковали основные силы 9-й и 2-й немецких армий и не позволили противнику за их счет усилить ударные группировки, наступавшие на московском направлении. Такой же способ ведения операции был определен и применялся в Смоленском сражении, в обороне под Ленинградом, Воронежем и Сталинградом.

Контрудары и частные наступательные операции были высшим проявлением активности обороняющихся войск. Обычно их целями ставились разгром прорвавшихся группировок противника и восстановление утраченного положения. И хотя таких целей удавалось достичь далеко не всегда, контрудары и частные наступательные операции во всех случаях играли важную роль и способствовали выполнению задач обороны. Так, в период оборонительных сражений под Москвой наносилось большое количество контрударов с различными целями. Решающее значение в создании перелома в ходе боевых действий имели контрудары войск 1-й ударной, 20-й, 33-й армий и группы генерала П. А. Белова, осуществленные в ноябре — начале декабря 1941 г. на обоих крыльях и в центре Западного фронта. Проведенные в рамках оборонительной операции Западного фронта, эти контрудары кардинально повлияли на улучшение общей обстановки на всем центральном стратегическом направлении советско-германского фронта.

Поучительны умелым сочетанием обороны с активными наступательными действиями на отдельных направлениях, в том числе и контрударами, оборонительные операции под Сталинградом и особенно под Курском. В период оборонительного сражения на южном фазе Курского выступа, в полосе Воронежского фронта, 12 июля 1943 г. был нанесен мощный контрудар по группировке противника, наступавшей на прохоровском направлении: с северо-востока — силами 5-й гвардейской танковой и частью сил 5-й гвардейской армий; с северо-запада — 6-й гвардейской и 1-й танковой армиями. К нанесению контрудара привлекалась также часть сил 7-й гвардейской армии. В результате проведенного контрудара войскам Воронежского фронта не удалось полностью разгромить ударную группировку противника, однако она понесла значительные потери, прекратила наступление и перешла к обороне²⁷³.

Методы планирования стратегических наступательных операций также имели свои особенности, поскольку вооруженная борьба в них отличалась невиданным прежде размахом, разнообразием и напряжением. Так, если взять первую крупную стратегическую наступательную операцию советских войск — контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г., то его особенность заключалась в том, что оно началось без какой-либо паузы, сразу же после отражения наступления противника. При этом, как вспоминал Г. К. Жуков, «у нас не было приказа, который бы мы заранее отдавали войскам (30 ноября или 1–2 декабря 1941 г.) на контрнаступление». Первоначально войскам были поставлены короткие задачи контрударного характера, а дальнейшие — ставились распорядительным порядком. Все они были согласованы между собой лишь 8–9 декабря. Далее Г. К. Жуков подчеркивал, что такого «классического контрнаступления, как мы его понимаем», под Москвой не было. Оно пошло как развитие контрударов, вылилось из них, чему, конечно, способствовали ввод новых соединений и удары авиации по войскам противника. Заблаговременно же разработанного плана контрнаступления в Ставке не было²⁷⁴. Все это объяснялось крайне тяжелой обстановкой, которая сложилась в конце ноября 1941 г. на фронте вооруженной борьбы, недостатком сил и средств, а также отсутствием у советского командования необходимого опыта в планировании наступательных операций стратегического масштаба.

Планирование и подготовка контрнаступления под Сталинградом также осуществлялись в ходе оборонительного сражения. Принципиальное решение о начале разработки плана контрнаступления Ставка ВГК приняла 13 сентября 1942 г. В целом планирование контрнаступательных операций под Москвой и Сталинградом имело как сходные черты,

так и некоторые различия. В обеих битвах планирование и непосредственная подготовка контрнаступления проходили в процессе оборонительного периода, с той лишь разницей, что под Москвой это заняло 5–6 дней, а под Сталинградом — около двух месяцев. И под Москвой, и под Сталинградом контрнаступление планировалось и проводилось в форме операции группы фронтов. Под Москвой применение этой новой в то время формы стратегических действий было продиктовано ограниченностью боевого состава фронтов и армий, а под Сталинградом это была уже оправдавшая себя на практике форма подготовки и ведения наступления. Определение и создание контрнаступательных группировок в обоих случаях осуществлялось путем усиления фронтов резервами Ставки ВГК. Только в первом случае силы фронтов наращивались в ходе всего контрнаступления, во втором — создание группировок в основном было закончено до начала операции.

К отличительным особенностям данных операций можно отнести то, что под Москвой основная задача войск фронтов заключалась в том, чтобы фронтальными ударами отбросить наиболее опасные фланговые группировки врага от столицы, замыслом же контрнаступления под Сталинградом предусматривалось после прорыва обороны противника на семи участках встречными ударами по сходящимся направлениям на Калач, Советский окружить его главные силы, расчленив их на части и уничтожить.

Планирование контрнаступления под Курском осуществлялось заранее, еще задолго до начала оборонительного сражения. Замысел контрнаступления заключался в том, чтобы после решения задач обороны завершить разгром ослабленных ударных группировок противника севернее и южнее Курска в двух стратегических контрнаступательных операциях на орловском и белгородско-харьковском направлениях.

Разработка плана контрнаступления на орловском направлении (операция «Кутузов»), к проведению которого привлекались силы левого крыла Западного, Брянского и правого крыла Центрального фронтов, осуществлялась одновременно с планированием и подготовкой оборонительной операции²⁷⁵. В основу плана контрнаступления была положена идея расчленения орловской группировки противника ударами фронтов по сходящимся направлениям с севера, востока и юга с последующим ее уничтожением по частям. Сосредоточение войск и боевой техники для проведения операции, другие подготовительные мероприятия осуществлялись заблаговременно.

План контрнаступательной операции на белгородско-харьковском направлении (кодовое название «Полководец Румянцев») окончательно был отработан в ходе завершения оборонительного сражения. Он состоял в том, чтобы, не проводя сложных перегруппировок, нанести по противнику мощный фронтальный удар смежными крыльями Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богдухов, Валки, Новую Водолагу с целью рассечения его группировки на две изолированные части и последующего охвата и разгрома во взаимодействии с 57-й армией Юго-Западного фронта вражеских соединений в районе Харькова.

В последующем подготовка первых стратегических наступательных операций той или иной кампании проводилась, как правило, в период стратегических пауз, продолжавшихся от двух до четырех месяцев. Этого времени было достаточно, чтобы пополнить части и соединения людьми, боевой техникой, накопить материальные запасы, подготовить войска и штабы к предстоящим действиям, оборудовать исходные районы для наступления, всесторонне спланировать операцию и отработать все вопросы взаимодействия. Так, планирование Белорусской стратегической наступательной операции было осуществлено в период двухмесячной оперативной паузы (в апреле — мае 1944 г.), а стратегических наступательных операций военной кампании 1945 г. в Европе началось еще в ходе летне-осенней кампании 1944 г.

Главное внимание при планировании летне-осенней кампании 1944 г. советское командование уделяло подготовке Белорусской стратегической наступательной операции. План Белорусской операции под кодовым названием «Багратион» был утвержден Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным 30 мая 1944 г.²⁷⁶ Целью операции являлось уничтожение

основных сил группы армий «Центр» и освобождение советской Белоруссии. В дальнейшем предполагалось разгромить подходящие резервы, выйти на рубеж Каунас — Белосток — Люблин и создать условия для проведения новых операций на этом стратегическом направлении и в Прибалтике. Основной особенностью плана операции являлось окружение крупных группировок войск противника с одновременным их расчленением и уничтожением.

Планирование стратегических наступательных операций в кампании 1945 г. в Европе также имело свои особенности. Главная из них заключалась в том, что завершение разгрома противника планировалось осуществить в кратчайшие сроки на всех важнейших направлениях одновременно. Главным удар намечался на Берлинском направлении.

К разработке планов стратегических наступательных операций Генеральный штаб приступал, как правило, в соответствии с указаниями Ставки ВГК. Руководствуясь этим указанием, а также общей целью и планом кампании и исходя из всесторонней оценки условий обстановки, наличия людских и материальных ресурсов, Генеральный штаб определял цель и замысел операции, способы их ведения, намечал этапы той или иной операции и задачи привлекавшихся к ней фронтов²⁷⁷. Затем по заданию Ставки он ориентировал командующих войсками фронтов о замысле стратегической операции и задачах, которые им предстояло решать. В соответствии с этой ориентировкой командующие фронтами представляли в Генеральный штаб свои соображения по наиболее эффективному с их точки зрения использованию войск подчиненных объединений в операции, которые учитывались при окончательной отработке ее плана. Нередко в Ставке ВГК проводились совещания с участием командующих войсками фронтов, где обсуждались планы предстоящих действий. Такие совещания имели место при выработке планов Орловской, Белорусской, Яско-Кишинёвской, Берлинской и ряда других операций²⁷⁸.

В окончательном виде оперативная часть плана обычно оформлялась в Генеральном штабе на картах. В других планирующих документах находили отражение все вопросы, связанные с обеспечением фронтов резервами, вооружением, боевой техникой, транспортом, материальными средствами. Особое внимание уделялось вопросам планирования очередности подвоза фронтам всего необходимого для ведения операций. После завершения отработки планов в Генеральном штабе Ставка отдавала фронтам директивы (обычно за две-три недели до начала наступления), в которых указывались цель операции фронта, ближайшие и дальнейшие задачи войск и сроки их выполнения, количество, состав ударных группировок и направления их ударов, разграничительные линии между фронтами, а в отдельных случаях — оперативное построение войск, порядок использования подвижных объединений и соединений, плотность артиллерии на участках прорыва и прочее²⁷⁹. Одновременно ставились задачи дальней авиации, войскам ПВО, а на приморских направлениях и флоту, организовывалось взаимодействие между фронтами и стратегическими группировками, действовавшими на разных направлениях.

Вся остальная работа по планированию осуществлялась командованием и штабами фронтов. Практически это находило свое выражение в том, что каждым из фронтов в соответствии с полученной директивой разрабатывался конкретный план фронтовой операции, который затем утверждался Ставкой. Уточнение вопросов, возникавших при этом (относительно направлений главного и других ударов, оперативного построения, взаимодействия и прочего), осуществлялось обычно представителями Ставки ВГК, а также путем взаимной договоренности между командующими фронтами²⁸⁰.

Иногда Генеральным штабом, особенно во второй половине Великой Отечественной войны, когда линия фронта стремительно отодвигалась на запад, а наступательные действия на различных его участках или подготовка к ним велись почти непрерывно, применялся и другой метод планирования стратегических операций. В этих случаях командующим войсками фронтов предписывалось представлять в Генеральный штаб собственные письменные соображения о планах операций (нередко военные советы фронтов представляли свои соображения о планах дальнейших действий и без предварительного указания Ставки), которые там тщательно изучались, докладывались Ставке, и если та в принципе соглашалась

с ними, то план корректировался, после чего Генеральный штаб распорядительным порядком увязывал действия фронтов и готовил для каждого из них соответствующие директивы.

В целом методы планирования стратегических операций, применявшиеся Генеральным штабом в годы войны, себя оправдали, в этой области деятельности им был накоплен уникальный опыт. К разработке планов операций Генеральный штаб, начиная с контрнаступления под Сталинградом, подходил неизменно творчески, всячески сторонясь шаблонов. Спланированные им стратегические операции характеризовались, как правило, большим пространственным размахом и высокой результативностью. Большинство из них планировалось и проводилось в полосах от 300 до 600 км, а в ряде операций второго и третьего периодов войны ширина полос наступления достигала от 600 до 1100 км²⁸¹. Глубина продвижения войск в операциях колебалась от 100–250 до 300–600 км. По продолжительности стратегические наступательные операции были различными, занимая от 10 до 70 суток. Темпы наступления советских войск имели тенденцию к возрастанию: от 3–4 км в сутки в операциях 1941–1942 гг. до 20–25 км в операциях 1944–1945 гг.

В ходе важнейших стратегических наступательных операций нередко разгрому подвергались 50–90 и более дивизий противника. Особенно результативными были стратегические операции летне-осенних кампаний 1943–1944 гг., в ходе которых в общей сложности удалось разгромить соответственно 118 и 338 дивизий врага²⁸². Ряд операций приводил к освобождению огромных территорий и выводу из войны целых государств. Так, разгром крупных сил противника в Яско-Кишинёвской операции сыграл важнейшую роль в выводе из войны Румынии, Выборгско-Петрозаводская и Петсамо-Киркенесская операции способствовали выводу из войны Финляндии, а Будапештская стратегическая операция — Венгрии.

Важнейшей особенностью планирования стратегических наступательных операций было определение способов разгрома противника, которые избирались Ставкой ВГК и Генеральным штабом в зависимости от целей каждой конкретной операции и условий обстановки — соотношения сил, характера ТВД, построения вражеской обороны, начертания линии фронта²⁸³. Наиболее характерными способами ведения, определяемыми при планировании операций, являлись: нанесение ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения крупных группировок противника (планирование Сталинградской, Яско-Кишинёвской и других операций); нанесение мощного удара с целью рассеяния противостоящей вражеской группировки и разгрома ее по частям (Белгородско-Харьковская, Висло-Одерская операции); нанесение дробящих ударов на широком фронте с развитием их в глубину и в стороны флангов (Орловская, Смоленская операции). В некоторых крупных операциях имело место сочетание названных способов разгрома группировок противника (Белорусская операция). При ведении стратегических операций на приморских направлениях применялся способ нанесения охватывающего удара с целью отсечения и прижатия к морю крупной группировки неприятеля с последующим ее уничтожением или блокадой совместно с флотом (Прибалтийская, Восточно-Прусские операции).

Особое внимание при планировании и ведении наступательных операций уделялось способу разгрома крупных группировок противника путем их окружения и уничтожения, дающим особенно эффективные оперативные и стратегические результаты. К проведению стратегических наступательных операций на окружение Ставка ВГК чаще всего привлекала группу фронтов (от двух до четырех) и только одна — Львовско-Сандомирская операция проводилась силами одного (1-го Украинского) фронта. Всего в годы войны было спланировано и проведено десять стратегических операций на окружение. Кроме того, в ходе стратегического наступления было проведено значительное количество самостоятельных фронтовых операций (Острогжско-Россошанская, Воронежско-Касторненская и другие), в которых окружались крупные группировки противника. Всего же на советско-германском фронте путем окружения было разгромлено более 200 соединений немецко-фашистских войск²⁸⁴.

При планировании операций выбирались разнообразные способы окружения крупных группировок противника в зависимости от его состава и характера действий, конфигурации линии фронта, наличия своих сил и средств и других факторов. Наиболее часто окружение

осуществлялось нанесением по флангам обороняющейся вражеской группировки двух мощных ударов по сходящимся направлениям. Такой способ применялся в том случае, когда советские войска глубоко охватывали группировку противника, которая была достаточно компактной, а местность на ее флангах позволяла эффективно использовать все рода войск, особенно бронетанковые и механизированные. Примерами планирования и применения такого способа окружения являются Сталинградская, Яско-Кишинёвская, Будапештская, Пражская операции, когда удары наносились под основание образовавшихся в линии фронта выступов, по наиболее уязвимым местам в обороне противника. Так, в Сталинградской операции Юго-Западный и Сталинградский фронты нанесли главные удары по участкам, где оборонялись румынские войска, уступавшие в боеспособности немецким.

В тех случаях, когда начертание линии фронта не позволяло наносить встречные удары, а основные силы неприятеля были рассредоточены в тактической зоне обороны и ближайшей оперативной глубине, окружение планировалось и осуществлялось другим способом — нанесением нескольких фронтальных ударов, развитием их в оперативную глубину с последующим выходом на фланги и в тыл противостоящей группировки. Так осуществлялось окружение в Белорусской, Львовско-Сандомирской и Берлинской операциях. Характерной особенностью Белорусской операции было то, что разгром противника осуществлялся путем дробления стратегического фронта в сочетании с окружением и уничтожением группировок противника на различной глубине. Первоначально в тактической и ближайшей оперативной глубине были окружены и уничтожены его фланговые группировки (в районах Витебска и Бобруйска), а после их разгрома созданы благоприятные условия для развития наступления 3-го и 1-го Белорусских фронтов по сходящимся направлениям на Минск и окружения совместно со 2-м Белорусским фронтом основных сил 4-й армии противника на удалении 200 км от исходного положения войск фронтов²⁸⁵.

При наличии в тылу группировки противника труднопреодолимой для войск преграды (например, море) при планировании избирался еще один способ окружения — нанесение одного мощного удара с последующим охватом группировки, прижатием ее к этой преграде и изоляцией от основных сил, действовавших на данном направлении. Наиболее показательное применение этого способа в Прибалтийской и Восточно-Прусской операциях. Например, в Восточно-Прусской операции 2-й Белорусский фронт нанес глубокий охватывающий удар по правому крылу группы армий «Центр», в результате чего были отрезаны пути отступления группировки противника на запад, а во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом ее основные силы (около 32 дивизий) были рассечены на три изолированные части и прижаты к Балтийскому морю.

Одной из сложных проблем планирования и ведения операций на окружение являлось уничтожение окруженных группировок. При этом ликвидация окруженных войск планировалась и осуществлялась в различных условиях обстановки. В случаях, когда окруженная группировка сохраняла целостность, а противник предпринимал решительные меры по ее деблокированию, она уничтожалась либо после отражения контрударов на внешнем фронте окружения (Сталинградская операция), либо одновременно с отражением контрударов (Будапештская операция). Боевые действия по разгрому окруженного противника были продолжительными по времени, требовали значительных перегруппировок войск и ввода в сражение резервов ВГК. Основным способом разгрома таких группировок было расчленение их путем нанесения ударов с нескольких направлений и уничтожение по частям. Например, в Сталинградской операции ликвидация окруженной группировки была завершена лишь после устранения угрозы ее деблокирования²⁸⁶. В отличие от Сталинградской, в Будапештской операции не было паузы между завершением окружения и началом уничтожения противника. Одновременно с отражением сильных контрударов на внешнем фронте осуществлялась и ликвидация вражеской группировки. В ряде операций 1944–1945 гг. советским войскам удавалось дробить группировки противника на части еще в ходе окружения (Белорусская, Яско-Кишинёвская, Берлинская операции). В результате сроки операций существенно сокращались, их рассечение и последующее уничтожение превращались в единый и неразрывный процесс.

Наряду с окружением для разгрома противника в стратегических наступательных операциях планировался и применялся способ нанесения мощного удара с целью рассеивания противостоящей вражеской группировки и разгрома ее по частям²⁸⁷. Способ рассекающих ударов применялся в тех случаях, когда имелось значительное превосходство в силах и средствах, а местность позволяла использовать крупные массы танков. Основным достоинством данного способа являлись высокие темпы наступления и быстрый выход войск на запланированные рубежи в оперативно-стратегической глубине обороны противника. В результате мощных первоначальных ударов на нескольких направлениях образовывались крупные бреши в обороне неприятеля, его группировки рассекались на части, что облегчало уничтожение изолированных и утративших между собой оперативную связь отдельных группировок войск противника. Рассечение группировок противника в целом успешно было спланировано и применено в Белгородско-Харьковской, Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской наступательных операциях.

Например, в Белгородско-Харьковской операции рассекающий удар был спланирован и нанесен смежными флангами Воронежского и Степного фронтов. Их войска перешли в контрнаступление, когда противник исчерпал свои наступательные возможности, но еще не успел создать достаточно прочной обороны. Для сокращения сроков подготовки операции и исключения значительных перегруппировок главный удар наносился по сильному месту в обороне врага. Мощный удар двух фронтов привел к рассеиванию его группировки, оборонявшей белгородско-харьковский выступ, на две изолированные части и последующему ее разгрому.

В замысле Висло-Одерской операции определялось мощными фронтальными ударами войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов с плацдармов на Висле на Познань и Бреслау соответственно рассечь и уничтожить по частям основные силы группы армий «А», завершить освобождение Польши и создать благоприятные условия для нанесения завершающего удара на Берлин²⁸⁸. В ходе операции была подтверждена высокая эффективность способа разгрома оперативно-стратегической группировки противника — рассеивание с последующим уничтожением по частям.

Высокие результаты давал еще один способ — нанесение дробящих ударов на широком фронте с развитием их в глубину и в стороны флангов. Чаще всего он планировался и применялся тогда, когда враг занимал прочную оборону на широком фронте, конфигурация линии фронта не позволяла осуществить нанесение фланговых ударов на окружение, а соотношение сил и условия местности не обеспечивали нанесение сильных рассекающих ударов. В таких условиях наносился ряд мощных ударов на широком фронте на нескольких направлениях с развитием их в глубину по параллельным или сходящимся направлениям. В результате фронт обороны противника дробился на части, чем достигалось его расшатывание и создание благоприятных условий для дальнейшего наступления и расширения отдельных вклинений в сторону флангов до слияния их в общий прорыв. Применение этого способа, во-первых, позволяло скрытно провести подготовку операции, а во-вторых, затрудняло вражескому командованию вскрытие ее замысла и осуществление маневра силами и средствами вдоль фронта. Примерами применения такого способа разгрома группировок противника могут служить Орловская, Смоленская, Нижне-Днепровская и другие наступательные операции.

Что касается сочетания способов разгрома вражеских группировок, то наиболее характерным примером в этом отношении является планирование и проведение Белорусской операции. Спланированный войсками четырех фронтов одновременный прорыв вражеской обороны был осуществлен на шести далеко отстоящих друг от друга участках, что привело к дроблению группировки противника на части и не позволило ему перебрасывать крупные силы с одного направления на другое. В последующем войска фронтов осуществили окружение и уничтожение группировок противника: сначала в тактической зоне и ближайшей оперативной глубине — в районе Витебска и Бобруйска соответственно, а затем на большой глубине — на удалении 200 км, восточнее Минска²⁸⁹.

При планировании стратегических наступательных операций важное внимание уделялось определению стратегических группировок войск и сил. Для проведения операций планировалось привлечение группировок войск и сил в составе от двух до пяти фронтов, авиации дальнего действия, войск ПВО страны, озерных и речных флотилий, а на приморских направлениях и флотов. Группировки для проведения операций создавались в соответствии с избранными способами разгрома противника. Так, в операциях на окружение, в зависимости от способа, создавались две или одна ударные группировки в тех фронтах, которые должны были играть ведущую роль (например, в Сталинградской операции — в Юго-Западном и Сталинградском фронтах). В операциях на рассечение или дробление также создавалось несколько ударных группировок. Так, в Висло-Одерской операции были созданы четыре группировки: три — для нанесения ударов с плацдармов на западном берегу Вислы (Сандомирского, Магнушевского и Пулавского) и одна — для нанесения удара севернее Варшавы.

В целом стратегическое планирование в годы войны играло важную роль в подготовке и применении вооруженных сил, обеспечении эффективного руководства советскими войсками. Важнейшим достижением развития системы стратегического планирования явился переход от решения Ставкой ВГК и Генеральным штабом отдельных неотложных стратегических задач распорядительным порядком к заблаговременному планированию военных кампаний и стратегических операций. В годы войны постепенно сложилась достаточно стройная система подготовки и принятия стратегических решений, были выработаны и освоены методы стратегического планирования, разработки замыслов и планов военных кампаний и стратегических операций.

Непременным элементом планирования как оборонительных, так и наступательных стратегических операций являлась постановка задач партизанским соединениям, отрядам, действующим в полосах привлекаемых к операции фронтов. Задачи партизанским силам ставились Ставкой ВГК через Центральный штаб партизанского движения, а поддержание взаимодействия осуществлялось штабом фронта.

За годы войны система стратегического планирования претерпела значительные изменения и стала довольно эффективной. Как отмечал маршал Г. К. Жуков, Ставка ВГК «видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство... она лучше противника понимала и конкретную обстановку, определяющую ход событий на фронтах... Наша Ставка отчетливо представляла себе вероятные действия немецко-фашистского командования, принимала меры, чтобы разрушить его намерения и добиться своей цели. Все это вместе взятое и обеспечило высокую действенность нашего военного планирования»²⁹⁰.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Генеральный штаб Красной армии как основной рабочий орган Ставки ВГК успешно справлялся с возложенными на него задачами. Его структура, функции, формы и методы работы непрерывно совершенствовались в целях максимального соответствия требованиям войны и обеспечения эффективной работы Ставки Верховного главнокомандования. Наряду с решением вопросов оперативно-стратегического использования вооруженных сил он осуществлял общее руководство их строительством, материально-техническим обеспечением, воинскими перевозками, перегруппировками войск, сил и средств как на ТВД, так и между ними. К решению возложенных на него задач Генеральный штаб подходил творчески, тесно увязывая их с практикой ведения военных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 31.
- ² ЦАМО. Ф. 7. Оп. 914. Д. 1. Л. 205–334.
- ³ *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников // Б. М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие. М., 1983. С. 114.
- ⁴ Там же. С. 114–115.
- ⁵ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 2014. С. 98.
- ⁶ Великая Отечественная война — день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. В 10-ти т. Т. 1. М., 2008. С. 35.
- ⁷ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 98.
- ⁸ ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 85. Л. 1–3.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 243; ЦАМО. Ф. 7. Оп. 69. Д. 1. Л. 2–4.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 8–9; РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 275.
- ¹¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 500–502.
- ¹² ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 1–4.
- ¹³ Там же. Ф. 19. Оп. 1078. Д. 2. Л. 14–19.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Хохлов В. С.* От шахтера до наркома и маршала. М., 2010. С. 638.
- ¹⁶ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1995. Т. 2. С. 83.
- ¹⁷ *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников // Б. М. Шапошников и его военно-теоретическое наследие. С. 132.
- ¹⁸ В состав группы вошли полковник И. А. Большаков, подполковник Л. С. Эпштейн, военинженер 2 ранга К. Леонтьев, капитан М. Полякова, лейтенант В. Бочкарёв и другие офицеры // *Лота В. И.* «Тайфун»: верность прогноза // Красная звезда. 2011. 2–8 ноября. С. 9.
- ¹⁹ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 41.
- ²⁰ ЦАМО. Ф. 19. Оп. 1078. Д. 2. Л. 34–36.
- ²¹ Там же. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 49–51.
- ²² Там же. Д. 2. Л. 71–82, 265–270, 310–311.
- ²³ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 127.
- ²⁴ Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006. С. 217.
- ²⁵ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 53.
- ²⁶ Там же. С. 112.
- ²⁷ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 541.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 246.
- ²⁹ Там же. Л. 244–250.
- ³⁰ Там же. Л. 218.
- ³¹ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). М., 1997. С. 124–125.
- ³² ЦАМО. Ф. 7. Оп. 73. Д. 4. Л. 91.
- ³³ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 50.
- ³⁴ Генеральный штаб Российской армии: история и современность. С. 216–217.

- ³⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 50.
- ³⁶ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 113. Д. 59. Л. 15.
- ³⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 348.
- ³⁸ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 340. Д. 3. Л. 118–124.
- ³⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 1026. Д. 1. Л. 40.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 29. Л. 401–405.
- ⁴¹ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 206.
- ⁴² Там же. С. 315.
- ⁴³ Там же. С. 262.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 2–4.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 24–25.
- ⁴⁶ Там же. Л. 1.
- ⁴⁷ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 31.
- ⁴⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). С. 380–381.
- ⁴⁹ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 138.
- ⁵⁰ ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 587. Д. 1. Л. 169; Ф. 16а. Оп. 1024. Д. 2. Л. 171–174.
- ⁵¹ Там же. Ф. 7а. Оп. 587. Д. 1. Л. 204; Оп. 66. Д. 1. Л. 262; Ф. 19а. Оп. 1078. Д. 2. Л. 22–24.
- ⁵² *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 87.
- ⁵³ ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 139. Д. 6. Л. 235.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 66. Д. 2. Л. 15, 102.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 587. Д. 2. Л. 70–73, 76–77, 92–93, 122.
- ⁵⁶ Цит. по: *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 139.
- ⁵⁷ ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 599. Д. 5. Л. 23.
- ⁵⁸ *Бронецкий С. С.* Об оперпункте Генерального штаба на ленинградском направлении (октябрь — ноябрь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 42–46.
- ⁵⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1099. Д. 10. Л. 79–81; Д. 1. Л. 83–87; Оп. 1133. Д. 18. Л. 118–119, 122–125.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 985. Л. 33–49.
- ⁶¹ Там же. Ф. 19а. Оп. 599. Д. 5. Л. 24.
- ⁶² Там же. Л. 24–26.
- ⁶³ Там же. Л. 92–94.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 7а. Оп. 66. Д. 2. Л. 90.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 588. Д. 1. Л. 1–4.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 68. Д. 6. Л. 42, 54.
- ⁶⁷ Там же. Л. 39.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 588. Д. 1. Л. 177.
- ⁶⁹ Там же. Л. 59–60, 141–153, 271–272.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 19а. Оп. 279. Д. 5. Л. 46–54.
- ⁷¹ Там же. Л. 46.
- ⁷² *Василевский А. М.* Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1965. № 8. С. 4.
- ⁷³ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1045. Д. 1–10; Ф. 48а. Оп. 1111. Д. 17; Оп. 1103. Д. 4–5; Оп. 1122. Д. 3.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 7а. Оп. 68. Д. 12. Л. 99–100.
- ⁷⁵ Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 318–320.
- ⁷⁶ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 68. Д. 12. Л. 99–100.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 1045. Д. 21. Л. 103, 111, 113.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 34. Л. 316.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 16а. Оп. 1045. Д. 22. Л. 13.
- ⁸⁰ Там же. Л. 230–234.

- ⁸¹ Там же. Ф. 14. Оп. 11603. Д. 16. Л. 1–10.
- ⁸² Там же. Ф. 7а. Оп. 588. Д. 1. Л. 256.
- ⁸³ Там же. Д. 2. Л. 3.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 33. Д. 8. Л. 97; Оп. 68. Д. 12. Л. 213.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 16а. Оп. 1045. Д. 17. Л. 82.
- ⁸⁶ Там же. Л. 132, 136, 138, 144–147.
- ⁸⁷ Там же. Д. 2. Л. 77–87.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 7а. Оп. 588. Д. 3. Л. 17, 36; Оп. 589. Д. 1. Л. 86, 98.
- ⁸⁹ Там же. Оп. 588. Д. 3. Л. 18; Оп. 589. Д. 1. Л. 55–56, 118.
- ⁹⁰ Там же. Оп. 588. Д. 3. Л. 12, 64, 72.
- ⁹¹ *Василевский А. М.* Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (К 80-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. 1976. № 11. С. 62–63.
- ⁹² ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 35. Д. 1–3, 13; Оп. 589. Д. 1.
- ⁹³ Там же. Ф. 16а. Оп. 1046. Д. 13. Л. 103–106.
- ⁹⁴ Там же. Д. 25. Л. 56–57.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 118–120.
- ⁹⁶ В момент реорганизации Группы офицеров в Корпус в ней было 199 человек (ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 70. Д. 7. Л. 65).
- ⁹⁷ ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 73. Д. 4. Л. 91.
- ⁹⁸ Там же. Л. 110, 114–116.
- ⁹⁹ *Куликов И. Н.* Офицеры — представители Генерального штаба в оборонительном сражении под Курском // Военно-исторический журнал. 1976. № 8. С. 79–84.
- ¹⁰⁰ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1691. Д. 16. Л. 427.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 16а. Оп. 934. Д. 7. Л. 189.
- ¹⁰² Там же. Оп. 1405. Д. 1. Л. 1–6.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 242. Оп. 2254. Д. 1. Л. 49–53; Ф. 16а. Оп. 1405. Д. 1. Л. 1–6.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 7а. Оп. 73. Д. 4. Л. 67–86; Оп. 74. Д. 1. Л. 137–156.
- ¹⁰⁵ Так в тексте. Имеется в виду — гордовского.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 16а. Оп. 948. Д. 23. Л. 139–143.
- ¹⁰⁷ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 439.
- ¹⁰⁸ Военно-исторический журнал. 1971. № 9. С. 58–59; *Салтыков Н. Д.* Докладываю в Генеральный штаб. М., 1983. С. 239–240.
- ¹⁰⁹ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 397–398.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 7а. Оп. 226. Д. 2. Л. 27–38.
- ¹¹¹ Там же. Оп. 958. Д. 1. Л. 39, 50.
- ¹¹² Там же. Д. 1–3; Оп. 1822. Д. 2–3.
- ¹¹³ В это число входили руководящий состав Группы офицеров Генштаба, включая должности помощников начальника группы, и офицеры Генштаба при штабах объединений и соединений.
- ¹¹⁴ ЦАМО. Ф. 7а. Оп. 588. Д. 3; Оп. 589. Д. 1–2; Оп. 590. Д. 1–2.
- ¹¹⁵ Там же. Оп. 72. Д. 4; Оп. 73. Д. 5–6; Оп. 74. Д. 4–5; Оп. 140. Д. 9–10; Оп. 226. Д. 9–10; Ф. 33. Оп. 717037. Д. 4333–4334.
- ¹¹⁶ *Хлобустов О.* Госбезопасность России от Александра I до Путина. М., 2007. С. 213.
- ¹¹⁷ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы. М., 2008. С. 111–115.
- ¹¹⁸ *Павлов А. Г.* Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 51–52.
- ¹¹⁹ *Кондрашов В. В.* Знать всё о противнике. М., 2010. С. 28.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же. С. 33.
- ¹²² Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193–208.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 16.

- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 12972. Д. 10. Л. 70–75.
- ¹²⁷ Там же. Оп. 6567. Д. 3. Л. 183–188.
- ¹²⁸ Там же. Д. 2. Л. 53–60.
- ¹²⁹ *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 55.
- ¹³⁰ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 6. Л. 3.
- ¹³¹ Fall Barbarossa. Berlin, 1970. S. 151–155.
- ¹³² ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7279. Д. 4. Л. 29–31.
- ¹³³ Fall Barbarossa. S. 151–155.
- ¹³⁴ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21.
- ¹³⁵ Там же. Л. 21.
- ¹³⁶ Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 140–152.
- ¹³⁷ Там же. Л. 194.
- ¹³⁸ Там же. Оп. 7273. Д. 2. Л. 88–91.
- ¹³⁹ Там же. Оп. 7439. Д. 3. Л. 115–119.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 43–46.
- ¹⁴¹ Там же. Оп. 4258. Д. 4. Л. 42–47.
- ¹⁴² Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 84–85.
- ¹⁴³ Там же. Оп. 4258. Д. 4. Л. 110–116.
- ¹⁴⁴ Там же. Оп. 7273. Д. 2. Л. 89–91.
- ¹⁴⁵ Там же. Оп. 11610. Д. 19. Л. 1–9.
- ¹⁴⁶ *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁴⁷ *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 506–507; *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1941. М., 2007. С. 339.
- ¹⁴⁸ Военная разведка в битве за Москву. М., 2005. С. 23.
- ¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4487. Д. 4. Л. 32–34.
- ¹⁵⁰ *Бочкарёв В. В.* 60 лет в ГРУ. М., 2003. С. 50–51; *Ивашутин П. И.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5; *Никольский В.* Аквариум-2. М., 1987. С. 49–59.
- ¹⁵¹ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7567. Д. 1. Л. 43.
- ¹⁵² Там же. Л. 43–45.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ *Кондрашов В. В.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁵⁵ *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 393.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 73–74.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Генеральный штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1947. Т. 5.
- ¹⁶⁰ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 3. С. 264.
- ¹⁶¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 205.
- ¹⁶² *Андроников Н. Г., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1942. М., 2009. С. 284.
- ¹⁶³ *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 532–533.
- ¹⁶⁴ ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 347–348.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Они руководили ГРУ. М., 2005. С. 199.
- ¹⁶⁹ *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 304–308.
- ¹⁷⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 163–166.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. М., 2006. С. 142.

- ¹⁷⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 163–166.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 167–170.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 163–166.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 171.
- ¹⁷⁸ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 7–11.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 19.
- ¹⁸⁰ Там же. Оп. 7362. Д. 3. Л. 258–259.
- ¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 124. Л. 175–183.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 7–11.
- ¹⁸⁴ *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. С. 332.
- ¹⁸⁵ Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том 20 (9). М., 1998. С. 312–313.
- ¹⁸⁶ Книга памяти. Назовем поименно. Сб. Т. 22. Калининград, 2009. С. 6.
- ¹⁸⁷ *Михайлов В. Н., Беляев И. А. и др.* Атомная отрасль России. М., 1998. С. 46.
- ¹⁸⁸ *Лота В. И.* Информаторы Сталина. М., 2009. С. 261.
- ¹⁸⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 267.
- ¹⁹⁰ Генерал-майор Н. В. Славин вместе с военным дипломатом, заместителем начальника Разведуправления Главного морского штаба контр-адмиралом К. К. Родионовым участвовал в работе советской делегации во главе с послом СССР в США А. А. Громыко на международной конференции 1944 г. в Думбартон-Оксе (США) и как член Подкомитета военных представителей конференции в разработке проекта Устава ООН. Был включен в состав делегации СССР на учредительную Сан-Францисскую конференцию 1945 г., принявшую Устав ООН. Н. В. Славин, в ту пору уже генерал-лейтенант, входил также в состав военной делегации во главе с маршалом Г. К. Жуковым на Потсдамской 1945 г. конференции руководителей трех союзных держав.
- ¹⁹¹ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 110.
- ¹⁹² Документы внешней политики. 2 января — 30 декабря 1942. Т. XXV. Кн. 1. М., 2010. С. 392.
- ¹⁹³ *Харламов Н. Г.* Трудная миссия. М., 1983. С. 213–214.
- ¹⁹⁴ *Алексеев М. А., Колтакиди А. И., Кочик В. Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 742–743.
- ¹⁹⁵ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х Кн. Кн. 2. М., 1985. С. 401.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 408.
- ¹⁹⁷ *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ: дела и люди. СПб., 2003. С. 403.
- ¹⁹⁸ Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 116.
- ¹⁹⁹ *Винокуров В. И.* История военной дипломатии. В 4-х т. Т. 2. Военная дипломатия между Первой и Второй мировыми войнами. М., 2010. С. 291.
- ²⁰⁰ *Харламов Н. Г.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁰¹ *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. С. 123.
- ²⁰² Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 1958. С. 19, 21–22.
- ²⁰³ NAUS. Papers and Minutes of Meetings of Principal World War II: Allied Military aces. Microfilm Publication № 995. Roll I. P. 155.
- ²⁰⁴ История дипломатии. В 5-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 552.
- ²⁰⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х Кн. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 213.
- ²⁰⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 288. Л. 5–9.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ *Паперно А. Л.* Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998. С. 10.
- ²⁰⁹ *Заостровцев Г. А.* Северные конвои. Исследования, воспоминания, документы. Архангельск, 1991. С. 27.
- ²¹⁰ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 45.

- ²¹¹ Там же. С. 41.
- ²¹² Советско-американские отношения. 1939–1945. Документы. М., 2004. С. 252–253.
- ²¹³ *Барятинский М.* Ленд-лиз: маршруты, объемы и долг // ВПК — Военно-промышленный курьер. 2011. 2–8 марта.
- ²¹⁴ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 3-х т. М., 1962. Т. 3. С. 445; Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М., 1993. С. 198.
- ²¹⁵ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 534.
- ²¹⁶ Военное искусство во Второй мировой войне (стратегия и оперативное искусство). М., 1993. С. 194.
- ²¹⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 670.
- ²¹⁸ Там же. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 650–651.
- ²¹⁹ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1072. Д. 49. Л. 408–411, 594–603.
- ²²⁰ Там же. Оп. 1032. Д. 21. Л. 16–32.
- ²²¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 204.
- ²²² ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1032. Д. 21. Л. 16–32.
- ²²³ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 205.
- ²²⁴ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. С. 302.
- ²²⁵ Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. В 4-х т. Т. 1. М., 1958. С. 168.
- ²²⁶ Там же. С. 606–608.
- ²²⁷ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 445.
- ²²⁸ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 158.
- ²²⁹ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 947. Д. 36. Л. 70–72, 74.
- ²³⁰ Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 70–72.
- ²³¹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 181.
- ²³² ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 269. Л. 14–20.
- ²³³ Там же. Ф. 16а. Оп. 936. Д. 75. Л. 132–137.
- ²³⁴ Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 1–2.
- ²³⁵ Там же. Ф. 213. Оп. 2066. Д. 14. Л. 38.
- ²³⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1035. Л. 63–64.
- ²³⁷ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 20.
- ²³⁸ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmacht-fuhrungsstab). 1940–1945. Bd. 1. Frankfurt a/M. 1963. S. 303.
- ²³⁹ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 263.
- ²⁴⁰ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 75–81.
- ²⁴¹ Там же. Д. 42. Л. 6–7; Ф. 213. Оп. 2022. Д. 69. Л. 141–144.
- ²⁴² Там же. Ф. 204. Оп. 97. Д. 8. Л. 72–78.
- ²⁴³ Там же. Ф. 251. Оп. 646. Д. 147. Л. 1–4.
- ²⁴⁴ Там же. Ф. 209. Оп. 1185. Д. 1. Л. 21–24.
- ²⁴⁵ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 254–255.
- ²⁴⁶ ЦАМО. Ф. 81. Оп. 103988. Д. 2. Л. 112–116.
- ²⁴⁷ *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 15.
- ²⁴⁸ Там же. С. 254–255.
- ²⁴⁹ История второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти т. Т. 4. М., 1975. С. 305.
- ²⁵⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 19179. Д. 9. Л. 223.
- ²⁵¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 199.
- ²⁵² ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11558. Д. 6. Л. 9–10.
- ²⁵³ Там же. Ф. 251. Оп. 648. Д. 269. Л. 14–20.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 42. Л. 1–5.
- ²⁵⁵ Там же. Ф. 204. Оп. 93. Д. 7. Л. 24, 103, 163, 244.
- ²⁵⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 368–369.

- ²⁵⁷ Там же. С. 422.
- ²⁵⁸ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1691. Д. 233. Л. 283–287; Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 3. С. 13–15.
- ²⁵⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. С. 531.
- ²⁶⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 330.
- ²⁶¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. С. 661.
- ²⁶² Советский Союз на международных конференциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 3-х т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 173.
- ²⁶³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. М., 2012. С. 19.
- ²⁶⁴ ЦАМО. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 192.
- ²⁶⁵ Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). С. 202.
- ²⁶⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 672.
- ²⁶⁷ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и конфликтах. М., 1993. С. 206.
- ²⁶⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 672.
- ²⁶⁹ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 274–276, 279–280.
- ²⁷⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. С. 798–801.
- ²⁷¹ Там же. Т. 3. С. 28.
- ²⁷² Там же. С. 48.
- ²⁷³ Там же. С. 544.
- ²⁷⁴ Павленко Н. Г. Полководец за «круглым столом» // Маршал Жуков: полководец и человек: Сб. В 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 151–152, 154.
- ²⁷⁵ История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 7. М., 1976. С. 117–118.
- ²⁷⁶ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 258–261.
- ²⁷⁷ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 445.
- ²⁷⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 347, 471.
- ²⁷⁹ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 3. С. 446.
- ²⁸⁰ ЦАМО. Ф. 18а. Оп. 3409. Д. 27. Л. 104.
- ²⁸¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 672.
- ²⁸² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 7. С. 278; Т. 9. М., 1978. С. 531.
- ²⁸³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 671.
- ²⁸⁴ Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 6. М., 1978. С. 37.
- ²⁸⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 673.
- ²⁸⁶ Там же. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. С. 383.
- ²⁸⁷ Там же. С. 662.
- ²⁸⁸ Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. М., 1968. С. 224, 229.
- ²⁸⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. С. 673.
- ²⁹⁰ Жуков Г. К. Указ. соч. Т. 2. С. 93.